

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Павличенко Петр Петрович

**ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ СИЛЫ В СОСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ОСОБЫХ БРИГАД: БОЕВОЙ
ОПЫТ И ПОСЛЕВОЕННАЯ АДАПТАЦИЯ**

5.6.2 Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель Саприкина Ольга Вячеславовна,
кандидат исторических наук, доцент

Оглавление

Введение	3
Глава 1. История Русских Особых бригад во Франции и на Балканах (1915–1917).....	37
1.1. Русские Особые бригады в контексте франко-российского сотрудничества (1915–1916).....	37
1.2. Боевой путь Русских Особых бригад на Западном и Салоникском фронтах (1916–1917).....	52
1.3. Куртинский кризис: причины возникновения, ход и последствия восстания 1917 г.....	66
Глава 2. Процесс расформирования Русских Особых бригад и его последствия (1917–1920).....	95
2.1. Русская база в Лавале и рабочие роты как механизм трудового использования русских военнослужащих во Франции.....	95
2.2. Русские солдаты и офицеры во французской армии и система их репатриации после Первой мировой войны.....	108
Глава 3. Послевоенная адаптация русских солдат и офицеров во Франции и России (1918 – середина 30-х гг. XX в.)	124
3.1. Адаптация части солдат и офицеров Русских Особых бригад к гражданской жизни во Франции.....	124
3.2. Возвращение части русских военнослужащих в Россию	139
Заключение.....	156
Список источников и литературы.....	160
Приложения.....	173

Введение

Экспедиционными силами называются оперативные объединения вооруженных сил, созданные для ведения боевых действий, выполнения специальных или миротворческих задач за пределами своего государства. Их активное применение пришлось на Первую мировую войну (1914–1918). В 2018 г. широко отмечался вековой юбилей ее окончания, а в 2019 г. исполнилось сто лет Версальской системы международных отношений. К этим датам были приурочены научные конференции: например, в Москве в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына с 16 по 18 мая 2019 г. прошла Первая международная конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы», посвященная истории Русских Особых бригад. Во французских документах и историографии также используется название «Русский экспедиционный корпус».

Русские Особые бригады (1916–1917) – экспедиционные силы Русской императорской армии, которые во время Первой мировой войны находились в двойном подчинении – России и Франции. Русские солдаты и офицеры были отправлены во Францию и на Балканы в 1916 г. после достижения соглашения между императором Николаем II и французским правительством в обмен на поставки из Франции в Россию вооружения и боевой техники. 1-я и 3-я Особые бригады действовали во Франции и участвовали в апрельском наступлении Р.Ж. Нивеля¹ 1917 г., а 2-я и 4-я бригады были направлены на Салоникский фронт, где сражались в боях за Флорину и Монастир (ныне – Битола, Северная Македония). После Куртинского кризиса (май–сентябрь 1917 г.) и последующего расформирования прежней структуры русского воинского контингента часть военнослужащих была включена в Русский легион² и рабочие роты³. Солдаты,

¹ Название операции дано по фамилии Главнокомандующего французской армией генерала Робера Жоржа Нивеля.

² Русский легион – воинское формирование из русских солдат и офицеров, которые приняли решение продолжить участие в Первой мировой войне в составе французской армии.

³ Рабочие роты – формирования из русских солдат, которые занимались строительными или сельскохозяйственными работами.

отказавшиеся вступить в них, были отправлены во французские тюрьмы и североафриканские концентрационные лагеря.

Актуальность исследования. Изучение широко применявшихся в период Первой мировой войны экспедиционных сил представляет большой интерес, который связан с принципиально новым – мировым – характером военных столкновений, повлекшим за собой изменение форм союзничества и международных связей.

Исследование истории Русских Особых бригад позволяет расширить информацию о масштабах участия России в названном конфликте, полноте выполнения ею обязательств по Антанте и определить боевой вклад русских солдат и офицеров в военные действия на Западном и Салоникском фронтах.

В XX в. подвиги военнослужащих Русского экспедиционного корпуса были вытеснены из исторической памяти российского общества событиями революций 1917 г. и Гражданской войны. Введение в научный оборот ранее недоступных для исследователей документов зарубежных архивов в рамках комплексного изучения создания, боевого пути, расформирования и послевоенной адаптации солдат и офицеров Русских Особых бригад позволяет не только качественно переосмыслить картину участия России в Первой мировой войне, но и восстановить историческую справедливость по отношению к русским военнослужащим, выполнявшим свой воинский долг за пределами Родины.

Научная проблема исследования заключается в выявлении особенностей использования Русских Особых бригад в составе экспедиционных сил Франции в период Первой мировой войны и в определении стратегий послевоенной адаптации русских солдат и офицеров к гражданской жизни.

Степень изученности темы. Исследования, посвященные истории Русских Особых бригад, можно разделить на четыре группы: 1) историография советского периода 20-х – начала 90-х годов XX в., 2) труды представителей Русского зарубежья того же периода, 3) постсоветские и современные российские, 4) зарубежные исследования. В ряде статей и монографий по истории Первой мировой войны косвенно затрагивается проблематика Русских Особых

бригад, но число работ, специально посвященных Русским Особым бригадам, крайне мало.

В трудах советского периода либо умалчивается о русских солдатах во Франции⁴, либо приводятся краткие сведения о них⁵: большинство советских исследователей осуждали эту войну как «империалистическую» для всех ее участников (кроме Сербии).

Вышедший в 1964 г. в Советском Союзе труд Д.В. Вержковского и В.Ф. Ляхова содержал краткие сведения о Русских Особых бригадах во Франции⁶. Основное внимание было уделено Куртинскому кризису как примеру революционной борьбы солдат со своими офицерами. По мнению авторов, французское командование намеревалось использовать русских солдат для участия в Первой мировой войне после выхода из нее России и для интервенции против Советской России. Вводимые нами в научный оборот новые архивные документы позволили скорректировать этот тезис, так как из них становится ясным, что французское правительство согласилось на возвращение русских солдат в Россию. Однако возвращение не состоялось по причине резкого отказа Временного правительства.

Советский исследователь А.А. Строков также кратко обращался к истории Русских Особых бригад во Франции и отмечал факты издевательств, репрессий, кровавых расправ французов над русскими солдатами. Автор утверждал, что был проведен «пятисуточный обстрел» военного лагеря Ля-Куртин, однако новые документы французского Генерального штаба позволили сделать вывод, что артиллерия использовалась для того, чтобы «напугать» восставших, а не нанести им физический урон. А.А. Строков указал, что все русские солдаты были

⁴ Наумов Н. Война 1914–1918 гг. 2-е изд. М., 1930; Болтин Е.А., Вебер Ю.Г. Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., 1940; Кузнецов Б.И. Кампания 1916 года на фронтах первой мировой империалистической войны. М., 1941; Таленский Н.А. Первая мировая война 1914–1918 гг. // Страницы боевого прошлого: очерки военной истории России / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1968. С. 322–382.

⁵ Вержковский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 477–478, 480–481; Байов А.К. Первая Мировая война 1914–1918 гг. М., 2015. С. 376.

⁶ Вержковский Д.В., Ляхов В.Ф. Указ. соч. С. 192–193, 223–224.

отправлены в концентрационные лагеря⁷, тогда как существовала система «триажа»⁸.

Несмотря на то что созданные в рамках марксистской историографии работы носят идеологический характер⁹, они необычайно ценны, поскольку в их основу были положены личные воспоминания участников, которые вернулись в Россию. Советские исследователи указывали на классовую борьбу, разгоревшуюся между солдатами («эксплуатируемый класс») и офицерами («класс эксплуататоров»)¹⁰.

Обзор трудов представителей Русского зарубежья представляется возможным начать с работы «Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918» (Париж)¹¹, которая была написана Ю.Н. Даниловым в 1933 г. Автор в 1914 г. стал генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем Великом князе Николае Николаевиче младшем. Во время Гражданской войны в России он эмигрировал в Константинополь, а затем в Париж, где изучал материалы военно-исторических архивов¹². В основу его книги легли материалы, к которым он имел доступ по службе – официальная документация, систематизация которой позволила изучить материально-техническое обеспечение Русских Особых бригад. Однако Ю.Н. Данилов не обсуждал политические вопросы: отправку русских солдат во Францию и

⁷ Строков А.А. Указ. соч. С. 480.

⁸ «Триаж» (фр. triage – отбор) – система разделения русских солдат на три категории после расформирования Особых бригад: Русский легион, рабочие роты и солдаты, отправленные в лагеря Северной Африки.

⁹ Покровский М.Н. Кровавая баня в Куртине (памяти Куртинского расстрела) // Империалистическая война. М., 1934. С. 317–321; Бантке С.С. Революционное движение во французской армии в 1917 г. // Вопросы гражданской истории. Вып. 1. Л., 1935. С. 160–196; Деревенковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. 1951. Т. 38. С. 71–103; Иоффе А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). М., 1958. С. 232–257; Лукашев М.Я. Из истории вооруженного восстания русских солдат во Франции в 1917 году // Сборник трудов Ленинградского института советской торговли имени Ф. Энгельса. Вып. 30. Л., 1967. С. 168–179.

¹⁰ Вержковский Д.В., Ляхов В.Ф. Указ. соч. С. 221.

¹¹ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933.

¹² Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G // Les cahiers de La Courtine 1917. 2022. № 12. P. 16–17.

обстоятельства Куртинского кризиса.

В 1939 г. Е. Тарусский (псевдоним писателя Е.В. Рышкова) опубликовал работу, в которой рассмотрел политические вопросы Куртинского кризиса и пришел к выводу, что кризис был спровоцирован деятельностью русских революционеров, агитировавших солдат за революцию и неподчинение французскому командованию¹³.

Исследование А.А. Керсновского по истории русской армии включает краткий анализ причин отправки, боевого пути и судеб русских солдат во Франции. Истории Русских Особых бригад было уделено несколько страниц в четвертом томе Керсновского, которые дают общее представление о пребывании русских солдат на Западном фронте¹⁴. В частности, информация о Ля-Куртинском мятеже сводится к одному предложению: «Остатки их (Русских бригад. – П.П.) осенью бунтовали и были интернированы»¹⁵.

В трудах представителей Русского зарубежья главный акцент был сделан на политических причинах Февральской революции 1917 г., последствия которой круто изменили их жизни. Судьба русских солдат во Франции после войны рассматривалась указанными авторами лишь в общих чертах.

Ученые постсоветской и современной России получили возможность обратиться к ранее недоступным российским архивным документам, и их труды уже не имели ярко выраженной идеологизированности¹⁶.

Статья В.В. Комина основана на воспоминаниях участников событий. Автор повторил утверждения марксистской историографии о «зверствах» лояльных Временному правительству солдат и офицеров в отношении восставших во время Куртинского кризиса, а также тезис, что французское командование низко оценивало боевые качества русских солдат¹⁷.

¹³ Тарусский Е. Легион Чести // Для Вас. 1939. № 17 (279)–18 (280). С. 3–10.

¹⁴ Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. Т. 4. 1915–1917. М., 1994. С. 25–26, 214–215.

¹⁵ Там же. С. 215.

¹⁶ Первая мировая война // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1 / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002; Шунков В.Н. Русская императорская армия. М., 2008.

¹⁷ Комин В.В. Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны // Отечественная история: проблемы, поиски, суждения. 1992. № 2. С. 1–33.

В 1995 г. А.Ю. Павлов привлек для написания исследования по теме ранее не опубликованные документы зарубежных архивов. При подробном рассмотрении организации и деятельности бригад за рамками работы остались история и особенности организации Русского легиона и рабочих рот¹⁸.

В 2011 г. исследователь развил изложенные ранее положения в монографии: в обзоре историографии особое внимание автор уделит упоминаемому нами труду генерала Ю.Н. Данилова, а в качестве источниковой базы привлек материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также Архива исторической службы Министерства обороны Франции. Несомненным достоинством работы А.Ю. Павлова является изучение франко-русских переговоров об отправке русских войск не только во Францию, но и на Салоникский фронт; формирования Русских Особых бригад и их боевого пути; службы российских политических эмигрантов во французском Иностранном легионе. В число рассматриваемых вопросов не вошла послевоенная адаптация русских солдат¹⁹.

В том же году исследователь защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по русско-французскому военному сотрудничеству в годы Первой мировой войны. Автор изучил основные направления этого сотрудничества (снабжение вооружением и планирование стратегических операций), а также установил круг проблем, препятствующих более эффективной работе российских и французских военных структур (удаленность друг от друга, разные особенности ведения боев на Западном и Восточном фронтах, завышенные ожидания союзников друг от друга на начальном этапе войны)²⁰. А.Ю. Павлов ввел в научный оборот большой комплекс источников российских и французских архивов, часть из которых

¹⁸ Павлов А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1995.

¹⁹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой: русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.; СПб., 2011.

²⁰ Павлов А.Ю. Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15. СПб., 2011.

используется в настоящем исследовании со ссылкой на его работы. В то же время отметим, что существенная часть архивных коробок с документами французского Генерального штаба, касающаяся боевого пути Русских Особых бригад, была недоступна исследователю ввиду отсутствия в архивах Франции полных описей документов по истории Русских бригад: эти материалы хранятся в неразобранном виде среди других документов периода Первой мировой войны.

В диссертации ученого секретаря Фонда «Общество памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)» М.К. Чинякова были введены в научный оборот новые документы российских архивов и проанализированы работы зарубежных исследователей²¹. В его монографии «Куртинский кризис (май–сентябрь 1917 г.)»²² были аккумулированы итоги предыдущих исследований (как отечественных, так и зарубежных) и введены в научный оборот неопубликованные материалы, хранящиеся в российских архивах.

В статье, посвященной командному составу Русских Особых бригад, М.К. Чиняков пришел к выводу, что офицеры по своим качествам и боевым заслугам соответствовали уровню других офицеров Русской императорской армии. Но их отличие состояло в том, что они происходили только из двух сословий (5 дворян и 3 мещан), половина из них (4 из 8) была представлена офицерами Генерального штаба²³. В других работах автор рассмотрел службу волонтеров во французском Иностранном легионе и проанализировал отношение к ним французского военного командования²⁴, исследовал на основе документов российских архивов историю и боевой путь Русского легиона²⁵, а также изучил

²¹ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2006.

²² Чиняков М.К. Куртинский кризис (май–сентябрь 1917 г.). М., 2017.

²³ Чиняков М.К. Первые командиры Особых пехотных полков российской армии (1916–1917): опыт групповой социально-демографической и профессиональной характеристики // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. № 2. С. 39–49.

²⁴ Чиняков М.К. Волонтеры французского Иностранного легиона в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 39–50.

²⁵ Чиняков М.К. Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 11 / отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Москва: Весь Мир, 2014. С. 167–186.

процесс складывания исторической памяти о солдатах и офицерах Русских Особых бригад как в нашей стране, так и за ее пределами²⁶.

В современной России тема участия Русских Особых бригад в Первой мировой войне остается малоизученной, ряд исследователей продолжает игнорировать участие русских солдат в боях на Западном фронте²⁷. Например, А.И. Уткин в труде «Первая мировая война» упомянул о Русских Особых бригадах в одном предложении: «К концу года на Западном фронте 127 германским дивизиям противостояли 169 дивизий союзников (106 дивизий – французы, 56 дивизий – англичане, 6 дивизий – бельгийцы, одна русская дивизия)»²⁸. В монографии М.В. Оськина²⁹ были опубликованы фотографии русских солдат во Франции, но в тексте работы не содержалось упоминания о Русских Особых бригадах³⁰.

С.П. Куличкин в исследовании о Первой мировой войне, анализируя отношение к русским солдатам во Франции, отправленным на помощь союзникам, сравнил их положение с положением сенегальцев и алжирцев во французской армии. Автор сделал вывод, что во время Куртинского кризиса главнокомандующий французской армией генерал Ф. Петен «натравил лояльных (Временному правительству. – П.П.) русских на нелояльных»³¹. Действия мятежников в военном лагере Ля-Куртин автор ошибочно датировал летом 1916 г.³²

В 2013 г. В.В. Бондаренко проанализировал биографии общепризнанных героев Первой мировой войны: генералов М.В. Алексеева, А.А. Брусилова, Л.Г. Корнилова, Н.Н. Юденича, казака Козьмы Крючкова, князя Олега Романова,

²⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в. // Вестник РУДН. История России. 2019. № 1. С. 101–124.

²⁷ Полная энциклопедия. Русская армия в Первой мировой войне (1914–1918) / сост. В.Н. Шунков, А.Г. Мерников, А.А. Спектор. М., 2014. 240 с.

²⁸ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001. С. 305.

²⁹ Оськин М.В. Первая мировая война. М., 2010.

³⁰ Там же. С. 164, 166, 168.

³¹ Куличкин С.П. На фронтах Первой мировой. М., 2014. С. 248.

³² Там же. С. 248.

братьев офицеров Панаевых, священника Антония Смирнова, летчика А.А. Казакова, командира канонерской лодки «Сивуч-II» П.Н. Черкасова, сестры милосердия Р.М. Ивановой, экипажа воздушного корабля «Илья Муромец – XVI»³³, среди которых только М.В. Алексеев был связан с Русскими Особыми бригадами. Русские солдаты и офицеры во Франции не являлись предметом специального изучения автора книги, в частности, в биографическом очерке о генерале М.В. Алексееве не рассказывалось о его участии в формировании Русских Особых бригад. В приложении автор отметил, что 4 сентября 2010 г. в Реймсе был открыт памятник воинам Русских Особых бригад³⁴.

В фундаментальном труде «Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)» кратко упоминается отправленный во Францию в обмен на поставки вооружения «экспедиционный корпус, успешно сражавшийся на Западном и Салоникском фронтах» как вклад России в коалиционные усилия Антанты³⁵.

И.Б. Белова затронула тему возвращения русских военнопленных на Родину после завершения Первой мировой войны. Примечательно, что автор выделила солдат расформированных Русских Особых бригад в отдельную группу и прямо указала на недостаточное освещение в историографии вопроса отправки солдат из Франции обратно в Россию³⁶.

В труде В.Б. Миронова³⁷, подготовленном по заказу Министерства культуры РФ в 2014 г., Русским Особым бригадам во Франции было посвящено несколько абзацев, написанных на основании опубликованных ранее данных³⁸, а все русские солдаты во Франции ошибочно назывались Русским легионом, тогда как под этим термином понимаются офицеры и солдаты расформированных

³³ Бондаренко В.В. Герои Первой мировой войны. М., 2013.

³⁴ Там же. С. 501.

³⁵ Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). В 2 т. Т. 2 / под ред. В.В. Герасимова. М., 2014. С. 558.

³⁶ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 4. С. 72–77.

³⁷ Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. М., 2014.

³⁸ Там же. С. 209–210.

Русских Особых бригад, которые приняли решение сражаться в составе французской армии в конце 1917 г.

М.А. Голденков более подробно обратился к теме Русских Особых бригад во Франции и поставил под сомнение приведенные ранее в литературе сведения, например, о количестве потерь, понесенных мятежниками в ходе Куртинского кризиса в 1917 г.³⁹

А.Б. Асташов проанализировал быт, моральное состояние русских солдат и офицеров на фронтах Первой мировой войны. Автор большее внимание уделил Восточному фронту, однако методология его исследования может быть применена и к изучению Западного и Салоникского фронтов⁴⁰.

В статье И.И. Тригуба рассмотрена история Русских Особых бригад, которые были отправлены на Салоникский фронт. Автор подробно изучил процесс формирования бригад, их участие в боевых действиях и революционизацию солдат после получения ими новостей о Февральской революции 1917 г. Историк проанализировал по документам российских архивов процесс расформирования французским правительством Особых бригад и сделал вывод, что солдаты и офицеры стали жертвами политических решений, оказались в тяжелых боевых условиях и подверглись влиянию пропаганды солдатских комитетов⁴¹.

В 2016 г. Б.В. Соколов опубликовал биографию Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, который был отправлен во Францию в составе 2-го Особого

³⁹ Голденков М.А. Первая мировая война: 100 лет мифов. Минск, 2014. С. 126–137.

⁴⁰ Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86; его же. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 399–425; его же. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006: актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 367–382; его же. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52; его же. Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг. 2016. С. 33–46.

⁴¹ Тригуб И.И. Русские Особые пехотные бригады на Балканах в период Первой мировой войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 4. С. 84–88.

пехотного полка⁴². Проведенная автором работа позволила определить основные этапы в жизни Р.Я. Малиновского и сравнить процесс его адаптации к жизни в Советской России с аналогичными процессами у других военнослужащих Русских Особых бригад.

Внимания заслуживает монография В.И. Винокурова, посвященная дипломатической и военной деятельности графа А.А. Игнатьева, военного агента России во Франции во время Первой мировой войны. Автор на основе архивных материалов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и воспоминаний современников графа реконструировал судьбу А.А. Игнатьева и подчеркнул особую роль военного агента в координации между командованием Русских Особых бригад и французским военно-политическим руководством⁴³.

Ю.М. Галкина в статье «Создание французской информационно-пропагандистской системы в России (1915–1916)» рассмотрела процесс создания и реорганизации системы французской пропаганды в России на основе новых архивных документов Архива исторической службы Министерства обороны Франции и Архива Министерства иностранных дел Франции. Автор убедительно доказала, что французам удалось создать систему пропаганды, которую они использовали как для формирования положительного образа Франции в общественном мнении России, так и для антибольшевистской борьбы после октября 1917 г.⁴⁴

Исследователи А.В. Емельянов и И.С. Сильченко на основе документов РГВИА, материалов одной коробки⁴⁵ из Архива исторической службы Министерства обороны Франции и мемуаров участников событий рассмотрели процесс изменения настроений русских солдат во Франции после получения ими новостей о Февральской революции 1917 г. в России. Авторы пришли к выводу,

⁴² Соколов Б.В. Маршал Малиновский. М., 2016.

⁴³ Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатьев. М., 2017.

⁴⁴ Галкина Ю.М. Создание французской информационно-пропагандистской системы в России (1915–1916) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 159. № 23 (1). С. 68–73.

⁴⁵ Коробка – французская единица хранения архивных документов.

что нарушения дисциплины были вызваны трудностями апрельского наступления Р.Ж. Нивеля 1917 г. и отсутствием среди русских офицеров единого мнения о характере и о продолжении боевых действий после Февральской революции 1917 г.⁴⁶

В работе А.С. Кудрец был приведен список музеев Франции, в которых хранятся документы и вещи солдат Русских Особых бригад. Во французских музеях, посвященных истории Первой мировой войны, также хранятся вещественные источники (оружие, снаряжение, форма) по истории русских солдат и офицеров во Франции⁴⁷.

Э.М. Далгат представила научный обзор Первой международной конференции «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы», которая прошла в Москве 16–18 мая 2019 г.⁴⁸ Автор включила в работу тезисы и итоги выступлений⁴⁹.

З.С. Бочарова и М.И. Голубева изучили правовое положение и процесс адаптации русских воинов Первой мировой войны и связанных с ними общественных организаций. В работах содержатся сведения о личном составе Русских Особых бригад⁵⁰.

В статье О.С. Поршневой проанализирована деятельность обществ, объединявших участников Первой мировой войны в Советской России, в том

⁴⁶ Емельянов А.В., Сильченко И.С. Русские войска во Франции и Февральская революция: трансформация системы взаимоотношений и революционизация чинов Русского экспедиционного корпуса весной 1917 г. // История и современное мировоззрение. 2023. № 4. С. 101–106.

⁴⁷ Кудрец А.С. «Не мы ли грудью отстояли и ваш Париж, и ваш Верден!» Мемориализация Русского экспедиционного корпуса во Франции // Военно-исторический журнал. 2019. № 6. С. 65–67.

⁴⁸ Далгат Э.М. Конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы», Москва, 16–18 мая 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. № 2. С. 301–304.

⁴⁹ Автор представленного исследования также принял участие в конференции с темой доклада: «Русские офицеры Особых бригад – Георгиевские кавалеры: новые имена».

⁵⁰ Бочарова З.С. Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 125–150; Бочарова З.С., Голубева М.И. Положение русских комбатантов во Франции после Первой мировой войны (по материалам солдатских писем) // Новейшая история России. 2025. Т. 15. № 4. С. 792–807.

числе солдат расформированных Русских Особых бригад. Исследовательница пришла к выводу, что «общества фронтовиков» были созданы в 1920-е гг. с целью осуждения несправедливой, «империалистической» войны, а затем распущены в 1930-е гг., когда часть участников этих обществ была репрессирована⁵¹.

Монография В.Б. Прозоровой, посвященная Русской военной администрации во Франции (РВАД), основана на архивных материалах Франции (Национальный архив Франции и Архив исторической службы Министерства обороны Франции) и России (РГВИА, АВПРИ, РГАЛИ)⁵². Использование при ее подготовке мемуаров представителей военно-политического руководства России (А.А. Игнатьева, Ф.Ф. Палицына, М.И. Занкевича) позволило автору проследить межличностные отношения внутри РВАД, которые напрямую влияли на всю ее работу. В центре внимания В.Б. Прозоровой также оказались анализ подбора персонала, формирование медицинских служб для русских войск во Франции, влияние газеты «Русский солдат-гражданин во Франции» на настроения нижних чинов Русских Особых бригад. Несомненным достоинством работы являются приложения со схемами и таблицами по работе РВАД в разные периоды ее существования.

В 2023 г. В.Б. Симоненко, В.Г. Абашин, П.Е. Крайнюков, П.А. Дулин на основании документов российских архивов реконструировали биографии медицинского персонала Русских Особых бригад во Франции. Работа содержит немало ценной информации и позволяет определить заслуги русских врачей на основе изучения списка полученных ими наград⁵³.

Справочные сведения об образовании, назначениях и наградах русских офицеров были взяты из труда В.В. Клавинга⁵⁴. Работа с новыми архивными

⁵¹ Поршнева О.С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 153–167.

⁵² Прозорова В.Б. Русская военная администрация во Франции в годы Первой мировой и Гражданской войн. М., 2022.

⁵³ Медицинский персонал Русского экспедиционного корпуса и «Русского легиона чести» во Франции / В.Г. Абашин, П.А. Дулин, П.Е. Крайнюков, В.Б. Симоненко // Клиническая медицина. 2023. № 7–8. С. 416–424.

⁵⁴ Клавинг В.В. Высшие офицеры белых армий. СПб., 2005.

документами Георгиевской Думы Русских Особых бригад во Франции стала основанием для привлечения литературы по истории высших воинских наград России – Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия⁵⁵.

Комплексное исследование особенностей психологии боя, фронтовой морали, боевых будней и психологической адаптации к травматической ситуации на войне в период Первой мировой войны было проведено Е.С. Сеньявской, А.С. Сеньявским и Л.В. Жуковой⁵⁶. Результаты этих трудов в полной мере применимы к опыту адаптации солдат и офицеров Русских Особых бригад к гражданской жизни во Франции и России.

Таким образом, на изучение истории Русских Особых бригад в отечественной историографии влияли как общие идеологические парадигмы (например, преобладание марксистско-ленинской историографии в советский период или развитие направлений историографической революции 1990-х гг.), так и существование Русского зарубежья как особого историко-культурного сообщества, заинтересованного в отличном от официального изучения Первой мировой войны и революционных событий в России.

В современной отечественной историографии Русские Особые бригады упоминаются при исследовании биографий видных военачальников, при изучении деятельности Русской военной администрации во Франции, при анализе морального состояния войск Антанты после наступления Р.Ж. Нивеля и рассмотрении политики в отношении русских солдат за рубежом после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и их настроений, при обсуждении воздействия травматического военного опыта на дальнейшую жизнь бывших военнослужащих Русской императорской армии в мирное время и вопросов их

⁵⁵ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки (1769–1920). Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов, 2004.

⁵⁶ Сеньявская Е.С. Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16; ее же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. Очерки по военной антропологии. М., 2017.

адаптации к поствоенному состоянию.

Введение нами в научный оборот ранее неизученных архивных документов позволило расширить и скорректировать сведения о боевом пути русских солдат и офицеров во Франции, а также о формах их послевоенной адаптации.

*Изучение истории Русских Особых бригад в зарубежной, преимущественно, во французской историографии, представляется возможным начать со статей 1920–1930-х гг., которые были специально посвящены Куртинскому кризису*⁵⁷. Первым же крупным трудом является монография П. Пуатевена, опубликованная в Лиможе в 1934 г. (переиздана с дополнениями в 1938 г.)⁵⁸. Автор не оправдывал мятежников «борьбой за свободу», а считал их дезертирами, нарушившими воинскую дисциплину.

Работы Р. Адама основаны на документах, хранящихся во французских архивах⁵⁹. Труды французских историков (А. Ранвье, Л.-И. Жилу, П. Пети и др.) базируются на меньшем, чем работы Р. Адама, количестве французских архивных источников и не позволяют определить отношение русских солдат к французским союзникам⁶⁰.

В 2022 г. Р. Адам опубликовал две работы, в которых в алфавитном порядке

⁵⁷ Bareige L. Le Camp de La Courtine pendant la Guerre // Mémoires de la Société des Sciences naturelles et archéologiques de la Creuse. T. 23. Guéret, 1928. P. 459–468; Hennin E. La révolte des troupes russes en France // Almanach de Police Magazine. 1933. P. 44–52.

⁵⁸ Poitevin P. Une bataille au centre de la France en 1917. Limoges. 1934; idem. La Mutinerie de La Courtine: Les régiments russes révoltés en 1917 au centre de la France. Paris, 1938.

⁵⁹ Adam R. Histoire des soldats russes en France. 1915–1920. Les damnés de la guerre. Paris, 1996; idem. Travail, lutttes et consciences révolutionnaires des soldats-travailleurs russes en France. 1918–1920. Grenoble, 1989; idem. 1917, La révolte des soldats russes en France. Paris, 2007; idem. Les soldats russes de l'Île-d'Aix // Les cahiers de La Courtine 1917. 2007. № 5. P. 1–33.

⁶⁰ Ranvier A. 1917; Les mutineries du contingent russe en France // Le Peuple Français. 1975. № 17 (janvier-mars). P. 26–30; Giloux L.-Y. Le Corps Expéditionnaire Russe en France pendant la Première guerre mondiale et la mutinerie au camp de La Courtine // Mémoires de la Société des Sciences naturelles et archéologiques de la Creuse. Limoges. 1984 (1er fasc.). T. XLII. P. 142–155; Petit P. Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914–1918). Nanterre, 1992; Dager G. La rébellion des régiments russes en 1917 (La Courtine – Felletin) // Violences en Limousin à travers les siècles. Limoges, 1998. P. 289–309; Rolland D. Des Russes sur le Chemin des Dames // Chemin des Dames. Graines d'Histoire. 2003. № 18. P. 2–10; Fernandez-Récalatà D. «Le soldat est devenu un citoyen, camarades!» // Nouvelles Fondations. 2007. № 7–8. P. 266–274; Feraru M. Le corps expéditionnaire russe // 14–18. 2010. № 50 (août–septembre–octobre). P. 12–33; Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 74–85.

расположил некоторые биографии солдат и офицеров Русских Особых бригад и связанных с ними исторических личностей⁶¹. Автор указал фамилии, имена, годы жизни (где это известно) и биографические данные в хронологическом порядке. Эти работы не переведены на русский язык, и сведения из них впервые используются на русском языке в представленном исследовании.

Труд американского ученого Дж. Кокфилда был опубликован в Нью-Йорке в 1998 г.⁶² Исследователь ввел в научный оборот источники из архивов Германии и США. Автор проанализировал политические причины отправки Русских Особых бригад и ход переговоров между Францией и Россией и предложил свою гипотезу о мотивации военного руководства обеих стран в определении судьбы русских солдат и офицеров.

В 2009 г. и 2013 г. во Франции вышли две работы по Куртинскому кризису: одна была посвящена анализу французской историографии, работе Дж. Кокфилда и некоторым советским исследованиям⁶³, а другая была основана на записях участников кризиса с целью показать события через призму личного опыта русских солдат⁶⁴.

Французский исследователь Ж. Абенсур опубликовал статью, в которой аккумулировал сведения по истории Русских Особых бригад, однако он не ссылаясь на архивы и в качестве основы своего исследования использовал историографию. Ученый привел общие сведения по истории Русских Особых бригад, сделав акцент на изучении революционной обстановки в солдатской среде накануне Куртинского кризиса⁶⁵.

⁶¹ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G // Les cahiers de La Courtine 1917. 2022. № 12. P. 14–18; idem. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 2e partie de G à M // Les cahiers de La Courtine 1917. 2022. № 13. P. 22–26.*

⁶² Cockfield J.H. *With snow on their boots: the tragic odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I.* New York, 1998.

⁶³ Plas P. *Retour sur les mutineries de la Courtine (Creuse) en 1917 // Bulletin de la SHAL. 2009. T. CXXXVII. P. 179–205.*

⁶⁴ Cahen G. *Le temps retrouvé du soldat Anissim I. Otmakhov. France (1916–1920).* Paris, 2013.

⁶⁵ Абенсур Ж. *Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 74–85.*

Военный историк Ф. Гельтон, бывший руководитель отдела сухопутных сил Исторической службы Министерства обороны Франции, в 2014 г. написал статью, переведенную на русский язык, в которой привел общую характеристику коробок, хранящихся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции⁶⁶. Несмотря на проведенные французским исследователем работы по описанию документов, материалы не были систематизированы и детально разобраны, что делает актуальным настоящее исследование, содержащее классификацию этих источников (см. Приложение 1).

В труде Н. Корниша⁶⁷, посвященном Русской императорской армии, единственным упоминанием об Особых бригадах во Франции является рисунок⁶⁸, изображающий русского легионера⁶⁹. В российском издании книги редакторы под этим изображением поместили сноску на работу М.К. Чинякова⁷⁰.

В 2003 г. был опубликован труд Ж. Брюнона и Ж. Маню, посвященный истории создания, формирования и опыту боевого применения французского Иностранного легиона. Русский легион не являлся самостоятельным предметом исследования авторов: сведения о нем включены в более широкое изложение боевой истории Иностранного легиона и Марокканской дивизии⁷¹.

Зарубежные исследователи рассматривали Русские Особые бригады как небольшой воинский контингент, созданный в рамках союзнической помощи России по Антанте, и отдавали предпочтение изучению масштабного участия в боевых действиях, прежде всего, французской, британской и германской армий. Французские авторы в основном обращались к темам революционизации нижних чинов Русского экспедиционного корпуса и последующего Куртинского восстания во Франции, тогда как боевой опыт русских солдат в составе экспедиционных сил Франции оказался для них периферийным сюжетом. Таким

⁶⁶ Гельтон Ф. Поиск сведений о Русских бригадах во французских военных архивах // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 27–38.

⁶⁷ Корниш Н. Русская армия 1914–1918. М., 2005.

⁶⁸ Там же. С. 47.

⁶⁹ Ни автор, ни редакторы не делают различия между Особыми бригадами и Русским легионом.

⁷⁰ Чиняков М.К. Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны...

⁷¹ Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003.

образом, можно заключить, что участие солдат и офицеров Русских Особых бригад в боях на Западном и Салоникском фронтах не нашло подробного отражения в зарубежной историографии Первой мировой войны⁷².

История пребывания русских солдат во Франции и место Русских Особых бригад в Первой мировой войне требуют более глубокого и всестороннего анализа. В исследованиях, посвященных Первой мировой войне, сведения по истории Русских Особых бригад достаточно сжаты и не занимают много места. Часто встречается смешение понятий «Русские Особые бригады» и «Русский легион». В специализированных работах более подробно освещается история формирования, быта и боевого пути русских солдат и офицеров, но не рассматриваются их послевоенные судьбы.

Объект исследования – экспедиционные силы в составе французской армии в период Первой мировой войны.

Предмет исследования – деятельность Русских Особых бригад в составе экспедиционных сил Франции в период Первой мировой войны и стратегии адаптации их участников к послевоенной жизни во Франции и России.

Цель диссертационной работы – определить особенности использования Русских Особых бригад в составе экспедиционных сил Франции в период Первой мировой войны и проанализировать судьбы их воинов в послевоенных Франции и России.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявить специфику боевого пути Русских Особых бригад в составе экспедиционных сил Франции в 1916–1917 гг.;
- 2) охарактеризовать место Русских Особых бригад в экспедиционных силах в составе французской армии во время Первой мировой войны;
- 3) определить характер послевоенной адаптации русских солдат и офицеров после расформирования Русских Особых бригад.

Хронологические рамки работы охватывают период Первой мировой

⁷² Саджент Г.Х. Стратегия на Западном фронте (1914–1918). М., 1923; Киган Дж. Великая война. 1914–1918. М., 2016.

войны и межвоенное время. Нижняя рамка – 1915 г. – определяется началом франко-русских переговоров и достижением принципиальных договоренностей об отправке русского воинского контингента во Францию. Верхний хронологический рубеж – середина 1930-х гг. – связан с завершением основных процессов послевоенной адаптации бывших военнослужащих Русских Особых бригад. В 1930-х гг. были в целом определены главные траектории их дальнейших судеб: трудовая и семейная интеграция одной части русских военнослужащих во Франции и возвращение другой части в Россию. Однако послевоенные судьбы солдат и офицеров Особых бригад в некоторых случаях рассматриваются вплоть до последней трети XX в., поскольку составить полное представление о характере послевоенной адаптации оказывается невозможным в отрыве от дальнейшей биографии изучаемых персоналий.

Источниковая база исследования состоит из *неопубликованных* и *опубликованных* источников, которые можно разделить на несколько видовых групп.

Первую группу неопубликованных источников составляет официальная документация военных ведомств (материалы военного делопроизводства), вторую – дипломатические документы, третью – личные документы военнослужащих. Все они хранятся в государственных, департаментских и семейных архивах России, Франции и США.

В России официальная военная документация по истории Русских Особых бригад хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

В зарубежных архивах находятся дипломатические документы и материалы военных ведомств: в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense, сокращенно – SHD), Национальном архиве Франции (Archives nationales de France – AN) и Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture) в США.

Документы по истории Русских Особых бригад, которые хранятся в Архиве

исторической службы Министерства обороны Франции, можно квалифицировать как материалы военного делопроизводства. Все материалы по Первой мировой войне собраны в серии под буквой «N»⁷³. Источники по Русским Особым бригадам были также включены в эту коллекцию, а не выделены в отдельный фонд. После Первой мировой войны документы были собраны Славянским бюро французского Генерального штаба⁷⁴ и распределены по коробкам, точное количество которых на данный момент не установлено. Листы между собой не сшиты, страницы не пронумерованы, описи отсутствуют⁷⁵. Источники по разным вопросам и с разной датировкой оказались перемешаны между собой. Порядок документов в коробке зависит от добросовестности исследователя, который после работы с материалами положил их на правильное место. В настоящем исследовании все ссылки на эти материалы будут даваться лишь с указанием аббревиатуры архива, порядковым номером коробки и названием документа.

В коробках серии «N» хранятся документы не только по русским военнослужащим, но и по другим иностранным военнослужащим славянского происхождения в составе французской армии (например, по сербам). Спешка в формировании фонда и путаница среди документов связаны со срочностью выполнения этой работы: необходимо было освободить архивные площади для переписки французского Генерального штаба с военным министром Франции о послевоенной организации французской армии. Классификация и систематизация этих документов до сих пор полностью не завершена: источники по истории русских солдат во Франции не стали объектом работы французских архивистов; автор внес вклад в решение этой задачи, подготовив опись документов из

⁷³ За время стажировки от РГГУ в архиве (июль 2019 г.) автору исследования удалось ознакомиться с коробками серии «N» и сделать описание источников (Приложение 1).

⁷⁴ Славянское бюро французского Генерального штаба – отдел Генерального штаба Франции, который ведал вопросами формирования, вооружения и снабжения иностранных воинских частей в составе французской армии, военнослужащие которых имели славянское происхождение.

⁷⁵ Многие листы надорваны, чернила на них выцвели, края листов бумаги стерты, что затрудняет использование этих материалов. Такое положение касается не только отдельных листов, но и целых единиц хранения: коробка 22N382 автору не была выдана из-за плохой сохранности материала.

изученных им коробок (см. Приложение 1).

Источники военного делопроизводства, хранящиеся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, можно разделить на три группы: служебные письма, рапорты, приказы. Особенностью писем является по-военному лаконичный характер. Это же касается и деловой переписки между российской и французской сторонами по вопросам организации, управления, материально-технического, медицинского и продовольственного обеспечения Русских Особых бригад.

Информация об отправителе и месте его службы располагалась в левом верхнем углу служебного письма. Должность и фамилия создателя документа, дата и место создания, а затем сведения о получателе (фамилия, географический объект) были расположены в правом верхнем углу. Посередине помещено название вида документа – служебное письмо. Изученные нами письма содержали машинописный текст с рукописными подписями и резолюциями начальника французского Генерального штаба. Письма содержали штампы «Генеральный штаб. Управление» и «Секретно». Служебные письма отличаются качеством и форматом бумаги, отсутствием некоторых из названных реквизитов, что можно объяснить особенностями делопроизводства во время войны.

Рапорты представляют собой отчеты нижестоящего лица вышестоящему для получения приказа. Этот вид документов использовался при экстренном развитии событий для получения срочных указаний от начальства: в них подробно описывалась ситуация для получения от вышестоящих офицеров развернутого плана действий. Изученные автором рапорты были переданы в виде шифрограмм и расшифрованы французскими военными шифровальщиками. Расположение реквизитов аналогично вышеописанному за одним исключением: бланки шифрограмм содержали графу, фиксирующую время отправки и приема шифрограммы. Примечательно, что эта графа часто оказывалась пустой. Расшифрованный текст сообщения вписывался вручную.

В ответ на рапорты следовали приказы начальства. Этот вид документов также выполнялся в виде шифрограмм и представлял собой конкретный

утвержденный план действий для нижестоящих офицеров. Расположение реквизитов соответствует описанному выше.

Служебные письма, рапорты, приказы позволили реконструировать процесс принятия решений французским и российским военно-политическим руководством в ходе восстания части русских солдат в Ля-Куртине в 1917 г.: источники свидетельствуют о запоздалом понимании французским командованием серьезности ситуации.

В Национальном архиве Франции хранятся *дипломатические документы*, которые представляют собой телеграфные сообщения между сотрудниками МИД Франции и посольствами в Петрограде и Токио, французской военной миссией, Министерством внутренних дел, Министерством финансов, Морским министерством, Главнокомандующим французской армией, военно-морским агентом в России. Кроме того, здесь хранятся материалы военного делопроизводства об отправке вооружения и боеприпасов для русских солдат на Западном и Салоникском фронтах. Эти источники позволяют не только проследить ход российско-французских переговоров об отправке на Западный фронт русских солдат и установить цели, которые ставили перед собой Россия и Франция в вопросе формирования русского воинского контингента, но и определить виды вооружения военнослужащих Русских Особых бригад (см. Приложение 2).

В США материалы по истории Русских Особых бригад хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры и *представлены материалами российского военного делопроизводства, в основном на русском языке (рапорты, письма, приказы, послужные списки)*. Эти материалы позволили установить ранее не упоминаемый в историографии факт награждения русских офицеров во Франции Георгиевскими орденами и Георгиевским оружием (см. Приложение 3).

Классификация и систематизация вводимых в научный оборот источников, выразившиеся в создании архивного описания, дали возможность подробно исследовать историю Русских Особых бригад, роль исторических личностей –

участников событий, значение происходящего для современников, ответственных за последствия событий.

Материалы по истории Русских Особых бригад находятся во Франции в департаментских и семейных архивах и представлены личными документами. Эти источники хранятся в семейных собраниях в России (например, в архиве Н.Р. Малиновской, дочери Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, и в архиве Мари Бельгу-Мамонтовой, внучки русского солдата Ф.Н. Мамонтова во Франции). В департаментских архивах Франции находятся источники о получении бывшими солдатами Русской императорской армии французского гражданства (паспорта, карточки комбатанта, путевые книжки военнослужащих Иностранного легиона, карточки личности, временные карточки работников, сертификаты Центра помощи беженцам и лицам без гражданства, свидетельства о заключении брака, свидетельства о смерти).

Одним из первых документов, которые бывшие русские солдаты получали для удостоверения личности, был паспорт, выдаваемый Российским генеральным консульством в Париже⁷⁶. Сверху посередине документа размещалось название органа – «Российское генеральное консульство в Париже. По уполномочию Временного российского правительства». В средней части документа справа проставлялся регистрационный номер, слева – вписывались имя, отчество и фамилия получателя. Далее следовал печатный текст: «Во свидетельство чего и для свободного проезда дан ему от меня сей Паспорт, с приложением печати Российского Генерального Консульства». Снизу слева помещались фотография и сургучная печать. Документ содержал указание места и даты выдачи, подпись генерального консула.

Интересен факт, что паспорт С.Д. Рыгачева, приведенный в книге его потомка Ж.-П. Бульера, был выдан в 1920 г. в Париже и содержал реквизиты Временного правительства, которого после октября 1917 г. в России не

⁷⁶ Boulère J.-P. Simon Rikatcheff, 1891–1968, un soldat du Corps Expéditionnaire russe en France en 1916 «Mon Père». Dijon, 2019. P. 48.

существовало⁷⁷.

Солдаты расформированных Русских Особых бригад, принявшие решение вступить в Иностранный легион после Куртинского кризиса, получали путевые книжки бойца Иностранного легиона⁷⁸. На лицевой стороне сверху посередине помещался текст: «Путевая книжка. Маршевый полк Иностранного легиона». Далее шли графы: фамилия, имя, номер части, дата и место рождения, дата вступления в Иностранный легион.

Бывшие русские солдаты, которые прошли службу в Иностранном легионе, имели право подать прошение на получение карточки комбатанта⁷⁹. Документ подавался в Генеральное общество по делам жертв войны и старых комбатантов. Сверху слева печатались контакты и местонахождение структуры, куда обратился солдат. Далее шли линованные строки, на которых требовалось подробно описать свой боевой путь.

На Русской базе в Лавале⁸⁰ русским солдатам выдавалась временная карточка личности⁸¹. Сверху посередине документа располагался текст: «Проживание во Франции»; затем шли следующие пункты: имя и фамилия, адрес. Далее шел раздел «Последнее место проживания за границей»: сюда вписывались регион и адрес. Наконец, последний раздел – «Предыдущее место пребывания во Франции». На бланке необходимо было указать дату проживания по последнему зарегистрированному адресу. На временной карточке личности Ф.Н. Мамонтова, которая была изучена автором, в качестве адреса проживания было написано: «Вместе с русской армией»⁸².

До получения гражданства, процесс оформления которого растягивался на годы, русским солдатам и офицерам вручались временные карточки работников, выдаваемые Министерством труда Франции. На лицевой стороне был напечатан

⁷⁷ Boulère J.-P. Op. cit. P. 48.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁸⁰ На военной базе в Лавале (департамент Майенн, запад Франции) после расформирования Особых бригад находились русские офицеры и солдаты.

⁸¹ Boulère J.-P. Op. cit. P. 187.

⁸² Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. Временная карточка личности Ф.Н. Мамонтова.

индивидуальный номер, под которым от руки вписывалась фамилия обладателя документа. Печатами проставлялись дата выдачи, место выдачи (департамент), должность лица, подписавшего карточку (начальник департаментской службы). В карточку вносились следующие сведения: фамилия, имя, дата и место рождения, имена и фамилии отца и матери, гражданство, пол, дата прибытия во Францию, номер карточки проживающего. На задней обложке помещался раздел «Важные сведения», представляющий собой статьи из законодательства Французской республики, а также правила пользования карточкой работника.

До получения французского гражданства солдатам бывших Особых бригад выдавались сертификаты Центра помощи беженцам и лицам без гражданства. В левом верхнем углу сертификата клеивалась фотография обладателя документа. Вносились сведения: фамилия, имя, место проживания во Франции, место и дата рождения, имена и фамилии отца и матери, гражданство. На сертификате ставились печать Центра и штамп «Одобрено в соответствии с конвенцией 1933 г.⁸³».

Получившим французское гражданство русским солдатам выдавалась постоянная карточка личности⁸⁴. Сверху посередине размещалась надпись: «Карточка личности». Далее от руки заполнялись графы: имя, фамилия, профессия, гражданство (с этого момента – «Франция»), дата и место рождения, место проживания. Документ подписывался владельцем карточки личности. В правом верхнем углу клеивалась фотография. В правом нижнем углу ставился отпечаток большого пальца обладателя документа. В карточках русские имена переделывались на французский лад: солдат Федор Николаевич Мамонтов был записан как Теодор Мамонтов (отчество не указывалось).

При заключении брака составлялось свидетельство. Вверху посередине указывались дата и место проведения регистрации бракосочетания. Далее шла информация о женихе, а затем о невесте (имя, фамилия, профессия, возраст, адрес

⁸³ Конвенция от 28 октября 1933 г., принятая во Франции, Бельгии, Норвегии, Болгарии, Египте, закрепила положение беженцев, защиту прав личности, право обратиться в суд, в медицинские организации, право на образование, свободу труда и защиту от эксплуатации.

⁸⁴ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

проживания, дата и место рождения, имена отца и матери). Затем шли сведения о свидетелях. Все участники церемонии ставили на бланке свидетельства свои подписи. В обнаруженных экземплярах русские солдаты и офицеры указывали разные профессии, но не называли себя военнослужащими.

После смерти русских солдат, получивших французское гражданство, их родственники получали свидетельство о смерти гражданина Французской республики⁸⁵. Сверху слева помещалась надпись: «Документ о гражданском состоянии». От руки заполнялись графы: фамилия, имя, дата и место рождения, фамилия и имена отца и матери. В пространстве слева делалась надпись: «Умер (место, дата)».

Личные документы русских воинов во Франции дают исследователям возможность определить личные истории русских солдат и офицеров: место жительства, род занятий и социальный статус, семейное положение, место и дату смерти.

Опубликованные по теме исследования документы классифицируются как источники официального и личного происхождения. К источникам официального происхождения относятся материалы военного делопроизводства и переписка военно-политического руководства России и Франции⁸⁶. Источники личного происхождения представлены мемуарами, письмами, дневниками, фотографиями солдат Русских Особых бригад, французских военнослужащих и официальных лиц Франции и России, а также проведенными автором представленной

⁸⁵ Личные судьбы. URL: https://www.russkiebrigady.com/_a.htm (дата обращения: 09.10.2025).

⁸⁶ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Вып. 1. Петроград, 1917; Русские солдаты во Франции / сост. А. Удов и др. М., 1919. С. 6–10; Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну // Красный архив. 1931. № 1 (44). С. 152–161; Восстание русских солдат во Франции // Красный архив. 1940. № 2 (99). С. 52–71; Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 265–268; Рапорт прапорщика Н. Гумилева // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 36–38; «Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник. 2000. № 1. С. 20–41; Чиняков М.К. Подавление Куртинского мятежа среди русских войск во Франции в сентябре 1917 года: из фонда Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) / публикация, перевод с французского, предисловие и комментарии М.К. Чинякова // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2008. С. 335–353.

*диссертации интервью с потомками русских солдат*⁸⁷.

В ходе выполнения исследования автором было проведено несколько интервью с потомками русских солдат и офицеров на французском языке. Материалы этих интервью в переводе на русский язык представлены в тексте диссертации и сообщают сведения, которых нет в официальных документах и исследовательской литературе: как правило, русские солдаты во Франции скрывали свое происхождение и участие в Первой мировой войне в составе Русских Особых бригад, которые были расформированы французским правительством. Бывшие военнослужащие Русской императорской армии в редких случаях делились воспоминаниями о своем боевом опыте и тяготах послевоенной жизни со своими потомками, которым иногда передавали свои личные документы и вещи. На основе этих материалов потомки русских солдат во Франции начали собственные архивные поиски и сотрудничество с профессиональными историками⁸⁸.

⁸⁷ Obey A. Camarades Rouski // Revue de Paris, 1920. № 23. P. 527–554; Алешин И. «Варварский» большевизм русских солдат во Франции и французская «демократическая» гуманность // Октябрь за рубежом. М., 1924. С. 24–30; Кидяев П. В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом. М., 1924. С. 31–47; Степной Н. Белые рабы. Воспоминания о французском фронте. М.; Л., 1925; Вавилов А. Записки солдата Вавилова. М., 1927; Козлов А. Проданные за снаряды. Л., 1931; Пуанкаре Р. На службе Франции: воспоминания за девять лет: В 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Ф. Капелюша. М., 1936; Карев П.Ф. Нас не укротили. Иваново, 1937; его же. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1941; Pernikoff O.A. Ma vie et ma chance. Paris, 1953; Карханин М.В. Русские войска во Франции. 1916–1918 // Военно-исторический вестник. 1956. № 7. С. 3–15; Егоров М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–97; Лисовенко Д.У. Их хотели лишить Родины. М., 1960; На службе Отечества / под ред. В.И. Шайдицкого. Сан-Франциско, 1963; Городисский Н.А. Лякуртинская трагедия. Владимир, 1963; Ардашев М. А. Куртинцы // Фронт без окопов. Киров, 1966. С. 54–102; Дюкло Ж. Октябрь 17-го года и Франция. М., 1967. С. 83–88; Дюкло Ж. Мемуары. В 3 т. Т. 1. 1896–1945. М., 1985. С. 315–341, 355–368; Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986; Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1988; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Лисовский Ю.И. Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 256–279; Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier (1914–1918). Paris, 2003; Яковлев В.И. Виват, Франция! Прощай, Париж! Рязань, 2006; Палицын Ф.Ф. Записки: В 2 т. Т. 2. М., 2014; Власов А.П. Незабываемые переживания (Воспоминания рядового солдата). Владимир, 2014; Gavrilenko S.I. Le journal de Stephane Ivanovitch Gavrilenko. Un soldat russe en France. Paris, 2014; Малиновский Р. Я. Первая память: автобиографический роман. М., 2016; Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. Путевой альбом 1-й Русской Особой бригады из Москвы в Марсель, составленный фотографом Эрнестом Шульцем, «Через моря и океаны».

⁸⁸ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

По просьбе Мари и Ивана Бельгу-Мамонтовых автор представленного исследования перевел с французского языка сайт Общества «Русские бригады 16–18» и опубликовал на русском языке оцифрованные ими документы французского Генерального штаба, которые хранятся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции: служебные письма, рапорты, приказы⁸⁹.

Важным источником по теме исследования является *французская и русская пресса периода Первой мировой войны*, материалы которой были посвящены боевому пути солдат и офицеров Русских Особых бригад⁹⁰. Газеты и журналы на французском и русском языках частично сохранились в личной коллекции внуки русского солдата Мари Бельгу-Мамонтовой. Материалы прессы политически пристрастны и были направлены на создание героического образа русского солдата как защитника Франции.

Таким образом, рассмотренная выше источниковая база настоящего исследования представляется достаточно репрезентативной для решения поставленных автором задач.

Научная новизна работы определяется следующими факторами.

Во-первых, исследование представляет собой комплексное изучение истории Русских Особых бригад: от формирования и участия в Первой мировой войне до расформирования и послевоенной адаптации русских солдат и офицеров к гражданской жизни.

Во-вторых, диссертационная работа основана на впервые введенных в научный оборот документах по истории Русских Особых бригад из архивов Франции и США: Архива исторической службы Министерства обороны Франции, Национального архива Франции и Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры.

Во-третьих, впервые в исследовательской литературе в качестве причины

⁸⁹ Русские бригады 16–18. URL: <https://www.russkiebrigady.com/> (дата обращения: 25.12.2025).

⁹⁰ Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. Маленький провансалец. 1916. 21 апреля; там же. «Эксельсиор». 1916. 21 апреля; там же. «Иллюстрация». 1916. 29 апреля; там же. «Штык». 1916. 26 июля; Голос солдата. 1917. 15 мая, 26 декабря; Русский солдат-гражданин во Франции. 1917. 12 июля.

Куртинского кризиса 1917 г. был проанализирован феномен двойного подчинения Русских Особых бригад (военно-политическое руководство России и оперативно-тактическое командование Франции).

В-четвертых, изучение личных документов русских солдат и офицеров позволило комплексно осветить малоизученный в историографии процесс их адаптации к гражданской жизни во Франции и России.

В-пятых, по итогам исследования была создана архивная опись части хранящихся во Франции и США документов по истории Русских Особых бригад.

Теоретико-методологические основания исследования. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу. Это позволило изучить основные вопросы темы в их историческом развитии: от создания Русских Особых бригад и их прибытия во Францию до расформирования после Первой мировой войны и анализа послевоенных судеб русских солдат и офицеров.

В качестве методологической базы использовались работы Л.П. Репиной⁹¹, раскрывающие особенности изучения феномена исторической памяти, В.П. Козлова⁹², позволяющие более полно произвести анализ документального наследия, а также П. Нора⁹³ и М. Винок⁹⁴, развивающих концепцию «мест памяти» для исследования связи между исторической памятью и коллективной идентичностью.

Настоящая работа также опирается на основные для любого исторического исследования принципы историзма, системности, объективности и принцип взаимодополняемости источников.

В ходе проведения исследования применялись дискурсивный,

⁹¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; ее же. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 18–19 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков и др. 2019. С. 12–18.

⁹² Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017. С. 50.

⁹³ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50.

⁹⁴ Винок М. Жанна Д'Арк // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 225–259.

компаративный, лингвистический и статистический методы исторических исследований.

В рамках дискурсивного и компаративного методов было проведено сравнение особенностей освещения истории Русских Особых бригад в различных видах источников, что позволило определить отношение французов к русским военнослужащим на разных этапах истории существования Русских Особых бригад и выявить взгляды российских офицеров и солдат на французскую армию, политическое руководство Французской республики и на условия жизни во Франции.

С помощью лингвистического анализа было проведено изучение франкофонных вариантов русских военных и политических терминов, названий населенных пунктов и французской лексики, используемой для характеристики русских солдат.

Статистический метод позволил по материалам новых архивных документов изучить французскую статистику потерь, движения личного состава Русских бригад, определить объемы поставок французского вооружения в Россию во время Первой мировой войны.

На основе микроисторического подхода истории отдельных участников Русских Особых бригад были вписаны в общий контекст Первой мировой войны. Внимание к биографиям конкретных людей и обстоятельствам их жизни позволило определить стратегии адаптации солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад на основе их личных писем, фотографий, дневников и интервью с потомками. Это особенно важно, так как практически не существует официальных документов о процессе адаптации русских воинов, как оставшихся во Франции, так и вернувшихся в Россию после Первой мировой войны.

Для введения в научный оборот документов французского Генерального штаба, описания архивных дел, систематизации документов применялись принципы, подходы и методика, разработанные в отечественном архивоведении и нашедшие отражение в научных статьях и монографиях: труды ученых кафедры

архивоведения ИАИ РГГУ⁹⁵ дали возможность соискателю в соответствии с методическими рекомендациями кафедры составить по теме исследования архивную опись (см. Приложение 1). Труд по архивной эвристике Т.И. Хорхординой позволил использовать ее методические указания для работы с новыми архивными документами⁹⁶.

Для составления архивного описания документов Архива исторической службы Министерства обороны Франции были использованы методические рекомендации Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) по публикации архивных документов⁹⁷. Эти рекомендации были призваны заменить Правила издания исторических документов в СССР 1990 г.

Положения, выносимые на защиту

1. Процесс формирования, боевой путь, вооружение, материально-техническое и продовольственное снабжение, медико-санитарное обеспечение и быт Русских Особых бригад определялись спецификой их использования как части экспедиционных сил Франции во время Первой мировой войны.

2. Отправка Русских Особых бригад на Западный и Салоникский фронты имела пропагандистское значение для демонстрации союзнической солидарности стран Антанты: в то время как Франция просила отправить на Западный и Салоникский фронты 400 000 русских солдат и офицеров, Русский экспедиционный корпус насчитывал 40 000 человек (по 20 000 бойцов, направленных во Францию и на Балканы). Русский воинский контингент во Франции успешно выполнил свою боевую задачу: во время апрельского наступления Р.Ж. Нивеля 1917 г. русские солдаты и офицеры достигли

⁹⁵ Опись – важнейший архивный справочник (история и методика составления) / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2004. № 2. С. 98–101; Опись – важнейший архивный справочник (история и методика составления) / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2004. № 3. С. 99–103; Справочный аппарат к описи / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2005. № 1. С. 89–95.

⁹⁶ Хорхордина Т.И. Архивная эвристика: методы выявления архивных документов. М., 2024.

⁹⁷ Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Росархив, ВНИИДАД. М., 2023.

поставленных французским командованием целей, но не смогли развить успех ввиду невыполнения французскими частями своих задач.

3. Особое положение солдат и офицеров Русских Особых бригад во Франции было определено их двойным подчинением: оперативно-тактическим со стороны Франции и военно-политическим со стороны России. Это негативно сказалось на судьбе воинского соединения: на начальном этапе Куртинского кризиса 1917 г. французское военно-политическое руководство проигнорировало рапорты русских офицеров об антивоенных настроениях нижних чинов, назвав это «внутренним делом русской армии», что привело к восстанию русских солдат и, как следствие, расформированию Русских Особых бригад французским правительством.

4. В подавлении солдатского мятежа в Ля-Куртине важную роль сыграл представитель Временного правительства России во Франции генерал-майор М.И. Занкевич, который пытался предотвратить восстание среди нижних чинов и добился решения об отправке русских солдат и офицеров на Родину. Однако Временное правительство отказалось их принимать.

5. Русские солдаты – участники Первой мировой войны, даже получив французское гражданство, испытывали по отношению к себе недоверие и становились жертвами политической дискриминации со стороны французских властей. Они зачастую были вынуждены скрывать свое происхождение и не передавали своим потомкам русский язык и культуру. Вернувшиеся в советскую Россию бывшие военнослужащие Русских Особых бригад, как правило, также не рассказывали о своем прошлом.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что приведенные в нем материалы могут послужить основой для учебных курсов по отечественной и зарубежной истории в высших учебных заведениях, а также для разработки специальных курсов по истории экспедиционных сил в период Первой мировой войны.

Исследование архивных фондов, систематизация документов и введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов по истории Русских

Особых бригад, предпринятые в настоящей диссертации, могут послужить фундаментом для последующих исследований по истории экспедиционных сил Первой мировой войны.

Изучение боевого опыта и послевоенной адаптации солдат и офицеров Русских Особых бригад во Франции способствует сохранению памяти об участии России в Первой мировой войне и увековечению подвигов российских воинов во Франции.

Апробация результатов исследования. Обсуждение основных положений настоящего исследования происходило на заседаниях кафедры всеобщей истории Исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Выносимые на защиту положения нашли отражение в выступлениях автора на научных конференциях, а также в 6 научных статьях, 3 из которых входят в издания из перечня ВАК⁹⁸.

В соответствии с поставленными целью и задачами диссертационное исследование имеет следующую **структуру**: введение, основная часть, заключение, список источников и литературы, пять приложений.

Во введении определены актуальность, научная проблема, объект и предмет исследования, поставлены его цель и задачи, установлены хронологические рамки, определены теоретические и методологические основания работы, проанализированы степень изученности темы исследования, его источниковая база, показаны научная новизна и практическая значимость диссертации,

⁹⁸ Павличенко П.П. Личные судьбы солдат и офицеров Русских Особых бригад по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2020. № 14. С. 81–90; его же. Документы по Куртинскому кризису 1917 года в Архиве исторической службы Министерства вооруженных сил Франции // Вестник ВНИИДАД. 2021. № 6. С. 65–70; его же. Возвращение солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад из Франции в Россию (1918–1920 гг.) по неопубликованным документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2021. № 17. С. 79–87; его же. Рабочие роты (1917–1920 гг.): по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 53–62; его же. Русский легион по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 32–44; его же. Источники по истории Русских Особых бригад из архивов Франции и США // Клио. 2026. № 4 (232). С. 62–66.

раскрыты результаты ее апробации и представлена структура работы.

Основная часть состоит из трех глав, организованных по проблемно-хронологическому принципу.

В первой главе – «История Русских Особых бригад во Франции и на Балканах (1915–1917)» содержится информация о предпосылках создания, формировании, переброске во Францию и на Салоникский фронт Русских Особых бригад и их боевом пути.

Вторая глава – «Процесс расформирования Русских Особых бригад и его последствия (1917–1920)» посвящена изучению процесса роспуска русского воинского контингента французским правительством, применения к его личному составу системы «триажа» и организации французским Генеральным штабом их отправок на Родину.

В третьей главе – «Послевоенная адаптация русских солдат и офицеров во Франции и России (1918 – середина 30-х гг. XX в.)» прослеживается процесс адаптации во Франции солдат и офицеров Русских Особых бригад на основании документов семейных, департаментских архивов, Архива исторической службы Министерства обороны Франции и воспоминаний потомков. Кроме того, в этой главе рассматривается вопрос о возвращении части русских солдат в Россию после Первой мировой войны.

В заключении подведены итоги исследования и сделаны выводы.

В приложениях к диссертации приведены архивные описи части хранящихся во Франции и США документов, составленные автором представленного исследования, а также переведенные им на русский язык шифрограмма военного министра П. Пенлеве генералу Л. Комби с поручением передать генералу Ж. Видалону приказ военного министерства России об отправке русских войск из Франции в Россию и письмо военного министра Франции П. Пенлеве от 23 сентября 1917 г. министру иностранных дел Франции А. Рибо об итогах подавления мятежа в Ля-Куртине.

Глава 1. История Русских Особых бригад во Франции и на Балканах (1915–1917)

В данной главе исследуется история создания и боевых действий Русских Особых бригад на Западном и Салоникском фронтах, анализируются причины, ход и последствия Куртинского кризиса (май–сентябрь 1917 г.) с опорой на вводимые в научный оборот архивные источники. Отдельно были рассмотрены франко-русские переговоры и договоренности 1915 г. об отправке на Западный и Салоникский фронты воинских формирований Русской императорской армии.

1.1. Русские Особые бригады в контексте франко-русского сотрудничества (1915–1916)

Франция, подвергшаяся крупномасштабному нападению со стороны Германии, возлагала большие надежды на считавшиеся практически безграничными мобилизационные резервы России – так называемый русский паровой каток⁹⁹. В Великобритании среди местных жителей распространился слух о прибытии в Англию 50 000 русских солдат, которых якобы видели в августе на перроне со снегом на ботинках¹⁰⁰.

4 декабря 1915 г. в Петроград прибыл французский сенатор Поль Думер, который должен был от лица Франции подписать соглашение с Россией об отправке на Западный фронт русских солдат в обмен на французское вооружение. Этот выбор был не случаен: П. Думер был членом комиссии Сената по делам армии. С 4 по 18 декабря 1915 г. П. Думер вместе с генералом П. По, начальником военной миссии Франции в России, вел переговоры с царским правительством по поводу отправки русских войск на Западный фронт.

Российско-французские военные договоренности 1915 г. отвечали интересам России по стратегическим, тактическим и военно-техническим

⁹⁹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 12–13.

¹⁰⁰ Cockfield J.H. Op. cit. P. 2–3.

вопросам¹⁰¹. В условиях нехватки рабочих рук французы также просили российскую сторону отправить во Францию рабочих, но получили отказ¹⁰².

Документы, хранящиеся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, позволили сделать вывод, что французское военное командование собирало сведения об особенностях тактики и стратегии Русской императорской армии. Так, рапорт о русской армии, хранящийся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, включал следующие вопросы: «1) набор в армию, 2) организация войск в мирное время, 3) организация железнодорожной службы, 4) организация отдельных видов войск, 5) организация офицерского корпуса, 6) мобилизация». Дата и автор в рапорте не указаны¹⁰³. Другой рапорт, посвященный действиям русской кавалерии, содержал следующую информацию: «Кавалерия может вступить в боевые действия: 1) если ей можно быстро поразить врага, у которого не будет времени на организацию обороны; 2) если надо сражаться против уже сокрушенных войск противника. Это и есть та самая "лава", о которой мы писали ранее. Капитан Лавернь»¹⁰⁴. В то же время военный агент России во Франции А.А. Игнатьев собирал сведения о французской армии: например, благодаря личным связям ему удалось ознакомиться с принятой во Франции в апреле 1914 г. военной программой¹⁰⁵.

Французское политическое руководство выступило с предложением отправить из России во Францию и на Балканы 400 000 солдат и офицеров. Главное Управление Генерального штаба (ГУГШ) изначально предлагало отправить во Францию целый корпус¹⁰⁶. Но начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М.В. Алексеев в целом был против отправки русских солдат во Францию, обосновав это тем, что обученного личного

¹⁰¹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 29–30.

¹⁰² РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 2. Л. 45.

¹⁰³ Service Historique de la Défense (SHD). 7N2011. Рапорт не установленного лица начальнику французского Генерального штаба. Не позднее июля 1914 г.

¹⁰⁴ Ibid. Рапорт капитана Лаверня начальнику французского Генерального штаба. Не позднее июля 1914 г.

¹⁰⁵ Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 57.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 8. Л. 30.

состава не хватает для обеспечения нужд русских фронтов¹⁰⁷. Однако в дальнейшем он согласился с отправкой русских солдат на Западный и Салоникский фронты, но настоял на сокращении воинского контингента до 40 000 человек, которых планировалось разделить на 4 бригады. Император Николай II поддержал предложение М.В. Алексеева¹⁰⁸.

Генерал П. По был ответственен за ход переговоров с французской стороны. Он докладывал в письме от 13 декабря 1915 г. военному министру Франции Ж.С. Галлиени: «Российское правительство предлагает сформировать по-настоящему элитный отряд, тщательно отобранный, состоящий в основном из добровольцев и набранный из подданных со всей европейской и сибирской территорий, представляющих всю русскую армию. Его Императорское Величество оставил за собой право назначать генералов бригад и полковников, которые будут отобраны из числа генералов и старших офицеров, особо отличившихся в ходе текущей войны. Командиры батальонов и рот будут подлежать тем же критериям отбора»¹⁰⁹.

25 декабря 1915 г. состоялась встреча военного руководства России и Франции, на которой были достигнуты договоренности между генералом П. По и генералом М.А. Беляевым о составе, наборе и транспортировке 1-й бригады во Францию¹¹⁰. Генерал М.А. Беляев подготовил проект плана переброски русских солдат и офицеров во Францию через порт Дайрен, он же – Дальний¹¹¹. План был принят, в силу чего 10 февраля 1916 г. Генеральный штаб Франции обратился к японскому правительству с просьбой о предоставлении русскому воинскому контингенту вагонных составов в Маньчжурии¹¹².

«Россия располагает огромными людскими ресурсами (17 миллионов человек под ружьем), но мобилизацию прошло не более трети населения по

¹⁰⁷ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 198.

¹⁰⁸ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 35–36.

¹⁰⁹ SHD. 7N390. Письмо генерала П. По военному министру Франции от 13 декабря 1915 г.

¹¹⁰ Ibid. Письмо генерала П. По военному министру Франции от 25 декабря 1915 г.

¹¹¹ Ibid. Переведенный на французский язык план генерала М.А. Беляева.

¹¹² Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба японскому правительству от 10 февраля 1916 г.

причине нехватки финансов и материального обеспечения», – было отмечено в рапорте начальника французского Генерального штаба от 27 декабря 1915 г., фиксирующем итоги российско-французских переговоров¹¹³. Российская сторона отказала Франции в предоставлении 400 000 солдат. Генерал М.А. Беляев высказался недвусмысленно: «Настоящее предложение не может быть принято ни под каким видом»¹¹⁴. Россия обязалась отправить во Францию и на Салоникский фронт 40 000 солдат и офицеров. Французы были этим явно недовольны. Президент Франции Р. Пуанкаре вспоминал в мемуарах, что Россия таким образом дала Франции «кусоч шагреновой кожи»¹¹⁵.

Транспортировку офицеров и солдат на Западный фронт брала на себя французская сторона. Главнокомандующий французской армией генерал Жозеф Жоффр написал военному министру Франции письмо об организации транспортировки и встречи 1-й Особой бригады во Франции¹¹⁶.

В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранится документ о тыловом снабжении Русского экспедиционного корпуса: «1) общие положения, 2) структура, 3) функции тыловой службы, 4) военнослужащие и их обязанности, 5) приложения. Довольствие солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса. Для определения довольствия используется таблица со сравнением русских и французских воинских чинов»¹¹⁷.

Таким образом, Россия отправила во Францию и на Салоникский фронт четыре Особых пехотных бригады численностью 40 000 человек. Каждая Особая пехотная бригада состояла из штаба и 2 полков, что составляло в общей сложности 10 000 человек. Особый пехотный полк, в свою очередь, включал: собственный штаб и обеспечивающий его работу персонал, 3 батальона по 4 роты

¹¹³ SHD. 5N539. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 27 декабря 1915 г.

¹¹⁴ Цит. по: Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 33.

¹¹⁵ Пуанкаре Р. На службе Франции: воспоминания за девять лет: В 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Ф. Капелюша. М., 1936. С. 196.

¹¹⁶ SHD. 7N390. Письмо Главнокомандующего французской армией военному министру Франции от 30 декабря 1915 г.

¹¹⁷ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции [Декабрь 1915 г.].

(всего по 12 рот в полку), 3 роты пулеметчиков, отделение связи и маршевый батальон. В роту входило 250 человек. Оружие, боеприпасы и технику должна была для русских солдат предоставить Франция. Эти данные представлены по письму начальника французского Генерального штаба военному министру Франции П.О. Року от 3 сентября 1916 г., где была указана структура одной Особой пехотной бригады¹¹⁸. В том же документе давалось описание лагеря Майи (департаменты Об и Марна, северо-восток Франции), где должно было проходить обучение русских солдат и офицеров владению французским оружием. Документ содержал следующие сведения: «1) подчинение (французское оперативно-тактическое командование), 2) состав смешанный (как русские, так и французы), 3) подробное описание должностных обязанностей (командование, тыловое обеспечение, военно-полевой суд, роты (только русские солдаты), канцелярия)»¹¹⁹.

Согласно документам французского Генерального штаба, в январе 1916 г. началось формирование 1-й Особой бригады¹²⁰. Планировалось отправить 1-ю и 3-ю бригады воевать во Францию, 2-ю и 4-ю – на Салоникский фронт.

27 декабря 1916 г. военный агент России во Франции граф А.А. Игнатьев предложил сформировать Особую бригаду тыловой службы для обеспечения русских войск во Франции. Эти действия получили одобрение Высшего военного совета Франции и императора Николая II¹²¹.

Параллельно процессу формирования Русских Особых бригад в России из Франции в Россию отправлялись корабли с вооружением. Сведения о необходимом для России снаряжении РВАД передавала во французский Генеральный штаб. В 1915 г. русская армия нуждалась в орудиях, самолетах, бомбах, пулеметах, средствах связи, средствах индивидуальной защиты,

¹¹⁸ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 3 сентября 1916 г.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от января 1916 г. Точная дата в документе отсутствует.

¹²¹ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 27 декабря 1916 г.

оборудовании для химической войны¹²². Так, например, фирма «Шнейдер» с марта 1915 г. обязалась поставлять в Россию по 100 000 артиллерийских снарядов в месяц, а с июня – уже по 225 000¹²³.

В письме от 13 сентября 1916 г. 4-го бюро¹²⁴ Генерального штаба 3-му бюро¹²⁵ об отправлениях, предназначенных для России и Румынии, было зафиксировано, что «Россия обязалась отправить во Францию Особые бригады в обмен на поставки вооружения»¹²⁶. По причине перегруженности порта Бреста (здесь: город во Франции на Атлантическом побережье) большим количеством вагонов, ожидающих разгрузки, французский Генеральный штаб отдал приказ не отправлять партии грузов объемом более шести вагонов в Россию или Румынию без решения Генерального штаба, который будет устанавливать порядок отгрузки.

В письме начальника 3-го бюро начальнику французского Генерального штаба от 13 сентября 1916 г. о порядке отправления партий материалов для России и Румынии в связи с загруженностью порта Бреста сообщалось, что грузы для России будут продолжать направлять в Брест, на адрес российского консула: «Отправления для Румынии не будут больше направляться в Брест – теперь этот порт предназначался для отправок грузов в Россию»¹²⁷.

Французская сторона уделяла значительное внимание пропаганде союзнической помощи. Офицер военной миссии Франции в России майор Жак Ланглуа в 1915 г. в рапортах военному министру писал, что в российских газетах мало внимания уделялось освещению событий на Западном фронте: Русские Особые бригады были призваны стать частью пропаганды союзнической взаимопомощи России и Франции¹²⁸.

По предложению начальника французской военной миссии Мориса Жанена

¹²² Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 111.

¹²³ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 31.

¹²⁴ 4-е бюро Генерального штаба Франции занималось вопросами транспортировки войск и снабжением.

¹²⁵ 3-е бюро Генерального штаба Франции отвечало за планирование военных операций.

¹²⁶ SHD. 7N2011. Письмо 4-го бюро Генерального штаба 3-му бюро от 13 сентября 1916 г.

¹²⁷ Ibid. Письмо начальника 3-го бюро начальнику французского Генерального штаба от 13 сентября 1916 г.

¹²⁸ Галкина Ю.М. Указ. соч. С. 68–69.

в целях укрепления дружественных отношений между союзными и нейтральными странами, при отправке материальных средств, произведенных во Франции, французский Генеральный штаб приказал проставлять на всех сторонах посылок и ящиков, предназначенных для России и Румынии, следующую отметку: «Из Франции». Она должна быть написана на языке страны-получателя и хорошо видна. Образцы таких надписей были размещены в приложении к письму начальника 4-го бюро начальнику французского Генерального штаба от 8 августа 1916 г.¹²⁹

Кроме отправки боеприпасов морским путем, французское военно-политическое руководство отправило в Россию майора Пио, который должен был поспособствовать реформированию российской системы производства боеприпасов на манер французской. Материалы об этом предприятии были подготовлены французской военной миссией для публикации в России и опубликованы в российской прессе. Однако цензурный комитет исключил из статьи количественные показатели и национальность майора Пио, чем нивелировал значение материала для французской пропаганды в России¹³⁰.

Русское военное командование придавало большое значение вопросу формирования Русских Особых бригад, которые должны были представлять Россию во Франции: в них назначались офицеры с отличным послужным списком. Начальники штабов бригад и командиры полков были выпускниками военных академий. На должности командиров батальонов назначались офицеры, стратегические и тактические способности которых были высоко оценены Ставкой Верховного главнокомандующего.

Письмо генерала П. По военному министру Ж.С. Галлиени от 13 декабря 1915 г. содержало сведения о порядке набора войск для формирования Русских Особых бригад:

«Б-Набор:

¹²⁹ SHD. 7N2011. Письмо начальника 4-го бюро начальнику французского Генерального штаба от 8 августа 1916 г.

¹³⁰ Галкина Ю.М. Указ. соч. С. 70.

Будет касаться резервистов призывных округов:

- Европейская часть России – Петроград, Москва, Казань, Одесса.
- Сибирская часть России – Уссурийск и Иркутск.

Каждый из этих округов, в зависимости от своих ресурсов, обеспечивает одну или несколько рот, чьи офицеры также будут выбираться из округа таким образом, чтобы каждая рота образовывала единое целое, которым командуют офицеры, знающие людей, находящихся в их подчинении»¹³¹.

При комплектовании Русских Особых бригад личным составом применялись гвардейские стандарты. При отборе кандидатов, как вспоминал П.Ф. Карев, внимание обращалось на их внешний вид и состояние здоровья¹³². Солдаты 1-го Особого полка должны были быть, как это принято в гвардейских частях, шатенами с серыми глазами. Кроме того, они были высокого роста. Во 2-й Особый полк отбирали высокорослых блондинов с голубыми глазами¹³³. Примечательно, что среди солдат 2-го Особого пехотного полка оказался будущий Маршал Советского Союза и министр обороны СССР Р.Я. Малиновский¹³⁴.

Русское верховное командование придавало большое значение строевой подготовке солдат Русских Особых бригад. С русскими солдатами во Францию отправлялись музыканты оркестра, повара, фотографы. На борта кораблей были также погружены походный иконостас и швейные машинки, чтобы чинить и подгонять военную форму¹³⁵. Русские солдаты отмечали в своих воспоминаниях, что среди них распространилось мнение об отправке во Францию для несения караульной службы, а не для ведения боевых действий на фронте¹³⁶.

7 февраля 1916 г. солдаты и офицеры 1-го Особого полка на пяти поездах покинули Москву по направлению к Дайрену. Этот город был основан в 1898 г.

¹³¹ SHD. 7N390. Письмо генерала П. По военному министру Франции от 13 декабря 1915 г.

¹³² Карев П.Ф. Нас не укротили... С. 5–7.

¹³³ SHD. 7N390. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 15 декабря 1915 г.

¹³⁴ Малиновский Р.Я. Солдаты России. С. 173.

¹³⁵ Cockfield J.H. Op. cit. P. 33.

¹³⁶ Вавилов А. Указ. соч. С. 26–27.

на арендованной Россией у Китая территории и назван Дальним, но отошел Японии после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Русские солдаты и офицеры на поездах проделали путь в 9000 километров и прибыли в Дайрен через 22 дня.

Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции Ж.С. Галлиени от 6 февраля 1916 г. об организации транспортировки военных подразделений содержало информацию о дальнейшей отправке русских солдат и офицеров во Францию морем через порт Дайрен в Марсель¹³⁷. На палубах и в трюмах кораблей было очень тесно, поэтому не оставалось места для физических упражнений и спортивных тренировок¹³⁸.

Корабли «Латуш-Тревиль» и «Гималаи» прибыли в Марсель 20 апреля 1916 г. Однако французский Генеральный штаб неправильно оценил вместимость отправленных судов. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 23 марта было посвящено перегрузке некоторых кораблей и необходимости отправить новые транспорты¹³⁹.

21 марта 1916 г. командующий французским военным флотом в Сайгоне (ныне – Хошимин) отправил начальнику французского Генерального штаба рапорт, в котором сообщил, что получил разведывательную информацию о том, «что немцы намерены нанести бомбовый удар по морским транспортникам с русскими солдатами на борту»¹⁴⁰. Ответ начальника французского Генерального штаба на этот рапорт в коробке 7N2011 обнаружен не был. Однако в письме посла Франции в Токио Э. Реньо президенту Р. Пуанкаре от 22 марта 1916 г. сообщалось об успешном ходе погрузки 1-й Русской Особой бригады на транспортные корабли в порту Дайрен¹⁴¹.

Источником по изучению морского плавания русских солдат и офицеров является Путевой альбом 1-й Русской Особой бригады из Москвы в Марсель,

¹³⁷ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 6 февраля 1916 г.

¹³⁸ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 55.

¹³⁹ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 23 марта 1916 г.

¹⁴⁰ Ibid. Рапорт командующего французским военным флотом в Сайгоне начальнику французского Генерального штаба от 21 марта 1916 г.

¹⁴¹ Ibid. Письмо посла Франции в Японии президенту Франции от 22 марта 1916 г.

составленный фотографом Эрнестом Шульцем «Через моря и океаны» и изданный в апреле 1916 г. в Париже с разрешения генерала Н.А. Лохвицкого, командира 1-й Особой бригады. Фотографии из Путевого альбома сопровождались описанием на французском и русском языках. Они отражают особенности путешествия на поезде и на кораблях «Латуш-Тревиль» и «Гималаи»¹⁴².

Состоящая из 5-го и 6-го полков 3-я Русская Особая бригада под командованием генерала В.В. Марушевского была отправлена через Архангельск в Брест (департамент Финистер, запад Франции) и Нант (департамент Нижняя Луара, ныне – Атлантическая Луара). Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру П.О. Року от 26 августа 1916 г. включало информацию о предстоящем прибытии 3-й бригады во Францию. Документ содержал просьбу «подготовить эскорт для встречи и сделать все возможное для скорейшей отправки русских солдат в военный лагерь Майи»¹⁴³.

Вместе с мужьями на Западный фронт отправились офицерские жены, которые «буквально прорывались на пароходы»¹⁴⁴. Когда Русские Особые бригады начали вести боевые действия во Франции, многие из этих смелых женщин стали сестрами милосердия¹⁴⁵.

Первые солдаты и офицеры Русских Особых бригад, отправленные через Дальний Восток, высадились на французский берег 21 апреля 1916 г.¹⁴⁶ Местное население оказало русским солдатам и офицерам очень радушный прием. В журнале «Эксельсиор» под заголовком «Русские войска в Марселе» было написано, что «эти офицеры и солдаты, набранные из всех корпусов русской армии, лучшие представители этой армии на нашей земле... Россия оказала честь

¹⁴² Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. Путевой альбом 1-й Русской Особой бригады из Москвы в Марсель, составленный фотографом Эрнестом Шульцем, «Через моря и океаны».

¹⁴³ SHD. 7N390. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 26 августа 1916 г.

¹⁴⁴ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 57.

¹⁴⁵ Там же. С. 58.

¹⁴⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 57.

Франции, отправив этих храбрых и сильных солдат»¹⁴⁷. Номер журнала «Штык» от 26 июля был посвящен «нашим русским друзьям». На одной картинке русский солдат сообщает французскому коллеге-пуалю¹⁴⁸: «Бодрые и здоровые! Нужно сказать "бошам"¹⁴⁹ надеть на перископы (оптический прибор на подводной лодке. – П.П.) очки!». На другой странице один француз указывает другому французу на атаку русских солдат, которых в бой ведет древнегреческая богиня победы Ника и восклицает: «Погляди, старший брат, на этих молодцов! Они устроят трепку австро-бошам!.. И без капли спиртного во рту!..»¹⁵⁰.

Анализ посвященной русским солдатам статьи из журнала «Маленький провансалец» от 21 апреля 1916 г. позволил сделать вывод, что французы придавали большое пропагандистское значение прибытию Русских Особых бригад на Западный фронт. В описании военнослужащих Русской императорской армии используются такие выражения, как «отборные русские воины», «крепкие, дисциплинированные солдаты», «отбивающие своими высокими сапогами единый ритм по мостовой», «одетые с иголочки», «под сенью развевающихся знамен». Реакция местных жителей в статье описана как «бурный восторг» и «восторженные приветствия», сопровождаемые дарением цветов русским солдатам и офицерам. Таким образом, пресса создавала образ идеального русского воина, который прибыл на помощь своим благодарным французским союзникам¹⁵¹.

Русские войска имели боевой вид благодаря активным действиям военного агента России во Франции графа А.А. Игнатьева, который добился от французского военного командования выдачи солдатам винтовок в порту¹⁵². Отдельного внимания заслуживает то, что он же настоял на обучении

¹⁴⁷ Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. «Эксельсиор». 1916. 21 апреля.

¹⁴⁸ «Пуалю» (фр. Poilu – волосатый) – прозвище французского солдата в Первую мировую войну.

¹⁴⁹ «Боши» (фр. Boches) – презрительное прозвище германских солдат во Франции.

¹⁵⁰ Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. «Штык». 1916. 26 июля.

¹⁵¹ Там же. «Маленький провансалец». 1916. 21 апреля.

¹⁵² Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 50.

французских поваров приготовлению для русских солдат каши и кваса¹⁵³.

Особое внимание французов привлек генерал Н.А. Лохвицкий. В журнале «Иллюстрация» для описания командира 1-й Особой бригады использовались выражения «великолепный командир» и «джентльмен». Французы отмечали такие качества русского генерала, как доброжелательность, размеренность, твердость духа и требовательность к себе. Генерал Н.А. Лохвицкий был представлен не как отстраненный руководитель, а как внимательный командир, проявлявший к солдатам «отцовскую доброжелательность». Русский офицер изображался как представитель воинской элиты Российской империи, вызывавший уважение не только благодаря званию, должности и боевому опыту, но и благодаря личным качествам. На примере генерала Н.А. Лохвицкого во французском обществе формировался положительный образ командования Русского экспедиционного корпуса во Франции¹⁵⁴.

Кроме отправки Особых бригад во Францию британское правительство еще в начале 1915 г. предлагало отправить русский воинский контингент на Балканы, чтобы, с одной стороны, нанести серьезное поражение Османской империи, а с другой стороны, подтолкнуть греческое правительство к вступлению в войну на стороне Антанты¹⁵⁵. Сначала французское правительство выступило против такого плана, мотивировав это тем, что война закончится поражением основных сил Германии во Франции¹⁵⁶. Однако уже в ноябре 1915 г., после вступления 14 октября Болгарии в войну и окончательного оформления Четверного союза, французы обратились к российскому императору с просьбой отправить на Салоникский фронт одну пехотную бригаду морским путем через Архангельск. Но союзники получили отказ, мотивированный сложностями слишком долгого пути и «невозможностью отправить молодых неподготовленных и

¹⁵³ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 62.

¹⁵⁴ Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой. «Иллюстрация». 1916. 29 апреля.

¹⁵⁵ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 16.

¹⁵⁶ Там же. С. 16–17.

невооруженных солдат на фронт»¹⁵⁷. Однако уже 9 декабря 1915 г. Николай II выразил свое беспокойство ходом боев на Балканах, где ситуация начинала складываться не в пользу сил Антанты, и изменил свое решение: русские войска были отправлены на Салоникский фронт¹⁵⁸.

В то время как на Западном фронте действовали 1-я и 3-я Русские Особые бригады, на Салоникском фронте в 1916–1917 гг. воевали 2-я и 4-я Особые пехотные бригады. 2-я Русская Особая пехотная бригада формировалась как соединение, которое должно было под командованием генерала М.К. Дитерихса принять участие в боях на Салоникском фронте, где союзные войска нуждались в подкреплении. По российским нормативам были сформированы 24 пехотные роты и 6 пулеметных команд; обоз был создан по правилам французской армии¹⁵⁹.

В 1916 г. Россия и Франция заключили соглашение об отправке из России дополнительных бригад. Однако вслед за 2-й Особой бригадой русское командование успело отправить только 4-ю бригаду во главе с генералом М.Н. Леонтьевым на Салоникский фронт.

2-я и 4-я бригады на французских и британских кораблях покинули Архангельск и направились в порт Бреста. Затем они погрузились в эшелоны и по железной дороге добрались до Марселя, чтобы морским путем отправиться на Балканы.

Солдаты 2-й бригады отбыли из России в июле 1916 г. на шести морских судах: 4 июля отплыли корабли «Венесуэла», «Умтали» и «Мартазан», а 18 июля – «Мельбурн», «Дороти» и «Беню»¹⁶⁰.

В письме от 24 сентября 1916 г. военного министра Франции командующему 15-м военным округом о высаженных в Бресте 23 и 24 сентября первых отрядах 4-й бригады Русского экспедиционного корпуса сообщалось о

¹⁵⁷ SHD. 5N139. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от ноября 1915 г. Точная дата в документе отсутствует.

¹⁵⁸ SHD. 7N390. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 9 декабря 1915 г.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6399. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

¹⁶⁰ SHD. 7N390. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 18 июля 1916 г.

времени прибытия русского контингента в порт Сен-Рафаэль (департамент Вар, юго-восток Франции) для последующей отправки морем на Салоникский фронт¹⁶¹.

Первые отряды 4-й Русской Особой бригады, высаженные в Бресте 23 и 24 сентября, прибыли в Сен-Рафаэль в следующем составе:

«1) 26 сентября в 17 часов 9 минут – 5 офицеров и около 600 солдат;

2) 27 сентября в 13 часов 29 минут – 21 офицер и 1121 солдат; в 14 часов 49 минут – 12 офицеров и 696 солдат; в 17 часов 9 минут – 12 офицеров и 803 солдата;

3) 2 роты (5 офицеров и около 500 солдат), предназначенные для доставки лошадей и военной техники, придут в Оранж 26 сентября в 2 часа 33 минуты»¹⁶².

В письме военного министра Франции от 28 сентября 1916 г. начальнику французского Генерального штаба сообщалось о прибытии 3-го батальона и вспомогательной роты 7-го полка 4-й бригады Русского экспедиционного корпуса в Сен-Рафаэль «в 17 часов 9 минут (14 офицеров и 1140 солдат, а также 6 машин)»¹⁶³.

По документам французского Генерального штаба, 29 сентября в 14 часов 49 минут в Сен-Рафаэль прибыли «две пулеметные роты 7-го полка; одна пулеметная рота и одна рота 8-го полка общей численностью 9 офицеров и 628 солдат»¹⁶⁴.

Во время пребывания во Франции 2-й Особой бригады произошел крайне неприятный инцидент: солдаты убили русского подполковника М. Краузе. Следствие выявило, что нижние чины заподозрили в предательстве офицера с немецкой фамилией. Разбирательство вел граф А.А. Игнатьев, который лично

¹⁶¹ SHD. 7N390. Письмо военного министра Франции командующему 15-м военным округом от 24 сентября 1916 г.

¹⁶² Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 27 сентября 1916 г.

¹⁶³ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 28 сентября 1916 г.

¹⁶⁴ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 29 сентября 1916 г.

приехал из Парижа в Марсель. По решению военно-полевого суда восемь солдат были расстреляны. Таким образом, порядок был восстановлен¹⁶⁵.

Феномен двойного подчинения Русских Особых бригад выразился в том, что командиры Особых бригад подчинялись французскому Генеральному штабу, в то время как граф А.А. Игнатьев, военный агент России во Франции, и генерал П. По, глава французской военной миссии в России, осуществляли связь между французским и российским правительствами.

Российско-французские переговоры выявили существенное расхождение в представлениях военно-политического руководства обеих стран о назначении Русского экспедиционного корпуса. Для Франции русский контингент первоначально рассматривался как значительный человеческий ресурс, способный усилить французскую армию; для российского командования отправка ограниченного числа войск была способом получить военно-техническую помощь союзника, не ослабляя Восточный фронт. В результате Русские Особые бригады с самого момента формирования оказались не только военным соединением, но и инструментом союзнической политики и пропаганды. Их отправка во Францию и на Салоникский фронт демонстрировала единство Антанты, тогда как проставляемая на коробках с вооружением надпись «Из Франции» свидетельствовала о стремлении французской стороны подчеркнуть собственный вклад в поддержку России.

Следовательно, формирование и отправка Русских Особых бригад во Францию и на Салоникский фронт имели на тот момент не столько боевое, сколько идеологическое значение. Русское верховное командование стремилось представить экспедиционный корпус как отборные войска за счет офицеров с высоким уровнем профессиональной подготовки и солдат, отобранных по физическим данным. Русские Особые бригады были призваны стать символом союзнической солидарности России и Франции. Кроме того, в ходе изучения документального комплекса были рассмотрены сложности транспортировки

¹⁶⁵ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 52–53.

русских солдат: длительность пути, перегруженность кораблей, угроза нападения германских подводных лодок. Все это требовало высокого уровня координации между российским и французским военно-политическим руководством и свидетельствовало о масштабности этой операции.

Новые архивные документы дали возможность изучить отношение французов к русским солдатам и офицерам, которых изначально чествовали и называли «спасителями Франции». Французская пресса представляла русских солдат и офицеров как образец воинской доблести и физическое воплощение союзнической помощи. Анализ собранных материалов позволил сделать вывод о том, что героический образ русского солдата тоже стал частью военной пропаганды Франции в период Первой мировой войны.

Материалы французского Генерального штаба также позволили установить характер построения взаимоотношений Русских Особых бригад с военно-политическим командованием Франции. Русские солдаты подчинялись своим офицерам, в то время как оперативно-тактическое командование принадлежало французской стороне.

1.2. Боевой путь Русских Особых бригад на Западном и Салоникском фронтах (1916–1917)

Русские Особые бригады после прибытия во Францию были отправлены в лагерь Майи¹⁶⁶. Этот военный лагерь был выбран из-за ландшафта: его полигон подходил для тренировок перед боями на Западном фронте¹⁶⁷. Русским солдатам нужно было учиться особенностям ведения боевых действий в условиях позиционной войны. Первый эшелон с русскими солдатами и офицерами прибыл в Майи 24 апреля. Французским командованием было принято решение отправить в лагерь оружие для обучения обращению с ним русских солдат: пулеметы

¹⁶⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 129–130.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 25. Л. 5.

Гочкисс и боеприпасы к ним¹⁶⁸.

В лагере Майи русские солдаты и офицеры обучались принципам ведения окопной войны на Западном фронте. Им необходимо было освоить средства связи, саперное и инженерное оборудование, принципы взаимодействия с артиллерией, правила защиты от химического оружия. Среди солдат отбирались будущие телефонисты, сигнальщики, бомбометчики, саперы и пулеметчики. Русские офицеры прошли двухдневную стажировку на фронте с французскими офицерами. Генерал А. Гуро, командующий IV французской армией, проинспектировал Русские Особые бригады и остался доволен ходом учений¹⁶⁹.

Корреспондент «Русского слова»¹⁷⁰ В.И. Немирович-Данченко по предложению французского майора Ж. Ланглуа посетил Францию и французскую армию в 1916 г., однако о Русских Особых бригадах материалов в газете не осталось¹⁷¹.

В июле 1916 г. французская миссия при русских войсках подготовила письмо военному министру П.О. Року о распределении расходов на содержание Особых бригад между русским и французским правительствами. Решение вопроса затянулось. 24 января 1917 г. военный агент России во Франции граф А.А. Игнатъев отправил письмо военному министру Франции с просьбой принять окончательное решение. В итоге французская сторона взяла на себя все расходы, кроме выплаты жалованья, комплекта обмундирования и экипировки, дополнительных продуктов питания и напитков¹⁷².

По причине незнания нижними чинами Русских Особых бригад французского языка было принято решение перевести правила использования вооружения на русский язык. Решение было зафиксировано в письме военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 5 июля

¹⁶⁸ Archives Nationales de France (AN). 94AP174. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 24 апреля 1916 г.

¹⁶⁹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 62–64.

¹⁷⁰ «Русское слово» (1895–1917) – самая дешевая ежедневная газета Российской империи, в которой во время Первой мировой войны печатались репортажи с фронта.

¹⁷¹ Галкина Ю.М. Указ. соч. С. 70.

¹⁷² SHD. 7N390. Письмо военного агента России во Франции А.А. Игнатъева военному министру Франции от 24 января 1917 г.

1916 г. Каждому солдату выдавался карманный словарь¹⁷³.

Долгий морской путь в тяжелых условиях и пребывание в чужой стране отрицательно сказались на моральном духе русских солдат. Полковник Г.И. Сименов, командир 6-го Особого пехотного полка, решил поднять боевой дух солдат и офицеров вдохновляющей речью. Текст этой речи был обнаружен в коробке 17N649: «Пусть доблесть, проявленная нами на полях сражений, станет примером для будущих поколений. Наша Родина, отправившая нас сюда, ждет от своих сынов великих подвигов. Не посраим же Нашего Отечества!»¹⁷⁴.

Французское правительство установило для русских солдат и офицеров режим контактов с местным населением: во время отпусков русским солдатам разрешалось ездить в Париж, а офицеры могли надевать гражданскую одежду¹⁷⁵. Следствием этого стало установление между военнослужащими Русской императорской армии и француженками романтических отношений, что нашло отражение в их продолжительной трогательной переписке¹⁷⁶. В конце 1916 г. перлюстрация писем русских солдат французами показала, что в среде Русских Особых бригад происходили инциденты с кражей друг у друга личных вещей и случаи чрезмерного употребления алкоголя в свободное от учений время. Примечательно, что русские солдаты в письмах высоко оценивали французское питание и содержание¹⁷⁷. Интересным представляется факт, что достаточно много солдат жаловались на замену водки вином¹⁷⁸.

25 июня 1916 г. 1-я Особая бригада покинула лагерь Майи и отправилась в Шампань. В дневное время русские солдаты и офицеры находились в окопах, наблюдая за активностью немцев и выслеживая цели для стрелков, пулеметчиков и артиллеристов. Ночью солдаты рыли пути сообщения, возводили запасные позиции и восстанавливали поврежденные артиллерийским огнем проволочные

¹⁷³ SHD. 17N649. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 5 июля 1916 г.

¹⁷⁴ Ibid. Переведенная на французский язык речь полковника Г.И. Сименова от 26 августа 1916 г.

¹⁷⁵ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 87–88.

¹⁷⁶ Там же. С. 77–78.

¹⁷⁷ Там же. С. 139–140.

¹⁷⁸ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 62.

заграждения. Отдельные патрули вели разведку на «ничейной земле» и пытались захватить пленных для получения сведений о действиях противника¹⁷⁹. После контратаки русских солдат на позиции немцев 16 июля командующий XVII корпусом генерал Н.Ж.-Б.А.А. Дюма высоко оценил уровень командования 1-й Особой бригады и боевые качества русских солдат¹⁸⁰.

После смены прежних позиций 1-я Русская Особая бригада была перенаправлена на защиту форта Помпель. А.Ю. Павлов обращает внимание на тяжелый и упорный характер боевых действий на этом участке. Русские солдаты столкнулись с хорошо организованной обороной противника, постоянными обстрелами германской артиллерии и прицельным пулеметным огнем. Анализ боевых действий Русских Особых бригад в районе форта Помпель показывает, что русский контингент использовался французским командованием на ключевых оборонительных позициях, где от личного состава требовались дисциплина, выносливость, способность эффективно действовать в условиях длительного напряжения сил. Солдаты Русских Особых бригад отмечали упорство противника: «Вредный народ, – говорил он (русский солдат. – *П.П.*), – не хотят сдаваться, а все норовят стрелять»¹⁸¹. За время боев в Шампани потери бригады составили примерно 500 человек¹⁸².

3-я Особая бригада была отправлена на фронт 16 октября. Французские офицеры, находящиеся при русских войсках, отметили «необыкновенный порыв русской пехоты»¹⁸³. На участке газовой атаки, предпринятой немцами в январе 1917 г., погибло 250 русских и французских солдат, еще более 1000 бойцов были отравлены газом¹⁸⁴.

В газовую атаку попал также медведь, купленный русскими офицерами во

¹⁷⁹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 65.

¹⁸⁰ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 75.

¹⁸¹ Цит. по: Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 76.

¹⁸² SHD. 16N1686. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 20 октября 1916 г.

¹⁸³ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 21 октября 1916 г.

¹⁸⁴ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от января 1917 г. Точная дата в документе отсутствует.

время путешествия на Дальний Восток. Трое германских солдат наткнулись на животное, заснувшее в окопе. Немцы поспешно ретировались. Во время газовой атаки медведь засунул нос в снег, поэтому выжил. Санитары отвезли животное в лазарет к раненым. Несмотря на трудности со снабжением, врачи поили медведя молоком, в результате чего он выздоровел. После расформирования Русских Особых бригад медведя передали в Зоосад Парижа¹⁸⁵.

Характерным примером боевой активности русских военнослужащих в Шампани стала разведывательная вылазка, проведенная в ночь с 24 на 25 декабря 1916 г. Рядовые Борис Чернышев и Степан Воробьев, служившие в 7-й роте 2-го батальона 2-го Особого пехотного полка, сумели проникнуть на позиции противника и захватить в плен двух германских военнослужащих. За успешное выполнение задачи русские солдаты получили по 100 франков от штаба французского корпуса. Денежное вознаграждение за захваченных пленных практиковалось во французской армии, однако М.К. Чиняков обращает внимание на то, что с сентября 1916 г. подобные выплаты были в целом прекращены и могли производиться лишь в особых случаях. Следовательно, материальное вознаграждение русских солдат Б. Чернышева и С. Воробьева означало высокую оценку результатов их действий французским командованием.

Признание заслуг военнослужащих не ограничилось выдачей им денег. 27 декабря 1916 г. Б. Чернышев и С. Воробьев были удостоены французского Военного креста. Награды им лично вручил командующий V французской армией генерал О. Мазель, в оперативное подчинение которого к этому времени перешли русские части. Этот эпизод свидетельствует не только об участии военнослужащих 1-й Особой бригады в разведывательной деятельности на участке в районе форта Помпель, но и об интеграции русских частей в систему французского оперативного командования¹⁸⁶.

Позиционная война требовала поддержания готовности личного состава к артиллерийским обстрелам и внезапным вылазкам противника, бдительного

¹⁸⁵ Cockfield J.H. Op. cit. P. 333.

¹⁸⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 138.

несения караульной службы, организации управления и связи, регулярной разведки германских позиций и проведения собственных активных боевых действий. Служба в условиях непосредственного соприкосновения с противником формировала у солдат и офицеров Русских Особых бригад боевой опыт, существенно отличавшийся от ведения боевых действий на Восточном фронте. Во время обучения в лагере Майи русские военнослужащие осваивали особенности технически развитой системы траншей, организацию связи и специфику использования современного французского вооружения. Боевые действия в районе форта Помпель стали практическим продолжением этой подготовки¹⁸⁷.

По оценке М.К. Чинякова, весь период боевой деятельности Русских Особых бригад с июня 1916 г. по март 1917 г. продемонстрировал высокие боевые качества русского воинского контингента. Русские части заслужили положительные оценки и награды французского военного командования. Однако в то же время обнаружились объективные недостатки их организации, прежде всего, отсутствие собственных полноценных артиллерийских, инженерных и медицинских подразделений. Это ограничивало самостоятельность действий Особых бригад, усиливало их зависимость от французских соединений, в состав которых они были включены в оперативном отношении¹⁸⁸.

Французы оказывали медицинскую помощь раненым русским солдатам и офицерам. В Монпелье (департамент Эро, юг Франции) находился госпиталь, в котором русские солдаты, лишившиеся конечностей, получали протезы и учились изготавливать их для других солдат. Там же они обучались писать левой рукой и учили французский язык¹⁸⁹. В свою очередь, больные или раненые русские офицеры отправлялись на реабилитацию в Биарриц (департамент Нижние Пиренеи, ныне – Атлантические Пиренеи, юго-запад Франции). Примечательно, что мэр Биаррица обещал лично встречать офицеров на перроне¹⁹⁰.

Французское командование, которое высоко оценило боевой потенциал

¹⁸⁷ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 128–133, 138.

¹⁸⁸ Там же. С. 141–142.

¹⁸⁹ Adam R. Histoire des soldats russes... P. 54.

¹⁹⁰ Ibid. P. 48.

солдат Русской императорской армии, было заинтересовано в расширении русского воинского контингента. В январе 1917 г. ГУГШ предложил Военному совету создать при русских войсках во Франции инженерные части, на что и было получено одобрение¹⁹¹.

Однако в официальных российских документах с начала 1917 г. все чаще стали отмечаться драки между нижними чинами, поэтому генерал В.В. Марушевский издал приказ № 10 о том, что участники драк подлежали военно-полевому суду¹⁹².

15 марта 1917 г. российский император Николай II отрекся от престола. Февральская революция отрицательно сказалась на боевом духе русских солдат во Франции: они переживали за судьбу своих родных, которые остались в России¹⁹³. Солдаты и офицеры Русских бригад получили новости о революционных событиях в России накануне наступления Р.Ж. Нивеля (апрель–май 1917 г.), которое французы считали «последним усилием» (*un effort suprême*) для достижения долгожданной победы¹⁹⁴.

К весне 1917 г. военно-политическое руководство Антанты рассчитывало добиться решающего перелома на Западном фронте посредством крупномасштабной наступательной операции. После межсоюзной конференции ноября 1916 г. главным направлением удара был избран Западный фронт, а новым главнокомандующим французской армией стал генерал Р.Ж. Нивель – сторонник быстрого прорыва германской обороны. В состав ударной группировки были включены находившиеся во Франции 1-я и 3-я Русские Особые бригады, подчиненные в оперативном отношении V французской армии генерала О. Мазеля. М.К. Чиняков подчеркивает масштаб готовившейся операции: на участке протяженностью около 80 км союзники сосредоточили значительное количество пехоты, артиллерии, авиации и танков. Русским соединениям предстояло действовать в качестве составной части этой крупной наступательной

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 48. Л. 15–22.

¹⁹² Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 93.

¹⁹³ Чиняков М.К. Куртинский кризис (май–сентябрь 1917 г.). С. 74–75.

¹⁹⁴ Там же. С. 144.

группировки¹⁹⁵. Согласно архивным материалам, Русские Особые бригады получили конкретное боевое задание: захватить и удерживать деревню Курси (департамент Марна, северо-восток Франции) и близлежащие германские укрепления¹⁹⁶.

Накануне наступления 1-я Особая бригада была включена в состав VII французского армейского корпуса генерала Ж. де Базелера и заняла позиции напротив Курси. 3-я Особая бригада, входившая в XXXII армейский корпус, первоначально находилась в армейском резерве западнее Реймса. Существенной проблемой для Русских Особых бригад было отсутствие собственной полноценной артиллерии и нехватка инженерных подразделений¹⁹⁷.

16 апреля 1917 г. русские войска перешли в наступление на участке фронта шириной около 4 км. Первоначальное сопротивление противника было относительно слабым, однако по мере продвижения вперед русских подразделений интенсивность артиллерийского и пулеметного огня противника существенно возросла¹⁹⁸.

О степени включенности Особых бригад в боевые действия в ходе наступления Р.Ж. Нивеля можно судить по документам, обнаруженным в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (США). Источники посвящены награждению Георгиевскими орденами и Георгиевским оружием – высшими воинскими наградами Российской империи.

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия был учрежден императрицей Екатериной II в 1769 г. для отличия офицеров за подвиги, совершенные исключительно на поле боя. Орден имел четыре степени. Награждение производилось только монархом в соответствии с «Георгиевским статутом», который менялся несколько раз. На протяжении Первой мировой войны действовал статут 1913 г., по которому Георгиевское оружие закреплялось

¹⁹⁵ Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 143–145.

¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1215. Л. 2.

¹⁹⁷ Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 145.

¹⁹⁸ Там же. С. 148–149.

как самостоятельное боевое отличие в системе воинских наград¹⁹⁹.

Определение Георгиевского оружия дано в статье 106 части III «О Георгиевском оружии» «Георгиевского статута» 1913 г.: «Под Георгиевским оружием разумеются: шпаги, сабли, палаши, шашки и кортики существующих образцов, но с эфесами, сплошь позолоченными, с лавровыми украшениями на кольцах и наконечниках ножен; на эфесе изображена надпись "за храбрость" и помещается крест ордена Св. Георгия уменьшенного размера из финифти; темляк к оружию – на Георгиевской ленте»²⁰⁰.

В ходе исследования был изучен приказ по 1-й Особой пехотной дивизии²⁰¹ № 133 от 19 сентября 1917 г.²⁰² В документ были включены копии актов двух заседаний Георгиевской Думы (от 27 июля и 20 августа 1917 г.): в состав Георгиевской Думы для рассмотрения подвигов офицеров 1-й Особой пехотной дивизии, представленных к ордену Св. Георгия 4-й степени, включались офицеры, награжденные этим же орденом, а в состав Георгиевской Думы для рассмотрения подвигов офицеров 1-й Особой пехотной дивизии, представленных к Георгиевскому оружию, – награжденные этим оружием ранее.

Георгиевских кавалеров во Франции можно разделить на три группы: награжденные до отправки из России, награжденные на Западноевропейском театре военных действий (ТВД) и получившие орден или оружие во Франции, но за подвиги на Восточноевропейском ТВД (они получили награду во время переброски на Западный фронт или уже на французской земле). После Февральской революции награждения утверждались представителем Временного правительства генерал-майором М.И. Занкевичем.

Приказом по 1-й дивизии от 19 сентября 1917 г. № 133 было объявлено содержание приказов по Русским войскам во Франции: приказ от 27 июля 1917 г.

¹⁹⁹ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки (1769–1920) / отв. сост. В.М. Шабанов, 2004.

²⁰⁰ «Георгиевский статут» 1913 г. URL: <http://george-orden.narod.ru/statut1913s4.html> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁰¹ 1-я Особая пехотная дивизия была сформирована на Западном фронте из 1-й и 3-й Особых бригад в июне 1917 г.

²⁰² Bakhmeteff Archive. Russian Expeditionary Forces in France and Macedonia Records, 1914–1930. Box 1. Приказ по 1-й Особой пехотной дивизии от 19 сентября 1917 г.

№ 53 был посвящен награждению орденами, приказ № 59 – оружием.

Каждая из копий включала преамбулу, содержащую краткую информацию о составе Георгиевской Думы, дату и сведения о награде (степень ордена или оружие), список награжденных с указанием части (до полка), описание подвигов, фамилии и имена с должностями подписавших подлинный акт (председатель и члены Думы).

В приказе от 27 июля 1917 г. № 53 указывались получившие орден 4-й степени всего семь офицеров (один из них посмертно): 1-го Особого полка – двое, 2-го Особого полка – один, 5-го Особого полка – двое, 6-го Особого полка – двое. Примечательно, что среди награжденных находились временно командовавшие 1-м и 2-м Особыми пехотными полками соответственно полковники А.Н. Сперанский и Г.С. Готуа, а также два штабс-капитана, поручик, подпоручик и прапорщик.

Все семеро офицеров были награждены согласно 8-й статье Георгиевского статута, из которых пятеро – по пунктам раздела «По пехоте», двое – дополнительно и по разделу «По всем видам оружия вообще» (это был один и тот же 11-й пункт, предполагавший награждение за взятие вражеского укрепления, батареи, пулемета).

Все награды вручались за участие в наступлении Р.Ж. Нивеля (апрель 1917 г.): две – за бой у деревни Курси 16 апреля, одна – у Бримонского массива (16 апреля 1917 г.), две – у высоты 108 (17 апреля 1917 г.) и две – у Мон-Спен (19 апреля 1917 г.).

В приказ от 20 августа 1917 г. № 59 были включены шестнадцать офицеров, награжденных Георгиевским оружием, трое из них – посмертно: 1-го Особого полка – восемь, 2-го Особого пехотного полка – двое, 5-го Особого пехотного полка – шестеро. В их числе командир 5-го Особого пехотного полка В.С. Нарбут, а также подполковник, семь штабс-капитанов, два капитана, три поручика и два подпоручика.

Награждение производилось согласно 112-й статье Георгиевского статута, при этом большинство – по разделу «По сухопутным войскам», подразделу «По

части общего командования», 2-му пункту, предполагавшему доведение личным примером атаки до рукопашной схватки при особенно тяжелых условиях боя. В их числе командир 5-го Особого полка полковник В.С. Нарбут, получивший наградное оружие также по подразделу «По Генеральному штабу», 29-му пункту: «Кто в бою или боевой операции доблестной и самоотверженной деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, по засвидетельствованию своего начальника действительно содействовал ему в достижении цели, поставленной отряду или части войск»²⁰³. При этом один из шестнадцати получил награду согласно разделу «По сухопутным войскам», подразделу «По части общего командования», 1-му и 3-му пунктам, подразумевавшим захват и удержание вражеских позиций и удержание собственных позиций соответственно, другой – согласно подразделу «По артиллерии», 17-му пункту за развертывание артиллерии на захваченных позициях для их удержания.

Награждения также производились за участие в наступлении Р.Ж. Нивеля, а именно: десять – за сражение у Курси (16 апреля), три – у Мон-Спен (19 апреля). Кроме того, награждались офицеры, отличившиеся в бою у деревни Оберив 21 марта того же года.

В течение четырех дней подполковник В.Я. Григорьев в бою у деревни Курси с батальоном удерживал захваченную им же траншею «Свиная голова» до смены свежей частью (112-я статья, 1-й и 3-й пункты).

Капитан Г.М. Анциферов во время боя у Курси, командуя 3-й пулеметной ротой в составе 3-го батальона, потерявшего 80 % личного состава, развернул пулеметы так, чтобы дать возможность устроиться на захваченных позициях выжившим, и командовал даже после сильной контузии до тех пор, пока не потерял сознание (подраздел «По артиллерии», 17-й пункт).

Поручик И. Дексперт после ранения командира возглавил атаку у Курси, где погиб (112-я статья, 2-й пункт). Попавший в списки награжденных Иван Дексперт в действительности являлся Жаном Декспертом, офицером французской

²⁰³ «Георгиевский статут» 1913 г. URL: <http://george-orden.narod.ru/statut1913s4.html> (дата обращения: 05.12.2025).

службы, прикомандированным к Особым бригадам. Таким образом, иное гражданство не являлось препятствием для получения Георгиевских наград, которые объединяли отличившихся офицеров независимо от их происхождения.

Таким образом, на основе вышеназванных приказов (№ 53 и № 59) по Русским войскам во Франции были сделаны следующие выводы: во-первых, Георгиевская Дума действовала на Западном фронте; во-вторых, постановления Георгиевской Думы во Франции утверждались представителем Временного правительства; в-третьих, приказы позволили определить два наиболее кровопролитных боя во время наступления Р.Ж. Нивеля: у деревни Курси 16 апреля и у Мон-Спен 19 апреля 1917 г.; в-четвертых, документами был подтвержден упорный характер боев в ходе наступления Р.Ж. Нивеля: участие непосредственно в бою командиров полков и награждение четырнадцати из шестнадцати офицеров Георгиевским оружием за доведение «до удара холодным оружием при особо трудных условиях местности и под убийственным огнем противника»²⁰⁴ (2-й пункт подраздела «По части общего командования», раздела «По сухопутным войскам», части III «О Георгиевском оружии» Георгиевского статута 1913 г.).

Во время наступления Р.Ж. Нивеля с 16 по 19 апреля потери составили приблизительно 5000 из 20 000 русских солдат²⁰⁵. Французы и британцы из 4 500 000 солдат и офицеров потеряли около 340 000 человек, немцы – 163 000 из 2 700 000. Таким образом, в процентном соотношении самые большие потери понесли Русские Особые бригады, которые потеряли 25 % численности (французы и британцы – 7,5 %; немцы – 6 %)²⁰⁶. Русские солдаты и офицеры сражались на самых тяжелых участках фронта, где была высокая концентрация пулеметов противника. Кроме того, в составе Русских Особых бригад не было собственных танков, артиллерии и самолетов, поэтому русскому командованию приходилось запрашивать технику у французов.

²⁰⁴ «Георгиевский статут» 1913 г. URL: <http://george-orden.narod.ru/statut1913s4.html> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

²⁰⁶ Cockfield J.H. Op. cit. P. 105.

На Балканском театре военных действий русские войска действовали в составе союзнической армии, находившейся под общим командованием французского генерала М. Саррайя. Русский воинский контингент здесь представляли 2-я и 4-я Особые бригады. Первой в активные боевые действия была введена 2-я Особая бригада, которая осенью 1916 г. участвовала в наступлении союзных войск против болгарской армии на направлении Флорины и Монастира.

В ходе боев под Флориной военнослужащие 2-й Особой бригады приняли участие в прорыве обороны болгарских войск. Дальнейшее продвижение союзных частей было направлено на город Монастир. В начале октября 1916 г. русские части участвовали в наступательных действиях на этом направлении, преодолевая укрепленные позиции неприятеля, прикрытые проволочными заграждениями. Участие русского воинского контингента не ограничивалось выполнением вспомогательных задач: он использовался для прорыва обороны противника и развития наступления союзных войск.

Последовательное наступление союзников завершилось овладением 19 ноября 1916 г. Монастиром. В занятии города участвовали русские и французские части. Участие 2-й Особой бригады в боях за Флорину и Монастир стало одним из наиболее значительных эпизодов боевого применения Русских Особых бригад на Салоникском фронте. Оно продемонстрировало, что направленный Россией воинский контингент использовался союзным командованием непосредственно в наступательных операциях против войск Центральных держав²⁰⁷.

Позднее к боевым действиям на Балканах присоединилась 4-я Особая бригада. С ноября 1916 г. ее подразделения действовали совместно с сербскими войсками. Боевые качества русских военнослужащих получили высокую оценку союзного командования. К концу 1916 г. обе направленные на Балканы Русские Особые бригады были полностью включены в систему боевых действий

²⁰⁷ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 81–82.

Восточной армии и взаимодействовали с войсками других государств Антанты²⁰⁸.

Таким образом, боевой опыт 2-й и 4-й Особых бригад позволяет сделать вывод, что значение русского воинского контингента на Балканах так же, как и во Франции, не сводилось к демонстрации единства союзников по Антанте. Русские части непосредственно участвовали в наступательных действиях, прорыве обороны противника и овладении важными населенными пунктами. Особенно показательными стали бои 2-й Особой бригады под Флориной и Монастиром осенью 1916 г., в ходе которых русские военнослужащие действовали как составная часть объединенных сил Антанты.

Первые признаки неповиновения нижних чинов офицерам во 2-й и 4-й Особых бригадах появились в октябре 1917 г.: сказывалась общая усталость от войны. Французское военное командование решило снять Особые бригады с фронта и разоружить их: по отношению к их личному составу применялась система «триажа». Статистика позволила определить выбор солдат: 550 человек записались в Русский легион или во французский Иностранный легион, 1200 объявили о желании вступить в рабочие роты, а остальные 11 500 человек отказались как-либо продолжать участвовать в войне²⁰⁹.

Участие Русских Особых бригад в боевых действиях на Западном и Салоникском фронтах показывает, что их значение не ограничивалось пропагандистской демонстрацией союзнической солидарности. После обучения во французских лагерях русские части были включены в систему боевого применения французской армии и использовались на ответственных участках фронта. Военное командование Франции высоко оценило участие Русских Особых бригад в боях на Западном и Салоникском фронтах в 1916–1917 гг., о чем свидетельствуют документы французского Генерального штаба.

Особенно показательным стало участие Русских Особых бригад в наступлении Р.Ж. Нивеля 1917 г. Русские солдаты и офицеры выполнили

²⁰⁸ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 83.

²⁰⁹ Там же. С. 126–129.

поставленные французским военным командованием задачи. Новые архивные документы Георгиевской Думы позволили не только установить факт героизма русских офицеров на поле боя, но и сделать вывод о том, что наступление Р.Ж. Нивеля стало переломным моментом в истории Русских Особых бригад: их первоначальное пропагандистское значение сменилось реальной боевой ролью в крупной военной операции.

Однако понесенные Русскими Особыми бригадами потери, общая усталость от войны и Февральская революция 1917 г. в России стали причинами недовольства основной массы солдат 1-й Особой бригады, отведенной вместе с 3-й Особой бригадой в лагерь Ля-Куртин, подготовленный французскими властями для размещения вернувшихся с фронта частей.

1.3. Куртинский кризис: причины возникновения, ход и последствия восстания 1917 г.

Русские Особые бригады понесли ощутимые потери в ходе наступления Р.Ж. Нивеля. В.В. Марушевский просил прислать ему 60 офицеров и 2800 солдат, а Н.А. Лохвицкий – 50 офицеров и 3000 солдат. Однако Ставка отказалась присылать подкрепления из России²¹⁰. Боевой дух русских солдат начал падать. Не справлялись даже полковые священники, которые должны были проводить массовые молебны и индивидуально работать с паствой²¹¹.

Кроме того, во Франции находились российские политические эмигранты, которые пытались вести пропаганду среди солдат. Например, В.А. Антонов-Овсеенко (1883–1938), член меньшевистского крыла РСДРП с 1903 г., во время своего пребывания во Франции посетил раненых русских солдат в госпитале под Парижем и провел среди них агитационную работу, что также сказалось на росте в их среде революционных настроений²¹².

²¹⁰ Cockfield J.H. Op. cit. P. 110.

²¹¹ Adam R. Histoire des soldats russes... P. 54.

²¹² Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G. P. 14.

В мае 1917 г. французское высшее командование приняло решение отвести русских солдат с фронта в лагерь Нефшато (департамент Вогезы). Генерал Ноэль де Кастельно проинспектировал лагерь и оценил состояние русского воинского контингента в письме военному министру Франции П. Пенлеве: «Я сильно сомневаюсь, что есть возможность поднять упавший боевой дух русских солдат. Поэтому необходимо рассмотреть их отправку на Родину, о которой они очень тоскуют. Их необходимо направить в лагерь, отвечающий их просьбам и находящийся в тылу»²¹³.

30 мая французский Генеральный штаб принял решение разместить русских солдат и офицеров в лагере Ля-Куртин (департамент Крез, центральная часть Франции), так как из лагеря Коэткидан (департамент Морбиан, запад Франции) сложно вывести находившиеся там французские войска²¹⁴.

2 июня начальник французского Генерального штаба отправил письмо в 4-е бюро по поводу размещения русских войск в лагере Ля-Куртин. В зданиях предполагалось разместить 263 офицера (3 генерала) и 9000 солдат, а остальным выдать палатки (по 10 человек в каждой)²¹⁵.

4 июня Генеральный штаб запросил у генерала Л. Комби, который командовал 12-м военным округом, сведения о лагере Ля-Куртин и приказал отправить «со всей возможной срочностью» туда 900 конических палаток. 5 июня Генеральный штаб запросил у медицинской службы число больных и раненых из состава частей, отправленных в Ля-Куртин, и распорядился организовать лазареты для больных и раненых. В том же документе начальник Генерального штаба дал задание доставить необходимые продукты для изготовления 12 000 пайков для русских солдат в течение 24 часов и отправить палатки, спальные мешки и походные кухни²¹⁶.

²¹³ SHD. 7N390. Письмо генерала Н. де Кастельно военному министру Франции от 5 июня 1917 г.

²¹⁴ Ibid. Письмо начальника Генерального штаба военному министру Франции от 30 мая 1917 г.

²¹⁵ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба в 4-е бюро от 2 июня 1917 г.

²¹⁶ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу Л. Комби от 5 июня 1917 г.

Военный министр Франции 8 июня приказал генералу Л. Комби оставить подполковника Фарина на должности начальника лагеря Ля-Куртин и организовать вывоз военнопленных, которые там находились. 14 июня военный министр повторил свой приказ вывезти военнопленных до прибытия русских солдат и офицеров²¹⁷.

15 июня в лагере Ля-Куртин получили 570 палаток. Подполковник Фарин попросил прислать 330 рабочих для завершения обустройства лагеря. 18 июня генерал Л. Комби отправил письмо военному министру с просьбой уведомить, нуждаются ли в Ля-Куртине в двух медицинских частях, оснащенных автомобилями. 20 июня 1917 г. две французские медицинские части, приданные Русским Особым бригадам, последовали за солдатами в лагерь Ля-Куртин. 23 июня начальник Генерального штаба приказал освободить лагерь Курно (департамент Жиронда, юго-запад Франции) для 7000 русских солдат и офицеров, а находившихся там сенегальцев отправить во Фрежюс (департамент Вар, юго-восток Франции)²¹⁸.

Российское командование Русских Особых бригад надеялось продолжать боевые учения. В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранится письмо полковника Н.Ф. Рязанцева, интенданта 1-й Особой дивизии, начальнику французского Генерального штаба от 25 июня с просьбой прислать для продолжения учений 200 000 единиц боеприпасов для пулеметов Гочкисс и 100 000 патронов для ружей²¹⁹.

26 июня начальник Генерального штаба сообщил военному министру, что железнодорожная часть и 9 человек 78-го пехотного полка французской армии все еще продолжают работы в лагере Ля-Куртин²²⁰.

А.Ю. Павлов отмечает, что революционная пропаганда велась русскими

²¹⁷ SHD. 7N2011. Письмо военного министра Франции генералу Л. Комби от 14 июня 1917 г.

²¹⁸ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба начальнику лагеря Курно от 23 июня 1917 г.

²¹⁹ Ibid. Письмо интенданта 1-й Русской дивизии начальнику французского Генерального штаба от 25 июня 1917 г.

²²⁰ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру от 26 июня 1917 г.

политическими эмигрантами среди личного состава Русских Особых бригад уже с момента прибытия русских солдат во Францию. Противоречивые сообщения о Февральской революции 1917 г. в России только усилили брожение среди нижних чинов²²¹. Отсутствие понимания между будущими мятежниками и верными присяге войсками стало накалять обстановку, одним из этапов эскалации которой стал уход в лагерь Фельтен (департамент Крез) офицеров 1-й Особой бригады и всего состава 3-й Особой бригады. Французское военное и политическое руководство требовало нахождения всех русских солдат и офицеров в лагере Ля-Куртин. Только личное заступничество генералов Н.А. Лохвицкого и М.И. Занкевича, графа А.А. Игнатьева и генерала Л. Комби изменило мнение начальника французского Генерального штаба генерала Ф. Фоша, давшего свое согласие на разделение личного состава Русских Особых бригад между Ля-Куртином и Фельтеном²²².

7 июля 1917 г. командующий 12-м военным округом Л. Комби сообщил военному министру об отказе русских солдат работать и выполнять упражнения и о создании милиции для восстановления порядка²²³. В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранятся «Положение о милиции» и «Временные основы для службы милиции»²²⁴.

12 июля начальник французского Генерального штаба написал генералу Л. Комби, чтобы тот «как можно меньше вмешивался во внутренние дела русских войск»²²⁵. В том же документе начальник Генерального штаба приказал убрать из всех официальных документов формулировку «навести порядок любой ценой», так как это, по его мнению, «прямо указывает на обязательное применение оружия и, таким образом, носит провокационный характер»²²⁶.

14 июля 1917 г. произошел инцидент между солдатами и штабс-капитаном

²²¹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 90–91.

²²² SHD. 7N2011. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции [Июль 1917 г.].

²²³ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 7 июля 1917 г.

²²⁴ Ibid. Положение о милиции и Временные основы для службы милиции [Июль 1917 г.].

²²⁵ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу Л. Комби от 12 июля 1917 г.

²²⁶ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу Л. Комби от 12 июля 1917 г.

5-го Особого пехотного полка М.К. Иорданом, разгоревшийся из-за нежелания солдат выполнять военные упражнения. Восставшие солдаты начали угрожать смертью офицеру, который, по их мнению, хотел вернуть «старые порядки», заключавшиеся в упражнениях с оружием. Пьяный солдат Метков сказал: «Если ты хочешь вернуть старые порядки, я тебя убью». М.К. Иордан ответил: «Убей меня прямо сейчас». На что последовали слова Меткова: «Я не убью тебя сейчас, потому что меня поймают». Нужно отдать должное офицеру, который не испугался и умело парировал выпады мятежников. Последних отправили в Париж для рассмотрения дела военно-полевым судом. В неразберихе июльских событий об инциденте забыли, а вернулись к нему только в сентябре – после подавления мятежа²²⁷.

23 июля генерал Ф. Фош уведомил генерал-майора М.И. Занкевича, что лагерь Курно будет готов для размещения 3-й Особой бригады через неделю. До этого, 20 июля, М.И. Занкевич просил Ф. Фоша выбрать другой лагерь для 3-й бригады, но 21 июля получил ответ, что «только лагерь Курно отвечает требованиям для размещения 3-й бригады»²²⁸.

Французские власти продолжительное время не понимали серьезности возникшего положения. 29 июля 3-я Русская Особая пехотная бригада была передана под командование французского генерала, который командовал 18-м военным округом²²⁹. Военный министр приказал «осуществлять любые действия с осторожностью, чтобы не вызвать накал страстей: если начальник лагеря Курно не обладал необходимыми дипломатическими качествами, то командующему 18-м военным округом необходимо сменить его»²³⁰.

2 августа военный министр Франции отправил генералу Л. Комби приказ французским войскам «занять позиции вокруг Ля-Куртина и содействовать

²²⁷ SHD. 7N2011. Письмо начальника лагеря Курно командующему 18-м военным округом от 27 сентября 1917 г.

²²⁸ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генерал-майору М.И. Занкевичу от 21 июля 1917 г.

²²⁹ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба командующему 18-м военным округом от 29 июля 1917 г.

²³⁰ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба командующему 18-м военным округом от 29 июля 1917 г.

российским военным властям, но открыто в конфликте участие не принимать»²³¹. В этот же день в Лимож (департамент Верхняя Вьенна, запад Франции) по приказу военного министра прибыл заместитель начальника Генерального штаба генерал Ж. Видалон для контроля за ситуацией²³².

3 августа генерал Ж. Видалон сообщил военному министру, что генерал-майор М.И. Занкевич приказал солдатам 1-й Особой бригады собраться без оружия. Ж. Видалон подчеркивал, что М.И. Занкевич надеется решить проблему без применения силы. Кроме того, Ж. Видалон одобрял меры по защите военного округа, предложенные генералом Л. Комби. Сам командующий 12-м военным округом сообщил военному министру, что французские войска займут позиции в ночь с 3 на 4 августа. В документе содержалась информация, что утром 3 августа менее 1000 русских солдат покинули Ля-Куртин и отправились в лагерь Фельтен²³³.

4 августа 1917 г. генерал Л. Комби сообщил военному министру, что русские солдаты должны явиться без оружия на переговоры. 5 августа 1917 г. он же вновь сообщил военному министру, что генерал-майор М.И. Занкевич отдал приказ генералу Н.А. Лохвицкому «разоружить мятежников»²³⁴.

5 августа генерал-майор М.И. Занкевич уведомил командующего 12-м военным округом Л. Комби о назначении Евгения Ивановича Раппа комиссаром Русских войск во Франции. Военного министра Франции М.И. Занкевич известил о назначении Раппа на должность комиссара 6 августа. В суматохе не обошлось без ошибок: 6 августа генерал Ж. Видалон указал М.И. Занкевичу на то, что в документах допущена ошибка – Е.И. Рапп именовался «комиссаром при Французских войсках»²³⁵. Сам комиссар был проживающим во Франции политическим эмигрантом и получил свой пост благодаря дружбе с А.Ф. Керенским. Исследовательница В.Б. Прозорова считает,

²³¹ SHD. 7N2011. Приказ военного министра Франции генералу Л. Комби от 2 августа 1917 г.

²³² Ibid. Рапорт генерала Ж. Видалона военному министру Франции от 2 августа 1917 г.

²³³ Ibid. Рапорт генерала Ж. Видалона военному министру Франции от 3 августа 1917 г.

²³⁴ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 5 августа 1917 г.

²³⁵ Ibid. Письмо генерала Ж. Видалона генерал-майору М.И. Занкевичу от 6 августа 1917 г.

что назначение Е.И. Раппа, который вольно вмешивался в работу РВАД, усугубило Куртинский кризис²³⁶. Он не имел управленческого и организаторского опыта и самолично издавал приказы по движению личного состава без согласования с военным агентом А.А. Игнатьевым и М.И. Занкевичем²³⁷.

7 августа генерал Л. Комби сообщил военному министру, что лично прибыл в Ля-Куртин и приказал французским офицерам забрать оружие у восставших солдат. Однако солдаты отказались сдать оружие, несмотря на присутствие комиссара Е.И. Раппа и генерала Н.А. Лохвицкого²³⁸. В том же документе Л. Комби сообщил военному министру, что подполковник 6-го Особого полка Ронос 6 августа около 18 часов совершил попытку переворота в лагере Фельтен, которая окончилась неудачей²³⁹.

8 августа генерал-майор М.И. Занкевич в письме военному министру Франции предложил разные варианты решения кризиса, среди которых особое место занимало предложение вернуть русских солдат на Родину²⁴⁰.

11 августа генерал Л. Комби сообщил французскому правительству, что во время высадки в Обюссоне (департамент Крез) двое русских офицеров стреляли из револьверов по мирным жителям (погибших не было). В тот же день делегация солдат из лагеря Ля-Куртин просила связаться с генерал-майором М.И. Занкевичем. Примечательно, что резолюция карандашом внизу документа гласит, что все это «не представляет интереса и является внутренним делом русской армии»²⁴¹. 13 августа генерал Л. Комби сообщил в Генеральный штаб, что два русских офицера, которые были пойманы комендантом Обюссона, были им отправлены на последнем поезде в Бордо (департамент Жиронда)²⁴². А 18 августа тот же командующий 12-м округом доложил военному министру, что

²³⁶ Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 91.

²³⁷ Там же. С. 186.

²³⁸ SHD. 7N2011. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 7 августа 1917 г.

²³⁹ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 7 августа 1917 г.

²⁴⁰ Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 8 августа 1917 г.

²⁴¹ Ibid. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции от 11 августа 1917 г.

²⁴² Ibid. Письмо генерала Л. Комби начальнику французского Генерального штаба от 13 августа 1917 г.

русские офицеры вообще не стреляли по мирным жителям²⁴³.

Генерал-майор М.И. Занкевич 12 августа 1917 г. сообщил военному министру Франции, что считает невозможным использование 3-й Русской Особой бригады для восстановления порядка в Ля-Куртине и предлагает использовать французские войска для устрашения: полностью окружить лагерь и перерезать снабжение, а в случае неприятного поворота дел ответственность он возьмет на себя²⁴⁴.

12 августа военный министр приказал генералу Л. Комби «не вмешиваться в дела между русскими»²⁴⁵. В тот же день в Палате депутатов в Париже получили письмо от солдат Исполнительного комитета 1-й Особой бригады. Письмо было обращено к «Французскому правительству», и в нем сообщалось, что генерал-майор М.И. Занкевич действует, по мнению солдат, незаконно и что солдаты потеряли к нему, как и ко всему офицерскому корпусу, доверие, а также просят французских депутатов принять представителей 1-й Особой бригады для разъяснения произошедшего в Ля-Куртине. Только 29 августа военный министр Франции написал генералу Л. Комби, что возвращает письмо русских солдат без ответа, поскольку «французское правительство считает это внутренним делом русской армии»²⁴⁶.

13 августа на заседании Совета министров министр иностранных дел А. Рибо высказался о том, что необходимо прекратить выплату жалования и отправку алкоголя русским солдатам, и добавил, что «использование силы, в соответствии с предложением Временного правительства, не представляется желательным». В тот же день П. Пенлеве, военный министр Франции, известил А. Рибо, что генерал-майор М.И. Занкевич отказался прибегать к «энергичным мерам вплоть до смертной казни в отношении восставших солдат»²⁴⁷.

²⁴³ SHD. 7N2011. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции от 18 августа 1917 г.

²⁴⁴ Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 12 августа 1917 г.

²⁴⁵ Ibid. Письмо военного министра Франции генералу Л. Комби от 12 августа 1917 г.

²⁴⁶ Ibid. Письмо военного министра Франции генералу Л. Комби от 29 августа 1917 г.

²⁴⁷ Ibid. Письмо военного министра Франции министру иностранных дел Франции от 13 августа 1917 г.

Осознание необходимости скорого разрешения проблемы возникло 21 августа после пленения мятежниками нескольких французских солдат в лагере Ля-Куртин при расклеивании последними по приказанию генерала Ф. Фоша телеграммы Верховного главнокомандующего Русской армией Л.Г. Корнилова (документ содержал предупреждение мятежникам и публиковался во французском переводе)²⁴⁸. Восставшие русские солдаты, взяв под караул французских военнослужащих, 24 августа отправили «во французское правительство» письмо с требованием объяснить действия, показавшиеся мятежникам нарушением их гражданских прав²⁴⁹.

Президент Франции отправил в августе письмо послу Франции в Петрограде Ж. Нулансу о необходимости изложить членам Временного правительства положение с русскими войсками во Франции. В документе сообщалось, что генерал-майор М.И. Занкевич решил отправить 3-ю Особую бригаду в лагерь Курно и повторил свою просьбу по поводу участия французских войск в подавлении восстания. Французское правительство просило Временное правительство через своего посла наделить М.И. Занкевича полномочиями для разрешения кризиса. Президент Р. Пуанкаре требовал от посла «подчеркнуть перед российским руководством необходимость срочного принятия решений»²⁵⁰.

20 августа Ж. Нуланс в письме проинформировал министра иностранных дел Франции А. Рибо, что Временное правительство наделило М.И. Занкевича «полномочиями для восстановления порядка, вплоть до смертной казни»²⁵¹.

Последний же намеривался использовать в преодолении кризиса недавно прибывшую во Францию 2-ю Русскую Особую артиллерийскую бригаду под командованием генерала М.Н. Беляева (русские солдаты прибыли в страну без орудий). Комиссар Временного правительства Е.И. Рапп сообщил генерал-майору

²⁴⁸ SHD. 7N2011. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича начальнику французского Генерального штаба от 21 августа 1917 г.

²⁴⁹ Ibid. Письмо министра внутренних дел Франции военному министру Франции от 24 августа 1917 г.

²⁵⁰ Ibid. Письмо президента Франции послу Франции в России от августа 1917 г. Точная дата в документе отсутствует.

²⁵¹ Ibid. Письмо посла Франции в России министру иностранных дел Франции от 20 августа 1917 г.

М.И. Занкевичу о том, что, по его мнению, «представители артиллеристов не смогут что-либо изменить»²⁵². Видимо, М.И. Занкевич переубедил Е.И. Раппа. 21 августа он сообщил военному министру Франции, что он и генерал-майор М.И. Занкевич просят «использовать в действиях в лагере Ля-Куртин часть русских артиллеристов (около 2000 человек), которые направлялись на Салоникский фронт, и один батальон 3-й Русской Особой бригады»²⁵³.

25 августа военный министр Франции ответил комиссару Е.И. Раппу, что не имеет возражений в отношении использования русских артиллеристов (им должны были доставить шесть 75-миллиметровых орудий из Обюссона) для наведения порядка в лагере Ля-Куртин²⁵⁴.

В тот же день генерал Л. Комби сообщил военному министру, что переговоры генералов Н.А. Лохвицкого и М.И. Занкевича с мятежниками не привели к урегулированию ситуации: М.И. Занкевич уехал в Париж, а Н.А. Лохвицкий – в лагерь Курно. Российским командованием «было решено понизить мясной паек восставших солдат с 350 до 250 граммов»²⁵⁵.

26 августа Ж. Нуланс сообщил министру иностранных дел Франции, что имел разговор с его коллегой из Временного правительства М.И. Терещенко, в ходе которого выяснилось, что российское политическое руководство намеревалось отправить во Францию вместо М.И. Занкевича другого человека, который «мог бы воздействовать на солдат»²⁵⁶, однако французский посол убедил М.И. Терещенко этого не делать. Временное правительство предлагало «пригрозить мятежникам не только лишением права на участие в выборах в Учредительное собрание, но и отказом в получении денежного пособия»²⁵⁷. Отдельно Временное правительство уведомило французских коллег, что не хочет брать на себя ответственность, и предложило «лишить русских солдат статуса

²⁵² SHD. 7N2011. Письмо комиссара Е.И. Раппа генерал-майору М.И. Занкевичу от августа 1917 г. Точная дата в документе отсутствует.

²⁵³ Ibid. Письмо комиссара Е.И. Раппа военному министру Франции от 21 августа 1917 г.

²⁵⁴ Ibid. Письмо военного министра Франции комиссару Е.И. Раппу от 25 августа 1917 г.

²⁵⁵ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 25 августа 1917 г.

²⁵⁶ Ibid. Письмо посла Франции в России министру иностранных дел Франции от 26 августа 1917 г.

²⁵⁷ Ibid.

военнослужащих Русской армии, чтобы французское правительство самостоятельно решило, что с ними делать»²⁵⁸. Однако посол Франции ответил, что это «может стать оружием в руках немцев: лишение русских статуса военнослужащих Русской армии не отвратит от них наказания со стороны французского правительства, а изменение положения мятежников не снимет с Временного правительства ответственности»²⁵⁹. Шифрограмма заканчивалась словами: «Господин Терещенко согласился без трудностей»²⁶⁰.

Однако 27 августа поверенный в делах России во Франции М.М. Севастопуло объявил французскому правительству, что российское военное и политическое руководство все-таки предусматривает переход мятежников в подчинение французским силам, а также останавливает выплаты их семьям и лишает их права голосовать на выборах в Учредительное собрание. Верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов, по словам М.М. Севастопуло, «сохранил свое решение отправить войска из Франции на Салоникский фронт»²⁶¹.

30 августа генерал-майор М.И. Занкевич написал военному министру Франции об использовании 2-й Русской артиллерийской бригады (батарея и батальон пехоты: 740 человек, то есть всего 26 офицеров и 714 солдат) и французских войск для восстановления порядка в Ля-Куртине²⁶².

Примечательно, что в историографии существует мнение, согласно которому русские войска после восстановления порядка планировалось отправить только на Салоникский фронт и что никакие действия для отправки в Россию не планировались. Однако вводимые в научный оборот документы свидетельствуют об обратном.

29 июля генерал-майор М.И. Занкевич сообщил начальнику французского

²⁵⁸ SHD. 7N2011. Письмо посла Франции в России министру иностранных дел Франции от 26 августа 1917 г.

²⁵⁹ Ibid.

²⁶⁰ Ibid. Письмо посла Франции в России министру иностранных дел Франции от 26 августа 1917 г.

²⁶¹ Ibid. Письмо поверенного в делах России во Франции министру иностранных дел Франции от 27 августа 1917 г.

²⁶² Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 30 августа 1917 г.

Генерального штаба о своем предложении вернуть русских военнослужащих на Родину²⁶³. Когда М.И. Занкевич получил одобрение Временного правительства, то обратился к генералу Ф. Фошу и добился включения вопроса о возвращении Русских Особых бригад в повестку заседания Совета министров Франции. Генерал Ф. Фош передал М.И. Занкевичу, что Совет министров поддержал его идею²⁶⁴.

Как сообщалось в письме президента Франции военному министру от 30 июля 1917 г., Временное правительство отказалось от возвращения русских солдат и офицеров на Родину²⁶⁵. Политики в Петрограде боялись прибытия революционно настроенных военнослужащих. Французское политическое и военное руководство приняло решение восстановить дисциплину в Русских Особых бригадах и отправить их на Салоникский фронт. Реализовать это должен был М.И. Занкевич.

Приведем факты участия генерал-майора М.И. Занкевича в военных действиях, чтобы продемонстрировать готовность представителя Временного правительства к преодолению трудностей. В 1914 г. в должности командира 146-го Царицынского полка он был пожалован Георгиевским оружием: «талантливо и энергично выполнял возложенные на него задачи, всегда находясь в наиболее опасных местах»²⁶⁶. В январе 1915 г. получил чин генерал-майора «за отличия в делах против неприятеля», а весной того же года был назначен командиром бригады 37-й пехотной дивизии²⁶⁷. Таким образом, имея опыт ведения боевых действий, генерал-майор М.И. Занкевич был готов к решению конфликта. При этом необходимо отметить, что он старался разрешить его мирным путем.

М.И. Занкевич, будучи военным представителем Временного

²⁶³ SHD. 7N2011. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича начальнику французского Генерального штаба от 29 июля 1917 г.

²⁶⁴ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генерал-майору М.И. Занкевичу от 1 августа 1917 г.

²⁶⁵ Ibid. Письмо президента Франции военному министру Франции от 30 июля 1917 г.

²⁶⁶ Клавинг В.В. Указ. соч. С. 80.

²⁶⁷ Там же. С. 80.

правительства, не имел права принять самостоятельное решение о возвращении русских солдат на Родину. Вводимые в научный оборот документы французского Генерального штаба позволили установить, что именно М.И. Занкевич занимался всеми вопросами восстановления порядка и возвращения русских войск в Россию. Показательно, что в документах за подписью генерала часто содержалась формулировка «ответственность беру на себя»²⁶⁸.

Заручившись поддержкой французских властей²⁶⁹ и Временного правительства²⁷⁰, генерал М.И. Занкевич собрал отряд из верных войск, с помощью которого окружил лагерь Ля-Куртин. Французские войска заняли позиции позади русских войск, образуя внешнее кольцо окружения на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. Активное участие французских солдат в операции было нежелательным как для французских, так и для российских властей, поскольку информация о карательных действиях французов против союзников – русских могла быть использована Германией в пропагандистских целях.

В ходе изучения документального комплекса было обнаружено письмо начальника французского Генерального штаба в отдел прессы при Совете министров Франции по поводу настоятельной просьбы М.И. Занкевича о введении цензурных ограничений на освещение событий в Ля-Куртине в парижских и провинциальных газетах²⁷¹.

3 сентября генерал-майор М.И. Занкевич сообщил военному министру Франции, что рассчитывает не использовать активно французские войска, создав с их помощью блокаду Ля-Куртина. Для этой цели ему потребуется до 5000 человек²⁷². В тот же день военный министр известил генерала Л. Комби, что в

²⁶⁸ SHD. 7N2011. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 12 августа 1917 г.

²⁶⁹ Ibid. Письмо генерала Ж. Видалона военному министру Франции от 4 августа 1917 г.

²⁷⁰ Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича начальнику французского Генерального штаба от 21 августа 1917 г.

²⁷¹ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба в отдел прессы при Совете министров Франции от 1 сентября 1917 г.

²⁷² Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 3 сентября 1917 г.

Ля-Куртин отправится 5000 французских солдат²⁷³.

5 сентября М.И. Занкевич попросил французский Генеральный штаб прислать 2 роты пулеметчиков из лагеря Курно в Обюссон и 10 километров телефонной проволоки, на что получил положительный ответ в тот же день²⁷⁴.

После этого М.И. Занкевич написал военному министру Франции, что намеревается предать 80 человек военно-полевому суду (поименный список в документах не приводится), когда порядок в Ля-Куртине будет восстановлен, и просит удалить из лагеря 1000 человек, чтобы позже отправить их в Россию²⁷⁵.

Военный министр Франции подтвердил, что 5000 французских солдат придут в округ Ля-Куртина, а 1000 солдат, которых генерал-майор М.И. Занкевич предложил исключить из 1-й Особой бригады, могут быть отданы под охрану французских войск. Они будут разделены на группы по 200 или 250 человек и помещены в 4 или 5 различных помещений²⁷⁶.

6 сентября М.И. Занкевич попросил военного министра Франции отправить 100 разрывных снарядов в Обюссон, что и было сделано. В тот же день генерал Ф. Фош приказал Л. Комби, командующему 12-м военным округом, прибыть в Париж, чтобы получить указания по действиям в Ля-Куртине²⁷⁷.

В письме военного министра начальнику Генерального штаба от 8 сентября сообщалось об отправке французских войск в округ Ля-Куртина²⁷⁸. В письме начальника Генерального штаба военному министру сообщалось об отправке в Ля-Куртин откомандированных пехотного и кавалерийского полков. Письмо в управление артиллерией от того же дня об отправке батареи орудий в округ Ля-Куртина включало фразу, что артиллерия нужна для «восстановления

²⁷³ SHD. 7N2011. Письмо военного министра Франции генералу Л. Комби от 3 сентября 1917 г.

²⁷⁴ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генерал-майору М.И. Занкевичу от 5 сентября 1917 г.

²⁷⁵ Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 5 сентября 1917 г.

²⁷⁶ Ibid. Письмо военного министра Франции генерал-майору М.И. Занкевичу от 5 сентября 1917 г.

²⁷⁷ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу Л. Комби от 6 сентября 1917 г.

²⁷⁸ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 8 сентября 1917 г.

порядка». С этого момента во французских официальных документах стала повторяться именно эта фраза²⁷⁹.

Генерал Л. Комби, командующий 12-м военным округом, в письме военному министру от 8 сентября сообщал о переходе под его командование французских частей, откомандированных для восстановления порядка в Ля-Куртине. Речь шла о 21-м драгунском, 19-м пехотном полках и батарее 75-миллиметровых орудий²⁸⁰.

9 сентября военный министр Франции написал М.И. Занкевичу, что «французские войска будут играть вторичную роль» (на тот момент прибыло 3000 человек, разделенных на 6 батальонов)²⁸¹.

10 сентября генерал-майор М.И. Занкевич ответил своему адресату, что 9 сентября получил новый приказ военного министра Временного правительства вернуть русских солдат и офицеров на Родину после подавления восстания. М.И. Занкевич просил предоставить корабли для переправки 250 офицеров и 1700 рядовых. Отдельно указывалось, что примерно 2500 раненых покинут Францию позже²⁸². В тот же день военный министр поручил генералу Л. Комби передать эту информацию генералу Ж. Видалону²⁸³ (см. Приложение 4). Однако момент был упущен: французское командование в качестве первоочередной задачи рассматривало не возвращение русских солдат в Россию, а восстановление силой дисциплины среди восставших в Ля-Куртине нижних чинов.

11 сентября 1917 г. в Обюссон были отправлены 2 пулеметные роты из лагеря Курно. 1-я включала в себя 2 офицеров, 118 солдат, 35 лошадей, 22 машины, 500 килограммов вещей; 2-я включала в себя 1 офицера, 121 солдата, 38 лошадей, 22 машины, 500 килограммов вещей²⁸⁴.

²⁷⁹ SHD. 7N2011. Письмо начальника французского Генерального штаба в управление артиллерией от 8 сентября 1917 г.

²⁸⁰ Ibid. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции от 8 сентября 1917 г.

²⁸¹ Ibid. Письмо военного министра Франции генерал-майору М.И. Занкевичу от 9 сентября 1917 г.

²⁸² Ibid. Письмо генерал-майора М.И. Занкевича военному министру Франции от 10 сентября 1917 г.

²⁸³ Ibid. Приказ военного министра Франции генералу Л. Комби от 10 сентября 1917 г.

²⁸⁴ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 11 сентября 1917 г.

В тот же день министр иностранных дел Франции в письме сообщил военному министру своей страны о встрече с русским политическим эмигрантом М.А. Михайловым, комиссаром Русских войск на Балканах, который должен был помогать М.И. Занкевичу с организацией отправки русских войск в Россию. М.А. Михайлов интересовался необходимым тоннажем кораблей и выразил сожаление, что «представители России во Франции плохо понимают свою роль». Во второй части письма приводилась характеристика М.А. Михайлова, в которой отмечались его благожелательное отношение к Франции и служба во французском Иностранном легионе в начале войны²⁸⁵.

Активные действия в лагере Ля-Куртин начались 13 сентября и закончились сдачей в плен всех восставших 19 сентября 1917 г. Осаждающие лагерь солдаты с удивлением слышали, что восставшие начали петь «Марсельезу» и «Похоронный марш» Ф. Шопена²⁸⁶. В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранится карта с дислокацией войск вокруг Ля-Куртина на 13 сентября: подробное расположение французских войск вплоть до рот (без номеров частей) и место нахождения верных русских войск без уточнений (четыре синих квадрата, которые не обозначают никакой войсковой единицы в частности).

14 сентября Временное правительство издало приказ № 62 по русским войскам о том, что солдаты, которые не сдадутся до 10 часов утра 16 сентября 1917 г., будут считаться «изменниками Родины и революции и потеряют право участвовать в выборах в Учредительное собрание, а также лишатся пособия для своих семей и потеряют все преимущества для населения, которые будут приняты Учредительным собранием»²⁸⁷. Из рапорта генерала Л. Комби военному министру Франции от 14 сентября становится известно о вручении мятежникам ультиматума, о занятии верными русскими и французскими войсками своих

²⁸⁵ SHD. 7N2011. Письмо министра иностранных дел Франции военному министру Франции от 11 сентября 1917 г.

²⁸⁶ Военный лагерь Ля-Куртин. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.R.htm> (дата обращения: 29.12.2025).

²⁸⁷ SHD. 7N2011. Приказ Временного правительства по русским войскам во Франции от 14 сентября 1917 г.

позиций и о вывозе местного населения²⁸⁸.

15 сентября Л. Комби сообщил военному министру Франции о положении дел в Ля-Куртине: «1) все войска на позициях, 2) ультиматум был вручен вчера в 15 часов, 3) ночь прошла без происшествий»²⁸⁹. В шифрограмму генерала Л. Комби военному министру был включен план генерал-майора М.И. Занкевича на 16 сентября: «когда в 10 часов истечет срок ультиматума, дать первые залпы по лагерю, и если это не возымеет должного действия, открыть рассредоточенный огонь и продолжить блокаду лагеря, чтобы лишить восставших снабжения»²⁹⁰. Кроме того, генерал-майор М.И. Занкевич предлагал не использовать пехоту в открытых действиях до 16 часов²⁹¹.

Из шифрограммы генерала Л. Комби военному министру от 16 сентября по поводу действий артиллерии становится известно, что четырьмя артиллерийскими выстрелами утром ранило 20 восставших, а днем было совершено всего 6 выстрелов²⁹².

Л. Комби доложил военному министру Франции 17 сентября в шифрограмме в 9 часов 40 минут, что ночью верные войска открыли пулеметный огонь по окруженным, и те отправили своих представителей с обвинениями в адрес верных Временному правительству войск по поводу большого количества раненых²⁹³.

Генерал Л. Комби запросил у военного министра Франции отправку на вокзал Юссель (департамент Коррез, центральная часть Франции) 500 осколочных снарядов для 75-миллиметровых орудий. Военный министр ответил письмом, в котором потребовал назвать причину такого запроса. И тогда генерал Л. Комби пояснил, что это просьба генерал-майора М.И. Занкевича²⁹⁴.

Вечером того же дня генерал Л. Комби доложил военному министру

²⁸⁸ SHD. 7N2011. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 14 сентября 1917 г.

²⁸⁹ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 15 сентября 1917 г.

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ Ibid.

²⁹² Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 16 сентября 1917 г.

²⁹³ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 17 сентября 1917 г.

²⁹⁴ Ibid.

Франции о том, что к 16:30 насчитывается всего 5000 сдавшихся в плен русских солдат, а оставшиеся 3000 восставших не предпринимают никаких действий. Документ заканчивался заверением, что «ни один французский солдат не получил ни единой царапины»²⁹⁵.

18 сентября в 19:55 генерал Л. Комби сообщил военному министру Франции, что «ситуация изменилась, и бой продолжается»²⁹⁶. В том же рапорте генерал Л. Комби снова просил военного министра «срочно отправить» в Юссель для генерал-майора М.И. Занкевича 500 осколочных снарядов²⁹⁷. В лагере, по мнению командующего 12-м военным округом, оставалось еще около 100 мятежников, вооруженных несколькими пулеметами, из которых они постоянно стреляли. Были ранены двое французских военнослужащих 19-го пехотного полка. Восставшие укрылись на восточной оконечности лагеря, превратив казарму в госпиталь²⁹⁸.

19 сентября генерал Л. Комби отчитался военному министру Франции о событиях, которые произошли за прошедшие 24 часа: «Лидер восставших Глоба взят в плен, сопротивление подавлено, пленники разделены на группы и содержатся в разных местах, разоружение проведено русским командованием»²⁹⁹. В документе содержалась просьба прислать транспорт для перевозки пленных. Военный министр ответил Л. Комби 19 сентября, что Ж. Видалон может вернуться в Париж, когда операция по подавлению сопротивления и проверке территории в лагере Ля-Куртин будет завершена³⁰⁰.

20 сентября 1917 г. генерал Л. Комби доложил военному министру Франции, что новые артиллерийские снаряды вчера прибыли, но «дело решено», и снаряды были отправлены обратно³⁰¹. Там же сообщалось, что «практически все мятежники сложили оружие, а французские части возвращены на фронт; все

²⁹⁵ SHD. 7N2011. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 17 сентября 1917 г.

²⁹⁶ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 18 сентября 1917 г.

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Ibid.

²⁹⁹ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 19 сентября 1917 г.

³⁰⁰ Ibid. Письмо военного министра Франции генералу Л. Комби от 19 сентября 1917 г.

³⁰¹ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 20 сентября 1917 г.

вопросы руководства и снабжения русских частей решены: они должны покинуть Ля-Куртин»³⁰².

После подавления восстания русское и французское военное командование приняли решение отправить мятежников во французские тюрьмы. Генерал Л. Комби сообщил военному министру Франции 21 сентября об отправке 81 русского солдата из Куртина в Бордо и 249 мятежников на остров Экс (департамент Нижняя Шаранта, ныне – Приморская Шаранта) под конвоем³⁰³.

Из письма военного министра министру иностранных дел от 23 сентября 1917 г. становится известно об итогах подавления мятежа в Ля-Куртине. Примечательно, что приведенная в письме статистика добровольной сдачи восставших в плен отличается от сведений, содержащихся в рапортах генерала Л. Комби. Это расхождение можно объяснить ошибками оперативного подсчета, допущенными во время активной фазы подавления мятежа, а также последующей перепроверкой данных после разрешения кризиса. Также интересным представляется тот факт, что среди мятежников было 9 убитых и 46 раненых солдат, причем «большая часть этих потерь была причинена не лояльными войсками, а другими мятежниками, которые открыли огонь из пулеметов по своим же товарищам, когда те пошли сдаваться»³⁰⁴ (см. Приложение 5).

В тот же день генерал Л. Комби в рапорте сообщил военному министру Франции, что «русские войска покинули бивуаки и вступили в лагерь Ля-Куртин, а французские войска заняли места квартирования до начала операции»³⁰⁵. Из того же документа мы узнаем о налаживании порядка в Ля-Куртине: там происходит санитарная обработка комнат³⁰⁶.

24 сентября генерал Л. Комби доложил военному министру Франции: «Никаких происшествий не замечено в лагере Ля-Куртин. Войска округа

³⁰² SHD. 7N2011. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 20 сентября 1917 г.

³⁰³ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 21 сентября 1917 г.

³⁰⁴ Ibid. Письмо военного министра Франции министру иностранных дел Франции от 23 сентября 1917 г.

³⁰⁵ Ibid. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 23 сентября 1917 г.

³⁰⁶ Ibid.

вернулись в места своей дислокации»³⁰⁷.

На основе изученных документов был сделан вывод, что 29 сентября следует считать датой завершения Куртинского кризиса: в этот день генерал Л. Комби получил от военного министра Франции приказ, предписывающий больше не присылать каждые 24 часа рапорты о событиях³⁰⁸.

2 октября начальник французского Генерального штаба одобрил предложение «сменить французский батальон наблюдения за русскими войсками в Ля-Куртине на батальон новобранцев (набор 1918 г.) в силу улучшения ситуации в лагере»³⁰⁹.

11 октября генерал Л. Комби отправил письмо военному министру Франции, в котором следующим образом описывал состояние русских солдат: «Боевой дух оставляет желать лучшего; сомневаюсь, что мы сможем чего-нибудь добиться от этой массы»³¹⁰.

Представляет интерес комплекс документов, посвященный отправке в Ля-Куртин инженерной части с прожекторами для контроля за перемещениями мятежников в ночное время. 3 октября в Обюссон прибыли подразделения с прожекторами, присланные по просьбе от 6 сентября генерал-майора М.И. Занкевича. Военный министр Франции приказал командующему 12-м военным округом вернуть инженерную часть в Пюто (департамент Сена, ныне – О-де-Сен). 19 октября Ф. Фош написал письмо военному министру о том, что вина за отправку инженерной части возлагается на 4-е бюро Генерального штаба, которое «начало разбирательство по этому делу»³¹¹.

В письме генерала Л. Комби военному министру Франции от 1 декабря содержались сведения об отправке 60 «нежелательных русских солдат» на остров

³⁰⁷ SHD. 7N2011. Рапорт генерала Л. Комби военному министру Франции от 24 сентября 1917 г.

³⁰⁸ Ibid. Приказ военного министра Франции генералу Л. Комби от 29 сентября 1917 г.

³⁰⁹ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу Л. Комби от 2 октября 1917 г.

³¹⁰ Ibid. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции от 11 октября 1917 г.

³¹¹ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 19 октября 1917 г.

Экс³¹².

В декабре 1917 г. Особые бригады были расформированы, к русским офицерам и солдатам начала применяться система «триажа»: они могли вступить в Русский легион или рабочие роты. Те, кто отказывался продолжать участие в войне на стороне Франции, были отправлены французами в тюрьмы и североафриканские лагеря³¹³.

Последствия Куртинского кризиса для русских солдат и офицеров нашли отражение в их биографиях, материал для описания которых был собран французским историком Р. Адамом, но не был опубликован на русском языке до настоящего момента.

Биографические материалы о двух русских военнослужащих не позволяют установить, на чьей стороне они находились во время Куртинского мятежа. Степан Иванович Гавриленко (1891–1968) был включен в состав 10-й роты 2-го Особого пехотного полка, сформированного в Самаре. В послевоенный период во Франции он написал воспоминания о морском путешествии 1-й Русской Особой бригады и о своем участии в сражениях на Западном фронте. После демобилизации в 1920 г. он женился и остался жить во Франции. Его воспоминания были переведены на французский язык его сыном Жаном Гавриленко и изданы во Франции только в 2014 г.³¹⁴ На русском языке эти материалы так и не были опубликованы.

Биография Владимира Владимировича Драбовича (1885–1943) отличается от судьбы С.И. Гавриленко тем, что он учился в Сорбонне до начала Первой мировой войны и уже во Франции начал службу в составе 1-й Русской Особой бригады. Вместе с подпоручиком Бочкаревым он был главным редактором журнала «Русский солдат-гражданин во Франции», который издавался для русских солдат во Франции и на Балканах. В.В. Драбович занимал эту должность

³¹² SHD. 7N2011. Письмо генерала Л. Комби военному министру Франции от 1 декабря 1917 г.

³¹³ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от декабря 1917 г. Точная дата в документе отсутствует.

³¹⁴ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 18.

вплоть до марта 1919 г. В 1925–1932 гг. он сотрудничал с «Маленьким журналом» как специалист по российскому вопросу. В 1928 г. получил французское гражданство. В дальнейшем он стал автором ряда статей по социальной психологии³¹⁵.

Таким образом, имеющиеся биографические сведения не позволяют при отсутствии документальных доказательств однозначно установить, на чьей стороне – восставших или Временного правительства – они находились во время Куртинского кризиса. Русские солдаты хотели наладить жизнь во Франции и часто скрывали от окружающих факт своего участия в событиях в Ля-Куртине.

Представляется важным проанализировать влияние Куртинского кризиса на судьбы лояльных Временному правительству России офицеров, которые участвовали в подавлении восстания.

Офицером, который непосредственно участвовал в штурме Ля-Куртина, был ветеран Русско-японской войны 1904–1905 гг. полковник Георгий Семенович Готуа (1871–1936). Он был командиром 2-го батальона 2-го Особого пехотного полка 1-й бригады, а в январе 1918 г. стал командиром 1-го батальона Русского легиона. Но позже был снят с этой должности французским командованием после конфликта с генералом Ж.-М.Ж.А. Брюларом. Г.С. Готуа вступил в Белую армию и с 1919 г. служил в Добровольческой армии. После Гражданской войны в России он эмигрировал в Восточную Европу³¹⁶.

В отличие от Г.С. Готуа, который участвовал в штурме Куртинского лагеря, полковник Николай Николаевич Бобриков (1882–1956) занимался планированием операции по подавлению восстания вместе с М.И. Занкевичем. После окончания Первой мировой войны он вернулся в Россию, чтобы также вступить в Белую армию. Н.Н. Бобриков служил в Генеральном штабе Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, а после разгрома армии П.Н. Врангеля жил в изгнании в

³¹⁵ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 18.

³¹⁶ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 2e partie de G à M. P. 22.

Париже³¹⁷.

Важно отметить, что русские офицеры РВАД, которые занимались координацией между военным командованием России и французским Генеральным штабом, под нажимом французов должны были перейти во французское военное ведомство или поступить на службу в иностранные армии³¹⁸.

Многие лояльные Временному правительству офицеры после расформирования Русских Особых бригад вернулись в Россию, чтобы принять участие в Гражданской войне на стороне белых сил. Затем они эмигрировали в страны Европы и Америки. Часть из них вернулась во Францию.

Кроме того, не менее важно проанализировать биографии французских офицеров, которые командовали воинскими частями, собранными для наблюдения за ситуацией в лагере Ля-Куртин.

Одним из высших офицеров французской армии во время Куртинского кризиса был генерал Ноэль де Кастельно (1851–1944). Он направил большое количество писем военному министру о пугающей его ситуации в среде Русских Особых бригад. Вмешательство Н. де Кастельно заставило французское командование предпринять действия по передислокации Русских Особых бригад с фронта в лагерь Ля-Куртин. Однако в дальнейшем французское правительство перестало обращать внимание на сообщения Н. де Кастельно о нарастании антивоенных настроений среди русских солдат, что стало одной из причин Куртинского кризиса³¹⁹.

Другим французским офицером, в зоне ответственности которого находились русские войска, был Луи Комби, командующий 12-м военным округом, на территории которого находился лагерь Ля-Куртин. В 1907 г. он был назначен на пост командира 100-го пехотного полка и стал бригадным генералом

³¹⁷ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 15.

³¹⁸ Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 236.

³¹⁹ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 17.

в 1912 г., а затем дивизионным генералом в 1914 г. Французский Генеральный штаб снял его с должности после первых неудачных наступательных операций. Л. Комби был оценен начальством как человек «средних способностей, бесполезный на фронте в своей должности». Он был назначен временным помощником начальника 18-го военного округа в Бордо, а затем получил должность начальника 12-го военного округа в Лиможе. В этой должности он оказался главным французским ответственным лицом по сохранению порядка в Ля-Куртине и посредником в общении с российским военным командованием³²⁰.

Как и Л. Комби, с командованием Русских Особых бригад непосредственно взаимодействовали подполковник Фарин и полковник Э. Фонсагрив – начальники лагерей Ля-Куртин и Курно, где находились русские солдаты во время Куртинского кризиса.

Подполковник Фарин (1854–1924) был командиром 142-го полка в начале Первой мировой войны. Он стал начальником лагеря Ля-Куртин в период пребывания там русских войск с июня по декабрь 1917 г. и являлся важным информатором для командующего 12-м военным округом генерала Л. Комби о событиях во время восстания вплоть до финального штурма лагеря верными Временному правительству войсками³²¹.

В то же время полковник Эжен Фонсагрив (1858–1937) был в начале Первой мировой войны начальником 201-го пехотного полка. Затем был назначен ответственным лицом за лагерь Курно, куда после событий в Ля-Куртине были направлены лояльные Временному правительству русские военнослужащие. Местные жители называли эти лагеря «лагерями для негров» или «лагерями горя». Несколько русских солдат заболели и умерли там из-за ужасных условий содержания³²².

Изучение биографий французских офицеров, которые наблюдали за подавлением Куртинского восстания, позволило сделать вывод, что эта часть их

³²⁰ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 16.

³²¹ Ibid. P. 18.

³²² Ibid.

воинской службы не привела к карьерному росту в рядах французской армии. В дальнейшем все французские офицеры умалчивали о своем участии в подавлении Куртинского кризиса.

Анализ биографий участников Куртинского кризиса свидетельствует о том, что деятельность русских и французских военнослужащих в ходе восстания не повлияла на их дальнейшую карьеру: русские солдаты, которые принимали участие в подавлении восстания, разделенные системой «триажа», оказались во враждебной для них среде, в то время как французские офицеры продолжили участие в Первой мировой войне и получили повышение и награды уже за другие операции.

Кроме военных, в событиях кризиса в Ля-Куртине также участвовали два представителя французской и российской общественности, что нашло отражение в их работах по формированию образа Русских Особых бригад в истории.

После отправки части мятежников в тюремное заключение на остров Экс с ними переписывался Александр Львович Цитрон, российский публицист и адвокат. В частности, А.Л. Цитрон вел переписку с одним из организаторов восстания – И.И. Балтайсом. В вопросе освобождения русских солдат А.Л. Цитрон выполнял роль посредника между французским командованием и комиссаром М.А. Михайловым³²³.

В отличие от А.Л. Цитрона, непосредственным наблюдателем подавления Куртинского кризиса был французский журналист Габриэль Ключело (1867–1933). Он находился в Ля-Куртине вплоть до 19 сентября и покинул лагерь уже после финального штурма. Записи Г. Ключело стали основой для работы его коллеги и друга П. Пуатевена о Куртинском восстании³²⁴.

Таким образом, сведения, собранные представителями российской и французской общественности, стали частью материалов для изучения причин и хода Куртинского кризиса. Факт, что в освещении хода восстания и его

³²³ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G*. P. 16.

³²⁴ Ibid.

последствий участвовали только А.Л. Цитрон и Г. Ключезло, объясняется тем, что союзное верховное командование было заинтересовано в сокрытии не только от французской общественности, но также и от Германии и ее союзников сведений о восстании русских солдат во Франции. Это могло стать частью пропаганды, направленной против сил Антанты в целом.

Куртинский кризис стал следствием не столько революционизации нижних чинов и общей усталости от войны, сколько институциональной слабости феномена двойного подчинения Русских Особых бригад. Ни Временное правительство, ни его французские коллеги долгое время не понимали серьезности Куртинского кризиса. Французы считали, что это внутреннее дело русской армии, а Временное правительство пыталось переложить решение данной задачи на французское политическое и военное руководство. Эта ситуация позволила обеим сторонам первоначально рассматривать кризис как сферу ответственности другого союзника.

В этих условиях ключевую роль в поиске выхода из ситуации сыграл представитель Временного правительства во Франции генерал-майор М.И. Занкевич, что подтверждается изученными документами французского Генерального штаба. Именно М.И. Занкевич предлагал вернуть русских солдат в Россию и готов был взять всю ответственность за этот шаг.

В итоге восстание в Ля-Куртине было подавлено, положительное отношение французов к русским войскам оказалось подорвано, а русские солдаты были подвергнуты процедуре «триажа», по которой одни продолжили службу в Русском легионе, вторые – в рабочих ротах, а не желавшие продолжать военную службу были отправлены французами в тюрьмы и североафриканские лагеря. После этого французское политическое и военное руководство стало внимательно следить за всеми даже мельчайшими изменениями в среде русских солдат. Все решения относительно солдат расформированных Русских Особых бригад должны были утверждаться военным министром, а также значительно выросли роль и число французских офицеров при русских войсках. Мнение же русских

офицеров, например М.И. Занкевича, относительно применения оружия или организации отправки солдат на Родину больше не имело такого значения, как до Куртинского кризиса, так и в ходе него.

Таким образом, Куртинский кризис стал рубежом, после которого русские военнослужащие утратили прежний статус союзнического контингента и были включены во французскую систему дисциплинарного, трудового и административного контроля.

Экспедиционные вооруженные силы получили особое распространение во время Первой мировой войны в условиях крупномасштабных боевых действий, которые велись на нескольких континентах. Эти формирования имели не столько военное, сколько пропагандистское значение – они были призваны продемонстрировать верность союзническому долгу. Однако русские солдаты сыграли реальную роль в боевых действиях во Франции и тем самым оказались на своем месте на Западном фронте.

Русские Особые бригады, как часть экспедиционных сил, также должны были изначально играть пропагандистскую роль во Франции: русских солдат отбирали по физическим данным и состоянию здоровья, офицеров – по знанию французского языка и послужному списку, а общая численность соединения была сокращена с 400 000 до 40 000 человек.

В обмен на отправку русского воинского контингента на Западный и Салоникский фронты из Франции в Россию отправлялись грузы с новейшим французским вооружением и снаряжением: орудия, самолеты, танки, бомбы, пулеметы, средства связи, средства индивидуальной защиты, оборудование для ведения химической войны. Отправка материалов также имела пропагандистское значение: на ящиках с грузами в обязательном порядке ставилась надпись: «Из Франции».

Однако пропаганда сменилась реальной боевой ролью русских солдат в

ходе наступления Р.Ж. Нивеля 1917 г. Это позволили установить новые архивные документы Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры (США) – постановления Георгиевской Думы о награждении офицеров – участников Русских Особых бригад – Георгиевскими орденами и Георгиевским оружием: семь офицеров получили орден 4-й степени (один посмертно) и шестнадцать – оружие (трое посмертно). Формулировки наградных документов свидетельствуют о личном мужестве и высоких командирских качествах русских офицеров.

Согласно материалам Георгиевской Думы, русский воинский контингент выполнил поставленную французским военным командованием задачу – захватил деревню Курси, но был вынужден отступить с высоты Мон-Спен, потому что французские части не смогли достичь поставленных целей. Анализ документов позволяет сделать вывод о значительном боевом вкладе Русских Особых бригад в наступление Р.Ж. Нивеля.

Тяжелые потери и новости о Февральской революции в России привели к росту антивоенных настроений среди русских солдат и Куртинскому восстанию 1917 г. Рапорты генерала Л. Комби, командующего 12-м военным округом, где находился лагерь Ля-Куртин, военному министру Франции П. Пенлеве и начальнику французского Генерального штаба Ф. Фошу, а также их ответные письма позволяют установить, что возможность отправки русских солдат на Родину рассматривалась еще до начала восстания. Именно это предложил представитель Временного правительства во Франции М.И. Занкевич, чья особая роль в урегулировании Куртинского кризиса ранее в историографии не подчеркивалась, но ее можно проследить по рапортам генерала Л. Комби: генерал М.И. Занкевич вел переговоры с восставшими, руководил совещаниями русских и французских офицеров, состоял в переписке с военным министром и начальником французского Генерального штаба. Примечательно, что свои послания М.И. Занкевич часто заканчивал фразой: «Ответственность беру на себя».

Куртинский кризис продемонстрировал институциональную слабость феномена двойного подчинения: оперативно-тактического со стороны Франции и

политического – России. Временное правительство не смогло остановить рост антивоенных настроений среди русских солдат, а французское военное командование довольно долгое время (с мая по август 1917 г.) считало это «внутренним делом русской армии». В итоге только после взятия русскими солдатами французских военнослужащих под арест в Ля-Куртине французское командование поставило Временное правительство перед необходимостью восстановления порядка в русских войсках во Франции. Восстание было подавлено верными Временному правительству соединениями во главе с М.И. Занкевичем, после чего Русские Особые бригады были расформированы и подвергнуты системе «триажа».

Глава 2. Процесс расформирования Русских Особых бригад и его последствия (1917–1920)

В данной главе изучены процесс расформирования Русских Особых бригад и применение к их личному составу системы «триажа», по которой русским солдатам было предложено продолжить боевое участие в Первой мировой войне в составе Русского легиона или работать в тылу французской армии в составе рабочих рот. Для управления бывшими военнослужащими Русской императорской армии в Лавале была создана военная база, русский персонал которой подчинялся французским офицерам. Те из солдат, кто отказался перейти на французскую службу, были отправлены французами в тюрьмы и североафриканские концентрационные лагеря. Массовые отправки русских солдат на Родину начались по завершении Первой мировой войны – этот процесс нашел отражение в новых документах французского Генерального штаба.

2.1. Русская база в Лавале и рабочие роты как механизм трудового использования русских военнослужащих во Франции

Для управления солдатами расформированных Русских Особых бригад в январе 1918 г. была создана Русская база в Лавале, ведавшая вопросами военнослужащих, находившихся во Франции и прибывавших с Салоникского фронта. Эта база находилась под управлением Славянского бюро Генерального штаба и финансировалась за счет Франции³²⁵.

На Русскую базу в Лавале предполагалось направлять русских военнослужащих, которые не были задействованы в рамках категорий установленной французскими властями системы «триажа». В то же время база должна была выполнять медицинские функции: здесь планировалось открыть госпиталь для лечения раненых русских воинов. Для солдат, входивших в рабочие роты, предусматривалось лечение во французских медицинских учреждениях,

³²⁵ Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 305.

располагавшихся поблизости от мест их трудового использования. Тем самым Русская база должна была сочетать административные, организационные и медицинские функции.

Система управления русским воинским контингентом распространялась и на военнослужащих, находившихся за пределами Франции. Для русских частей на Салоникском фронте изначально была организована отдельная база на Балканах. Однако после завершения пребывания русского воинского контингента в Греции эта структура была ликвидирована, и ее материалы были переданы в Лаваль. Таким образом, Русская база в Лавале постепенно приобрела значение центрального административного учреждения, через которое осуществлялось управление различными группами бывших военнослужащих Русских Особых бригад³²⁶.

Первоначально руководителем Русской базы предполагалось назначить генерал-майора М.И. Занкевича, однако в начале января 1918 г. во главе учреждения был поставлен генерал Н.А. Лохвицкий. Особенностью структуры управления являлось то, что французские офицеры, служившие на базе, не подчинялись русскому генералу, а выполняли приказы французского военного министра. По оценке М.К. Чинякова, подобная система создавала затруднения в деятельности учреждения, поскольку фактически формировалось параллельное русско-французское руководство³²⁷.

М.И. Занкевич выступал против такого порядка и настаивал на том, чтобы французские офицеры Русской базы были подчинены русскому генералу. Его позиция не была принята во внимание французским командованием, поэтому М.И. Занкевич подал в отставку. Во главе Русской базы до 11 июня 1918 г. оставался Н.А. Лохвицкий. Его уход, как отмечает М.К. Чиняков, отрицательно сказался на моральном состоянии российских военнослужащих и нарушил работу административного аппарата, одной из задач которого являлось поддержание

³²⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 68.

³²⁷ Там же. С. 68–69.

боевого духа русских солдат³²⁸.

В июне 1918 г. руководство базой перешло к дивизионному генералу Жан-Мари Жозефу Арману Брюлару (1856–1923). Он был участником колониальных войн до Первой мировой войны и командиром 1-й пехотной дивизии экспедиционного корпуса на Дарданеллах³²⁹.

Начальником штаба Русской базы был полковник Жан-Шарль Баржоне (1863–?). В 1914 г. он занимал должность начальника штаба 67-й пехотной дивизии, а затем принял командование над 106-м пехотным полком. Ж.-Ш. Баржоне несколько раз навещал русских солдат, задействованных в рабочих ротах, и проинспектировал «особую» дисциплинарную роту 18/2 на острове Экс в октябре 1918 г. После этого Баржоне руководил Военным отделом по российским делам в Париже³³⁰.

Ранее не опубликованные документы французского Генерального штаба, хранящиеся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, позволяют установить, что полномочия генерала Н.А. Лохвицкого были существенно ограничены французским административным контролем.

В письме военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба о создании Русской базы в Лавале сообщались сведения о новой организации бывших Русских Особых бригад. Подчеркивалось, что персонал базы подчинялся французским офицерам. На данный момент удалось обнаружить только первую часть документа. Как уже было упомянуто выше, бумаги в коробках не были сшиты, что, как показывает данный пример, привело к потере части материалов. Документ состоит из введения и следующих пунктов: командование, отдел снабжения, военный суд, роты, обустройство отдельных помещений. Часть документа, посвященная рабочим ротам, читается с трудом, так

³²⁸ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 69.

³²⁹ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 15–16.

³³⁰ Ibid. P. 15.

как чернила сильно выцвели³³¹.

Русская база в Лавале включала 12 отдельных помещений, а именно: кабинет начальника Русской базы, помещение для штаба, русская хозяйственная служба, французская хозяйственная служба, русская медицинская служба, французская медицинская служба, совет офицеров, госпиталь, казармы солдат рабочих рот, казармы французского персонала, казармы французских жандармов, гауптвахта³³².

Во главе Русской базы стоял генерал с подчиненным ему штабом со структурой штаба отдельной дивизии (при этом парк лошадей и автомобилей не был предусмотрен). В полномочия начальника Русской базы входили управление рабочими ротами и отдельными русскими воинскими соединениями, контроль за соблюдением дисциплины, правил внутреннего распорядка и правил гигиены военнослужащими. Начальник базы лично или через офицеров штаба должен был проверять порядок в рабочих ротах и других соединениях, после чего составлял сводки о положении на Русской базе для военного министра Франции: опыт Куртинского кризиса не прошел незамеченным³³³.

Начальником штаба Русской базы должен был быть назначен полковник или подполковник французской армии, которого сопровождали 4–5 говорящих по-русски французских офицеров³³⁴.

В обязанности французских офицеров входил контроль за выполнением на Русской базе французских приказов. Для выполнения этой задачи в их подчинении находился отряд жандармов во главе с лейтенантом³³⁵.

Во главе отдела снабжения стоял русский интендант, который ведал хозяйственной службой дивизионного размера. Он контролировал вопросы, связанные с действиями рабочих рот, и передавал свои рапорты старшему интенданту — французскому офицеру. Последний руководил персоналом

³³¹ SHD. 7N2064. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от января 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

³³² Ibid.

³³³ Ibid.

³³⁴ Ibid.

³³⁵ Ibid.

хозяйственной службы (русские солдаты и французские специалисты) и посылал свои рапорты главному интенданту военного округа³³⁶.

При хозяйственной службе находились офицеры из штаба военного округа для координации с хозяйственной службой военного округа. Хозяйственная служба Русской базы состояла из двух отделов: бухгалтерии и отдела оборудования. Организация хозяйственной службы проводилась по примеру аналогичных французских служб в Алжире³³⁷.

О военном суде сообщалось, что его работа будет регламентирована «отдельными правилами», о которых в тексте самого документа ничего не было сказано³³⁸.

Возникающие среди русских солдат вопросы должен был решать штаб базы. В письме военного министра начальнику французского Генерального штаба от 21 февраля 1918 г. указывалось, что солдаты расформированных Русских Особых бригад «переходили под юрисдикцию французских судов: будь то военный трибунал или гражданский суд»³³⁹.

В письме Генерального штаба военному министру Франции от 22 июля 1918 г. указывалось на разграничение полномочий между французским и российским командованием: русские офицеры выполняли решения французского командования, а также собирали запросы русских солдат. В этом же документе указывалось, что при командире рабочей роты или батальона Русского легиона «обязательно должен находиться французский офицер, который был уполномочен давать ответы на административные вопросы»³⁴⁰.

В том же документе сообщалось, что приписанные к базе французские офицеры «получают жалование в соответствии с нормами категории "особые войска". В осенние и зимние месяцы французские офицеры также получают

³³⁶ SHD. 7N2064. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от января 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Ibid.

³³⁹ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 21 февраля 1918 г.

³⁴⁰ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 22 июля 1918 г.

дополнительные средства на покупку теплых вещей и предметов для освещения»³⁴¹. Французские офицеры, приставленные к русским солдатам, должны были вести поименный список рабочей роты или батальона Русского легиона, сверять списки снаряжения и заниматься бухгалтерией³⁴².

В письме военного министра начальнику французского Генерального штаба от 16 августа 1918 г. сообщалось, что в «русских войсках на территории Франции устанавливается французская дисциплина»³⁴³. Русские офицеры были уполномочены составлять рапорты о дисциплинарных нарушениях и передавать их начальнику Русской базы в Лавале. Права французских рабочих распространялись на солдат рабочих рот, которых отправляли либо на сельскохозяйственные работы, либо на службу в тылу французской армии³⁴⁴.

С солдатами рабочих рот французы заключали договоры, в которых прописывались условия и размер оплаты труда. Солдат рабочей роты за день, в который ему не были назначены сельскохозяйственные работы, получал 25 сантимов. Если солдат работал, то получал 15 сантимов в час. Солдаты получали надбавки в зависимости от региона. Например, те, кто работал в центральных военных округах, ежедневно получали надбавку в размере 1 франка 77 сантимов, как и рабочие во французской армии, потому что суммы брались из Инструкций военного министерства за 1910 г.³⁴⁵ Солдаты рабочих рот в тыловой службе французской армии получали фиксированную сумму – 1 франк 50 сантимов в день³⁴⁶.

Кроме того, каждому русскому солдату выдавали 25 сантимов в день на починку одежды или покупку новой³⁴⁷. Французы обеспечивали солдат рабочих рот едой, но солдат мог по своему желанию вместо еды получить еще 3 франка в

³⁴¹ SHD. 7N2064. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 22 июля 1918 г.

³⁴² Ibid.

³⁴³ Ibid. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 16 августа 1918 г.

³⁴⁴ Ibid.

³⁴⁵ Ibid.

³⁴⁶ Ibid.

³⁴⁷ Ibid.

день³⁴⁸. В конце каждого месяца французские офицеры собирали сведения о выполненных работах и передавали их французским властям для выдачи солдатам денег³⁴⁹.

Те из русских солдат, кто отказался сражаться в составе Русского легиона или служить в рабочих ротах, были принудительно отправлены в лагеря Северной Африки или на остров Экс и не получали никаких выплат³⁵⁰.

Если русские солдаты наносили намеренный ущерб собственности французских граждан или французского правительства, то возместить понесенные убытки должно было «российское правительство»³⁵¹.

Согласно письму военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 30 июля 1918 г., если русские солдаты крали имущество французских граждан или французского государства, то «из их жалования, вне зависимости от звания, вычитались соответствующие денежные суммы»³⁵². В документе особо отмечалось, что «ответственность предусмотрена исключительно личная и никаким образом не коллективная»³⁵³.

В письме военного министра начальнику французского Генерального штаба от 25 августа 1918 г. сообщалось о создании медицинской службы Русской базы³⁵⁴. В состав медицинской службы изначально входили два врача: 1 французский врач, который говорил по-русски, и 1 русский врач, который должен был поддерживать связь с русским командованием. Кроме того, в состав медицинской службы входили: начальник службы, русский секретарь, два французских младших секретаря, два младших офицера-переводчика, один

³⁴⁸ SHD. 7N2064. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 16 августа 1918 г.

³⁴⁹ Ibid.

³⁵⁰ Ibid.

³⁵¹ Ibid.

³⁵² Ibid. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 30 июля 1918 г.

³⁵³ Ibid.

³⁵⁴ Ibid. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 25 августа 1918 г.

дежурный офицер³⁵⁵.

Русские солдаты имели право на медицинскую помощь наравне с французскими. Солдаты с легкими заболеваниями могли получить помощь на месте, в то время как тяжело заболевших должны были направлять в госпиталь³⁵⁶.

В зависимости от тяжести ранения русского солдата направляли либо в ближайший госпиталь, либо в один из госпиталей департамента Майенн. Именно медицинская служба выносила решение о госпитализации русских солдат и должна была составлять следующие документы по каждому раненому: «1) документ о подтверждении личности, 2) документ об участии в военных действиях, 3) сертификат о ранении»³⁵⁷.

При медицинской службе Русской базы в Лавале был создан госпиталь на 100 кроватей. Персонал первоначально состоял из «1 русского врача, 2 фельдшеров, 2 медсестер и добровольцев»³⁵⁸. В дальнейшем медицинская служба французской армии запрашивала русский персонал для работы с русскими солдатами в следующем количестве: «1) на 20 солдат 10 медицинских работников, 2) на 50 солдат 20 медицинских работников и среди них 1 врач, 3) на 100 солдат 50 медицинских работников и среди них 1 врач и 2 помощника врача»³⁵⁹.

В госпитале больные солдаты продолжали получать жалование. Им ежедневно дополнительно выдавались чай или кофе (6 граммов) и сахар (20 граммов)³⁶⁰. Если русский солдат находился в госпитале более трех месяцев, то создавалась комиссия из русского и французского медицинского персонала, задачи которой были следующие: «1) изучение морального духа больных, 2) извещение командиров рабочих рот и батальонов Русского легиона о состоянии находящихся в госпитале солдат, 3) извещение региональной медицинской

³⁵⁵ SHD. 7N2064. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 25 августа 1918 г.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Ibid.

³⁵⁹ Ibid.

³⁶⁰ Ibid.

службы о находящихся на лечении русских солдатах»³⁶¹.

Если русский солдат получал серьезную травму и не мог продолжать службу, назначалась комиссия по установлению инвалидности по образцу комиссии Иностранного легиона³⁶². Для прохождения комиссии солдат должен был предоставить сертификат о демобилизации с подписью командира³⁶³. После назначения комиссией группы инвалидности солдат получал копию сертификата о получении инвалидности³⁶⁴. Оригинал должен был храниться в архиве комиссии³⁶⁵.

Все эти документы французский офицер при Русской базе должен был передать в консульскую службу России для получения паспорта. Солдатам выдавался паспорт Временного правительства, который не действовал на территории Советской России³⁶⁶.

Вместе с паспортом Временного правительства солдат бывшей Русской императорской армии, который сражался во Франции и участвовал в послевоенном восстановлении страны, при демобилизации получал единовременную выплату в размере 50 франков. Подчеркивалось, что «русские солдаты не могли получать во Франции другие выплаты»³⁶⁷. Инвалиды из состава расформированных Русских Особых бригад, которые не знали об этом решении военного министра Франции, в послевоенный период подавали прошения о назначении им пенсии. Документально подтверждены выплаты бывшим солдатам Русского и Иностранного легионов³⁶⁸.

Пребывание в Лавале сопровождалось проявлениями недовольства среди части русских военнослужащих. После получения известий о заключении Брестского мира несколько десятков солдат Русского легиона отказались

³⁶¹ SHD. 7N2064. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от 25 августа 1918 г.

³⁶² Ibid.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Ibid.

³⁶⁵ Ibid.

³⁶⁶ Ibid.

³⁶⁷ Ibid.

³⁶⁸ Бочарова З.С. Указ. соч. С. 137.

отправляться на фронт и потребовали возвращения в Россию. По предположению М.К. Чинякова, нежелание продолжать военную службу могло объясняться тем, что эти военнослужащие прибыли в Русский легион из Северной Африки и первоначально не стремились продолжать участие в боевых действиях. Отказавшиеся выступить на фронт были отправлены на остров Экс. Этот эпизод свидетельствовал о сохранении серьезных противоречий между стремлением французского командования продолжать боевое использование русского контингента и желанием части бывших военнослужащих Особых бригад вернуться на Родину³⁶⁹.

Русская база в Лавале стала важнейшим промежуточным звеном между прежней структурой Русских Особых бригад и последующим индивидуальным положением их бывших бойцов. Через базу осуществлялись административный учет и управление русскими солдатами, медицинское обслуживание и комплектование воинских подразделений. Вместе с тем, сама организация управления базой отражала существенную трансформацию статуса русских войск после революционных событий 1917 г.: если первоначально Особые бригады сохраняли собственную организационную структуру, то в 1918 г. управление их бывшими военнослужащими сконцентрировалось в руках французской военной администрации.

Правительство Франции было заинтересовано в привлечении русских солдат к работам по восстановлению инфраструктуры Франции, которая сильно пострадала во время войны³⁷⁰. Согласно французским документам, рабочие роты появились в конце декабря 1917 г.: «Солдаты объединяются в роты, в которых запрещена деятельность комитетов. В прифронтовой полосе работы могут проводиться только при условии, что данный участок не обстреливается противником»³⁷¹. Они должны были заниматься заготовкой леса и камня для строительства железных дорог, выполнять сельскохозяйственные работы или

³⁶⁹ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 276.

³⁷⁰ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 115–116.

³⁷¹ SHD. 17N647. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 24 декабря 1917 г.

служить в тыловых подразделениях французской армии. Распределение осуществлялось французскими офицерами по всем военным округам Франции во избежание концентрации русских солдат в одном месте³⁷².

Поскольку командовать рабочими ротами должны были французские офицеры, возникла необходимость создать при рабочих ротах штат переводчиков³⁷³. По приказу французского Генерального штаба в рабочие роты в первую очередь отбирались французские офицеры, которые владели русским языком³⁷⁴.

Уже 26 декабря 1917 г. Ж. Клемансо «подписал приказ о том, чтобы задействовать 5000 русских солдат рабочих рот в прифронтовой полосе»³⁷⁵. 27 декабря были описаны условия труда в рабочей роте и размер оплаты труда. Примечательно, что солдаты, которые находились в лагере Курно, получали на 1 франк больше, чем те, которые находились в Ля-Куртине во время восстания³⁷⁶.

По заданию военного министра французский Генеральный штаб в январе 1918 г. подготовил проект распределения солдат рабочих рот по военным округам. Документ представляет собой карту Франции с делением на военные округа: русские солдаты не должны были концентрироваться в большом количестве ни в одном из военных округов³⁷⁷. Создание карты, вероятно, было предпринято с целью визуализации распределения русских солдат по территории Франции для последующего размещения в разных военных округах французских воинских частей, отвечающих за безопасность местного населения.

В Северную Африку также начали отправлять русских солдат, которые совершили дисциплинарные нарушения. В основном солдаты были размещены в

³⁷² SHD. 17N647. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 24 декабря 1917 г.

³⁷³ Ibid.

³⁷⁴ Ibid.

³⁷⁵ SHD. 17N649. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 26 декабря 1917 г.

³⁷⁶ SHD. 17N647. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 27 декабря 1917 г.

³⁷⁷ SHD. 17N689. Проект распределения солдат рабочих рот по военным округам Франции от января 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

военных лагерях, распределенных между тремя департаментами Алжира: Оран, Алжир, Константина. В подавляющем большинстве русские солдаты занимались сельским хозяйством. Остальные были задействованы на железных дорогах и в свинцовых рудниках³⁷⁸.

Отправка за проступки в североафриканские лагеря была сложной и дорого обходилась, поэтому начальник французского Генерального штаба приказал отправлять в Африку «только тех, кто наотрез отказывается работать, систематически нарушает дисциплину или распространяет среди других солдат и местных жителей пораженческие настроения»³⁷⁹.

Таких солдат отправляли в отряды наподобие «особой» роты 18/2. Командовали этой ротой французы, которые говорили по-русски: 1 капитан или лейтенант, 1 лейтенант или 1 младший лейтенант, 1 адъютант, 1 сержант, а также 1 унтер-офицер и 2 капрала на каждые 50 русских солдат. Изначально руководящие кадры набирались из числа служащих на Русской базе в Лавале, а затем уже из других французских воинских частей³⁸⁰.

Решение об отправке в «особую» рабочую роту 18/2 принимал лично военный министр Франции. Если солдат работал в тыловой службе французской армии, то предложение вносил начальник французского Генерального штаба, а если занимался сельскохозяйственными работами, то командующий военным округом³⁸¹.

Солдаты «особой» роты занимались «полезными для общества работами»³⁸². По сути, они выполняли те же самые работы, что и солдаты рабочих рот, но могли получить только одну надбавку к жалованию и только по представлению французского офицера (50 сантимов). У солдат «особой» роты не было права на отпуск, и работали они в окружении французских воинских

³⁷⁸ SHD. 17N689. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба. Не позднее января 1918 г.

³⁷⁹ Ibid.

³⁸⁰ Ibid.

³⁸¹ Ibid.

³⁸² Ibid.

частей³⁸³.

Для солдат существовала возможность вернуться в обычную рабочую роту: французский офицер направлял рапорт командующему военным округом о солдате, который исправно трудился и не нарушал дисциплину в течение 2 месяцев. Окончательное решение оставалось за военным министром. В остальном, что не указано в документе, рота 18/2 должна была действовать так же, как и другие рабочие роты³⁸⁴.

В письме военного министра начальнику французского Генерального штаба от 1 октября 1918 г. было указано, что солдаты рабочих рот теряли дополнительные выплаты. Вероятно, осознание близкой победы в Первой мировой войне дало французскому правительству возможность снизить затраты на рабочие роты³⁸⁵.

Русская база в Лавале стала основным административным инструментом управления расформированным русским воинским контингентом во Франции. Новые архивные документы французского Генерального штаба позволили сделать вывод, что база была организована по французским военным стандартам, а подчинение русских служащих французским уставам и постоянный контроль со стороны французских офицеров свидетельствуют о переходе русских солдат из положения союзнического воинского соединения в статус управляемой и подконтрольной группы. Демобилизованные по инвалидности русские солдаты получали единовременное пособие и не могли больше рассчитывать на социальную помощь от французского правительства, если не служили в Русском или Иностранном легионах.

Создание рабочих рот решало сразу две стоящие перед французским командованием задачи: использование трудового потенциала русских солдат и

³⁸³ SHD. 17N689. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба. Не позднее января 1918 г.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ SHD. 17N677. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 1 октября 1918 г.

снижение возможных рисков повторения Куртинского кризиса. Солдаты рабочих рот были распределены между заготовками леса и камня для железнодорожных работ, сельскохозяйственными работами или выполнением задач в тыловой службе французской армии. Их статус и жалование были зафиксированы в документах французского Генерального штаба, а выплаты соответствовали принятым во французской армии стандартам. Командовали ими французские офицеры. Обо всех перемещениях и решениях в отношении рабочих рот французские офицеры должны были докладывать военному министру. Отдельно существовала дисциплинарная «особая» рабочая рота. Французская административная система обеспечивала контроль и трудовое использование бывших военнослужащих Русской императорской армии, но не предполагала их социальной интеграции во французское общество.

2.2. Русские солдаты и офицеры во французской армии и система их репатриации после Первой мировой войны

Меньшая часть русских солдат после Куртинского мятежа 1917 г. вступила в состав Русского легиона³⁸⁶. Его участники продолжали сражаться в Первой мировой войне на стороне Франции, считая свой союзнический долг невыполненным, даже в условиях подписания Брестского мира³⁸⁷.

В декабре 1917 г. начальник французского Генерального штаба предложил военному министру Франции создать из бывших солдат Русской императорской армии Русский добровольческий батальон и набрать солдат в маршевый полк Иностранного легиона. Русский батальон был включен в состав Марокканской дивизии под командованием генерала Альбера Жозефа Мари Догана. Русский батальон был приписан к 8-му зуавскому полку³⁸⁸. Зуавы имели репутацию отчаянных головорезов: присоединение к ним русских солдат означало, что

³⁸⁶ Чиняков М.К. Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны... С. 167–186.

³⁸⁷ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 130.

³⁸⁸ SHD. 24N2931. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от декабря 1917 г. Точная дата в документе отсутствует.

Русский батальон рассматривался французским военным командованием как войска, предназначенные для особо рискованных боевых операций.

Русский батальон был развернут в Русский легион, состоящий из четырех батальонов. 1-й батальон включал 13 офицеров и 490 солдат под командованием полковника Г.С. Готуа. 2-й батальон включал 11 офицеров и 397 солдат под командованием полковника М. Йеске. 3-й батальон включал 6 офицеров и 234 солдата под командованием полковника Г.И. Сименова. 4-й батальон включал 21 офицера и 504 солдата под командованием полковника В.Л. Балбашевского. Из-за больших потерь и перехода части военнослужащих в рабочие роты в июле 1918 г. остатки четырех батальонов были сведены в один³⁸⁹.

Весной 1918 г. французский Генеральный штаб начал получать рапорты командиров, сообщающие о русских солдатах, которые отказывались воевать и ссылались на то, что Россия заключила мирный договор с Германией. 18 марта полковник А.Н. Сперанский, бывший командир 1-го батальона 1-го Русского Особого пехотного полка, призвал своих бывших подчиненных продолжить участие в боевых действиях на стороне Франции³⁹⁰.

Участие русских солдат во французских боевых операциях в 1918 г. подробно описано в рапорте генерала А.Ж.М. Догана, в котором содержались сведения о потерях и представлениях личного состава к наградам³⁹¹.

Приказ по X французской армии от 8 октября 1918 г. содержал следующие имена отличившихся: временный командир Русского легиона французский офицер Ш.-И. Трамюзе (погиб в боях сентября 1918 г.) и полковой священник, православный протоиерей Андрей Богословский, погибший в боях за Терни-Сорни в сентябре 1918 г.³⁹² Рапорт о смерти протоиерея Богословского датирован 3 сентября 1918 г., однако в другом рапорте от 27 ноября 1918 г. сказано, что

³⁸⁹ SHD. 24N2931. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от июля 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

³⁹⁰ Ibid. Переведенная на французский язык речь полковника А.Н. Сперанского от 18 марта 1918 г.

³⁹¹ Ibid. Рапорт генерала А.Ж.М. Догана начальнику французского Генерального штаба от сентября 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

³⁹² SHD. 16N211. Приказ по X французской армии от 8 октября 1918 г.

«Русский легион не получил больничной карты, подтверждающей смерть этого священника»³⁹³. Гибель командира и полкового священника косвенно указывает на ожесточенный характер боев, в которых принимал участие Русский легион во Франции.

В приказе по X французской армии от 12 декабря 1918 г. содержатся сведения об участии военнослужащих Русского легиона в боях на Сомме (департамент Сомма, север Франции) 26–30 апреля 1918 г., под Суассоном (департамент Эна) 29–30 мая 1918 г. и у деревни Терни-Сорни 2 сентября 1918 г. В ходе этих сражений русские солдаты захватили и удержали позиции противника, несмотря на многочисленные германские контратаки, их неослабевающий артиллерийский и пулеметный огонь, а также высокий уровень потерь среди личного состава.

Характеризуя участие в боевых действиях солдат и офицеров 1-го батальона Русского легиона, французское командование отмечало, что они проявили мужество в боях, захватывая пленных, вооружение и боеприпасы. Особое внимание в документах уделено 2-му батальону, который попал под плотный огонь пулеметов и артиллерии немцев. Французские офицеры отметили высокий уровень тактической подготовки русских офицеров, которые после неудачной фронтальной атаки провели обходной маневр и захватили деревню Терни-Сорни в ходе упорного рукопашного боя. Позднее солдаты и офицеры 2-го батальона не только отразили контратаки противника, но и продвинулись к Альману.

В приказе неоднократно повторялись такие выражения, как «полное презрение к смерти», «исключительное стремление к победе», «неугасимый победный дух», «сила и упорство выше всяческих похвал», характеризующие русских солдат в составе французской армии. Таким образом, французское командование высоко оценивало моральные и боевые качества русских солдат, а также тактические навыки русских офицеров. Кроме того, сведения из документа позволяют сделать вывод, что французы использовали солдат и офицеров

³⁹³ SHD. 24N2931. Рапорт неустановленного лица начальнику французского Генерального штаба от 27 ноября 1918 г.

Русского легиона на самых опасных участках фронта, где сопротивление противника было особенно сильным³⁹⁴.

Русские солдаты захватили германское трофейное вооружение и снаряжение, а также взяли в плен 160 солдат и офицеров противника³⁹⁵. Таким образом, Русский легион внес заметный вклад в отражение германского наступления на отдельных участках Западного фронта весной 1918 г.

Документы Архива исторической службы Министерства обороны Франции позволили проследить историю как Русского легиона, так и маршевого батальона Иностранного легиона, куда набирались солдаты расформированных Русских Особых бригад.

Солдаты и офицеры бывшей Русской императорской армии при вступлении в Иностранный легион подписывали контракты. Русские офицеры вступали в Иностранный легион на правах рядовых. Всех, кто подписал контракт, отправляли в Лион (департамент Рона, юго-восток Франции) в Дивизионный учебный центр Марокканской дивизии³⁹⁶.

В июне 1918 г. военный министр дал указание начальнику Генерального штаба подписать с русскими солдатами в Иностранном легионе новые контракты. 220 человек вступили в Русский легион и оказались на Русской базе в Лавале. 342 человека подписали контракты о службе в Иностранном легионе и были направлены в учебный центр в Лион³⁹⁷.

Новые контракты на русском и французском языках включали в себя требование подчиняться французской воинской дисциплине. Военный министр передал начальнику Генерального штаба четкие указания: «Только те русские военнослужащие, которые подпишут контракты, останутся в армии в небольшом количестве. Остальные будут отправлены в рабочие роты или в лагеря Северной

³⁹⁴ Русский легион. URL: https://www.russkiebrigady.com/_h.htm (дата обращения: 09.10.2025).

³⁹⁵ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 241–242.

³⁹⁶ SHD. 24N2931. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу А.Ж.М. Догану. Не позднее июня 1918 г.

³⁹⁷ Ibid. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от июня 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

Африки. Данный вопрос не обсуждается»³⁹⁸.

Контракт гласил, что русские солдаты обязаны были продолжать службу «на период войны и в течение года после заключения мира». Из документа следует, что подписавшие контракт лица получали в день подписания аванс в размере 500 франков (офицеры) или 250 франков (нижние чины). Остальную часть жалованья они получали через 4 месяца³⁹⁹.

Полковник Буше, командир 1-й бригады Марокканской дивизии, в рапорте от 22 июня 1918 г. генералу А.Ж.М. Догану писал, что многие русские солдаты считали, что в контракт не входило их участие в боевых действиях после выхода России из войны. Военный министр Франции принял решение отправить этих солдат в рабочие роты⁴⁰⁰.

В 1918 г. часть русских солдат во Франции отказалась участвовать в войне. Они боялись, что по возвращении в Россию их признают врагами Родины: эти солдаты сражались в составе войск Антанты, которая начала интервенцию в Советскую Россию. Французские офицеры в рапортах приводили цитаты из разговоров русских солдат между собой о революции в России, а также прилагали к рапортам агитационные листовки на русском языке, в которых говорилось, что «враги революции будут уничтожены все до единого»⁴⁰¹.

В июне 1918 г. французское верховное военное командование запросило у генерала А.Ж.М. Догана сведения об участии русских солдат в боевых операциях Иностранного легиона. Было приказано больше не принимать русских в легион: «поддержание равного процента национальностей в Иностранном легионе необходимо для сохранения его значения как межнационального подразделения и во избежание преобладания какой-либо одной национальности»⁴⁰².

В июле 1918 г. А.Ж.М. Доган заступился за русских солдат и офицеров под

³⁹⁸ SHD. 24N2931. Письмо военного министра начальнику французского Генерального штаба от июня 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

³⁹⁹ Ibid.

⁴⁰⁰ Ibid. Рапорт полковника Буше генералу А.Ж.М. Догану от 22 июня 1918 г.

⁴⁰¹ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции. Не позднее июня 1918 г.

⁴⁰² Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу А.Ж.М. Догану от июня 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

своим командованием, но был обвинен начальником Генерального штаба в оказании поблажек военнослужащим бывшей Русской императорской армии⁴⁰³.

23 июля 1918 г. офицер Русского легиона капитан М.Ф. Лупанов по заданию генерала А.Ж.М. Догана отправился в Париж, чтобы, как писал начальник Марокканской дивизии, «прояснить ситуацию с новыми контрактами, известия о которых вызвали волнения в среде русских военнослужащих. Данная мера (новые контракты. – *П.П.*) в том виде, в котором она была представлена, не могла не вызвать отказов со стороны подавляющего большинства русских военнослужащих. Я не хочу лишиться из-за этих ошибочных решений четырехсот человек, которые сражались с величайшей храбростью. Необходимо быстро разобраться в обстановке и принять меры, так как командование приказало немедленно подписать новые контракты»⁴⁰⁴. Таким образом, генерал А.Ж.М. Доган отмечал «величайшую храбрость» русских солдат, сражавшихся за Францию.

Генерал А.Ж.М. Доган писал о «неопределенности, в которой русские офицеры и солдаты живут с начала русской революции»⁴⁰⁵. Он подчеркивал: «Этих людей так часто обманывали! Поэтому они испугались, что требуемый от них контракт превратит их во "французских солдат" на том же основании, что и солдат Иностранного легиона. И тем самым лишит "Русский легион" статуса особого подразделения, служащего под русским флагом и с русским командованием»⁴⁰⁶. Действия генерала А.Ж.М. Догана и его письмо говорят о том, что военачальник не побоялся заступиться за русских военнослужащих, которых он ценил в составе своего подразделения. К сожалению, генерал Доган ошибся: французское верховное командование настороженно относилось к русским солдатам.

Новые контракты подписали 277 военнослужащих Русского легиона.

⁴⁰³ SHD. 24N2931. Письмо начальника французского Генерального штаба генералу А.Ж.М. Догану от июля 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

⁴⁰⁴ Ibid. Письмо генерала А.Ж.М. Догана начальнику французского Генерального штаба от 23 июля 1918 г.

⁴⁰⁵ Ibid.

⁴⁰⁶ Ibid.

Остальных отправили в составе рабочих рот в Африку. Среди последних по списку числился сын полка Иван Игнатов, чей возраст в документе указан не был⁴⁰⁷.

Из рапорта начальника французского Генерального штаба военному министру от 1 августа 1918 г. следует, что из 694 русских офицеров и солдат, подписавших новые контракты о службе в Иностранном легионе, 265 заявили, что не хотят воевать за Францию. Французское верховное командование постановило, что «их в обязательном порядке следует собрать в дисциплинарные отряды и отправить в Северную Африку»⁴⁰⁸.

В то же время росли антивоенные настроения среди нижних чинов Русского легиона. Агитационная листовка, хранящаяся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, распространялась среди русских военнослужащих в Африке и содержала призыв больше не участвовать в войне: «Земляки! Жестокая судьба унесла нас далеко от родной земли: мы, не зная, что происходило с нашим народом, воевали здесь и умирали. Вместо славы, которую мы заслужили на полях Шампани, мы получили пустыни Африки. Движимые голодом и ужасами, многие из нас пошли на самоубийство. Это не прошло мимо многих наших лучших и храбрых друзей. Те же, кто остался, должны вступить в ряды французской армии и умереть»⁴⁰⁹.

26 ноября 1918 г. генерал А.Ж.М. Доган получил письмо от жены генерала Н.А. Лохвицкого, Анны Николаевны Лохвицкой, главы Комитета попечения о Русском легионе во Франции, с предложением о гуманитарном сотрудничестве. Члены общества помогали солдатам вести переписку с родственниками в России, обеспечивали солдат газетами и журналами, снабжали едой и теплой одеждой, заботились об инвалидах. Комитет самораспустился в 1920 г.⁴¹⁰

В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранятся

⁴⁰⁷ SHD. 24N2931. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции. Не позднее июля 1918 г.

⁴⁰⁸ SHD. 16N211. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 1 августа 1918 г.

⁴⁰⁹ SHD. 24N2931. Агитационная листовка на русском языке [Август 1918 г.].

⁴¹⁰ Cockfield J.H. Op. cit. P. 270.

документы, посвященные подбору медицинского персонала для Русского легиона. В источниках обозначены необходимый для работы в госпиталях стаж и уровень образования для русских и французских врачей и медсестер. Французские власти подготовили рекомендации об оплате труда медицинских работников из России в зависимости от их должности, определили нормы выдачи хлеба и мяса для русского медицинского персонала в составе Русского легиона⁴¹¹.

После начала Гражданской войны в России Генеральный штаб Франции подготовил для военного министра перевод на французский язык речи генерала А.И. Деникина, произнесенной в Могилеве 22 мая 1917 г., в которой он осудил действия Временного правительства, не сумевшего сохранить дисциплину в русских войсках⁴¹². Позиция А.И. Деникина была близка французскому военному командованию, которое было вынуждено подавить Куртинское восстание нижних чинов русской армии в Ля-Куртине. Это восстание было прямым следствием двойного подчинения, в условиях которого российское политическое руководство не смогло предотвратить падение дисциплины в армии.

После Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. начальник французского Генерального штаба предложил военному министру Франции сформировать из русских солдат воинские части для отправки в Россию с целью поддержки армии генерала А.И. Деникина. Русских офицеров и солдат предполагалось набрать в рядах Русского легиона и французского Иностранного легиона⁴¹³.

В письме от 8 декабря 1918 г. офицер Русского легиона полковник Г.С. Готуа описывал условия, необходимые для формирования подразделений из русских офицеров и солдат, находящихся во Франции и предназначенных для отправки в Россию для усиления армии А.И. Деникина: добровольцы должны быть политически лояльны Белому движению в России и иметь боевой опыт и награды. Однако французское командование отказалось от жестких критериев

⁴¹¹ SHD. 24N2931. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба. Не позднее мая 1918 г.

⁴¹² Ibid. Переведенная на французский язык речь генерала А.И. Деникина от 22 мая 1917 г.

⁴¹³ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от ноября 1918 г. Точная дата в документе отсутствует.

отбора и всех добровольцев отправило в Новороссийск в 1919 г.⁴¹⁴

15 декабря 1918 г. французский Генеральный штаб направил военному министру письмо о необходимости возвращения оставшихся во Франции русских солдат на Родину⁴¹⁵. Уже 20 декабря начальник французского Генерального штаба отправил военному министру Франции рапорт, в котором подтверждалась отправка в Россию первой партии больных и увечных русских солдат и офицеров, назначенная на 1 января 1919 г.⁴¹⁶

После завершения Первой мировой войны во Франции оказалось большое количество русских военнопленных, освобожденных французской армией из германского плена. Перед исследователями встает вопрос о том, как можно отличить бывших пленных от солдат расформированных Особых бригад: документы о военнопленных хранятся в тех же коробках, которые посвящены Русским Особым бригадам.

Освобожденные французской армией русские военнопленные были разделены на две категории согласно письму французского Генерального штаба военному министру Франции от 5 февраля 1919 г. Категория «А»: «Русские солдаты, которые хотели бы работать и будут вести себя надлежащим образом». Категория «Б»: «Недисциплинированные русские солдаты, которые отказались работать». Солдаты были разделены на отряды под командованием французских офицеров, существенно ограничены в перемещениях и получали скудное питание. За те или иные поступки солдат могли перевести из категории «Б» в категорию «А» и наоборот⁴¹⁷.

Те из солдат, которые были включены в категорию «Б», оказались в лагерях наподобие Аллибодьера (департамент Об, северо-восток Франции), в то время как представители категории «А» были задействованы как рабочие в разных округах.

⁴¹⁴ Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны... С. 286.

⁴¹⁵ SHD. 7N390. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру от 15 декабря 1918 г.

⁴¹⁶ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру от 20 декабря 1918 г.

⁴¹⁷ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 5 февраля 1919 г.

К приему большого числа бывших военнопленных лагеря были подготовлены плохо. Условия пребывания в них и материальная часть довольно часто оказывались ужасными (антисанитария, плохая одежда и так далее), что вызывало среди французского военного командования опасения нового мятежа⁴¹⁸.

Рапорт полковника Ж.-Ш. Баржоне от 7 марта 1920 г., направленный во французский Генеральный штаб, раскрывает итоги ревизии лагеря Аллибодьера, где было размещено 2972 русских солдата категории «Б». Продовольственный режим был повышен до уровня категории «А» в связи с угрозой эпидемии цинги и других болезней из-за плохого физического состояния солдат. Во время проверки лагеря на вопрос французского офицера: «Почему вы отказываетесь работать?» – русские солдаты дали ответ: «Мы не хотим работать на буржуев»⁴¹⁹.

Французское военное командование не оставило рапорт без ответа. Письмо военного министра Франции от 12 марта 1920 г. генералам, командующим военными округами, содержало указание улучшить продовольственное обеспечение для «неработающих солдат» до уровня «работающих солдат»⁴²⁰.

Освобожденные русские солдаты были отправлены во все военные округа. В письме Славянского бюро французского Генерального штаба военному министру Франции от 6 февраля 1919 г. было указано, что к тому моменту число всех русских солдат, подлежащих репатриации, достигло «45 000 человек, распределенных по всей Франции»⁴²¹. В этом списке не было деления на солдат расформированных Русских Особых бригад и освобожденных военнопленных.

Военный агент России во Франции, граф А.А. Игнатьев⁴²², в письме от 7 апреля 1918 г. попросил военного министра Франции рассмотреть возможность

⁴¹⁸ SHD. 12N3. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции [Февраль 1920 г.].

⁴¹⁹ Ibid. Рапорт полковника Ж.-Ш. Баржоне начальнику французского Генерального штаба от 7 марта 1920 г.

⁴²⁰ Ibid. Письмо военного министра Франции командующим военными округами от 12 марта 1920 г.

⁴²¹ SHD. 17N677. Письмо Славянского бюро французского Генерального штаба военному министру Франции от 6 февраля 1919 г.

⁴²² Граф А.А. Игнатьев оставался военным агентом России во Франции до сентября 1918 г., когда был уволен с этой должности по приказу Народного комиссариата по военным и морским делам.

отправки русских офицеров на судах «Новгород» и «Порта», которые проследуют маршрутом Великобритании – Мурманск. На 17 апреля 1918 г. к погрузке были готовы 100 офицеров и 1200 солдат, среди которых 500 человек были демобилизованы по причине проблем со здоровьем.

В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранится письмо военного министра Франции графу А.А. Игнатьеву от 5 мая 1918 г. о том, что «русские офицеры могут погрузиться на британское судно для отправки в Россию»⁴²³. 7 мая военный министр отправил начальнику Генерального штаба письмо, согласно которому на корабли должны в первую очередь грузиться офицеры, музыканты, раненые и солдаты старше 35 лет. Из того же письма становится известно, что корабли должны были отплыть 12 мая из Гавра в сторону Великобритании, чтобы там пересадить своих пассажиров на другие суда⁴²⁴.

О трудном и долгом ожидании возвращения на Родину можно судить по письму офицера расформированных Русских Особых бригад, поручика Д.О. Морозова. 9 июля он направил во французский Генеральный штаб письмо на французском и русском языках о том, что в Гавре до сих пор не было ни одной погрузки на корабли: «все русские офицеры и солдаты, которые должны были вернуться на Родину, после ожидания в Гавре, продлившегося 12 часов, отправились в места своего пребывания»⁴²⁵. Находясь вдали от семьи и Родины и не имея никаких источников дохода, бывший офицер Русской императорской армии просил назначения в рабочую роту, чтобы отправлять денежные средства своей семье в России: «моя семья живет исключительно на мое жалование, которое я отправляю ей из Франции»⁴²⁶.

Русские солдаты и офицеры направляли письма начальнику французского

⁴²³ SHD. 17N677. Письмо военного министра Франции военному агенту России во Франции А.А. Игнатьеву от 5 мая 1918 г.

⁴²⁴ Ibid. Письмо военного министра Франции начальнику французского Генерального штаба от 7 мая 1918 г.

⁴²⁵ Ibid. Письмо поручика Д.О. Морозова начальнику французского Генерального штаба от 9 июля 1918 г.

⁴²⁶ Ibid.

Генерального штаба с предложениями об отправке «самым коротким путем» или «направлением Америка – Владивосток»⁴²⁷. Раненые русские солдаты из Сен-Ло (департамент Манш, северо-запад Франции) отправили в Генеральный штаб 5 декабря 1918 г. письмо с просьбой как можно скорее отправить их в Россию⁴²⁸. Как отмечалось выше, в письме военного министра начальнику французского Генерального штаба от 7 мая предписывалось отправлять раненых в первую очередь.

24 сентября 1919 г. 1200 человек сели на пароход «Николай Первый»⁴²⁹. На следующий день 1812 солдат покинули Северную Африку на корабле, который должен был их доставить в Константинополь. Из рапорта начальника французского Генерального штаба военному министру от 25 сентября становится известно, что еще 6281 русский солдат ждал отправки на Родину из Африки⁴³⁰.

Президент и военный министр Франции поставили перед французским Генеральным штабом задачу вернуть русских солдат в Россию к концу 1920 г. На 1 марта 1920 г. 15 000 человек во Франции, 4000 человек в Алжире и 2400 человек в Македонии все еще ожидали возвращения на Родину⁴³¹.

Русские солдаты перед отправкой в Россию должны были размещаться в лагере Оддо в Марселе, куда прибывали корабли. Однако французское военное командование опасалось держать бывших мятежников в Марселе. Поэтому их размещали в лагере Карпиань, а за два дня до погрузки на суда их вели пешими 30 км до лагеря Оддо⁴³².

Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру

⁴²⁷ SHD. 17N677. Письма русских солдат начальнику французского Генерального штаба от декабря 1918 г. Точные даты в документах отсутствуют.

⁴²⁸ Ibid. Письмо раненых русских солдат начальнику французского Генерального штаба от 5 декабря 1918 г.

⁴²⁹ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 24 сентября 1919 г.

⁴³⁰ Ibid. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 25 сентября 1919 г.

⁴³¹ SHD. 12N3. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 1 марта 1920 г.

⁴³² SHD. 17N677. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции. Не позднее апреля 1920 г.

Франции от 22 апреля 1920 г. содержит сведения о том, что из находившихся в Африке на тот момент русских солдат «3607 человек хотят вернуться в советскую Россию, а 126 – в области, которые не контролируют большевики»⁴³³. Документ не позволяет установить, было ли это связано с успехом революционной пропаганды или с желанием вернуться к своим семьям.

18 мая начальник французского Генерального штаба уведомил военного министра Франции, что с 6 июня увеличится количество кораблей для отправки русских солдат на Родину⁴³⁴.

В письме Генерального штаба военному министру Франции от 16 июня названы суда, отправленные из Франции в период с 19 января 1918 г. по 27 мая 1920 г. На суда грузились солдаты рабочих рот, которых ранее отправили в Алжир и Оран с февраля 1918 г. по январь 1919 г. Кроме того, на кораблях плыли бывшие русские военнопленные. Корабли были отправлены в Одессу⁴³⁵.

Разделение в документах на солдат расформированных Русских Особых бригад и освобожденных русских военнопленных нами отмечено с 19 сентября 1919 г.⁴³⁶ Мы предполагаем, что это связано с большим количеством освобожденных французской армией на территории Германии бывших военнослужащих Русской императорской армии, что привело к необходимости отличать их от солдат расформированных Русских Особых бригад.

План погрузок французского Генерального штаба на корабли от 16 сентября 1920 г. включал 2050 человек, а план от 2 октября – 2400 человек. В обоих случаях порт назначения – Одесса⁴³⁷.

Рапорт начальника Генерального штаба военному министру Франции об

⁴³³ SHD. 17N677. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 22 апреля 1920 г.

⁴³⁴ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 18 мая 1920 г.

⁴³⁵ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 16 июня 1920 г.

⁴³⁶ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 19 сентября 1919 г.

⁴³⁷ Ibid. Письмо начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 16 сентября 1920 г.

отправках из Марселя содержит следующие цифры: 17 647 солдат рабочих рот сели на корабли с 6 июня 1919 г. по 18 ноября 1920 г.; 7771 русский военнопленный попал на суда с 25 сентября 1919 г. по 16 апреля 1920 г.⁴³⁸

Внучка русского солдата Ф.Н. Мамонтова, Мари Бельгу-Мамонтова, в настоящее время составляет списки репатриированных на своем сайте «Русские бригады 16–18»⁴³⁹. Составление списков – сложная исследовательская задача, которая еще ждет своего решения. Для ее выполнения нужно получить точные сведения из французских архивов, документы которых недостаточно подробно описаны. Такая работа на данный момент проводится частными исследователями и потомками русских солдат, но не носит централизованного характера.

После революции в России русские воинские части во Франции, несмотря на заступничество генерала А.Ж.М. Догана, рассматривались французским верховным командованием уже не в качестве равноправных союзников. Русские солдаты использовались на самых опасных участках фронта, из них формировались рабочие роты для решения стоящих перед послевоенной французской экономикой задач, а за отказ сражаться за Францию они отправлялись в североафриканские концентрационные лагеря.

Организация возвращения русских солдат и офицеров на Родину после окончания Первой мировой войны стала для французского военно-политического руководства сложной административной и логистической задачей. В Россию отправляли не только солдат Русских Особых бригад, но и освобожденных на территории Германии русских военнопленных. В результате во французских официальных документах эти две группы длительное время не разграничивались. Отправку русских солдат из Франции осложняли такие факторы, как нехватка кораблей, опасения французского командования перед повторными революционными волнениями и вопрос о характере французского вмешательства

⁴³⁸ SHD. 17N677. Рапорт начальника французского Генерального штаба военному министру Франции от 18 ноября 1920 г.

⁴³⁹ Именные списки репатриированных. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.y.htm> (дата обращения: 29.12.2025).

в Гражданскую войну в России.

Материалы французского Генерального штаба свидетельствуют о том, что в послевоенный период французские власти рассматривали русских солдат уже как неблагонадежную группу, которая требовала постоянного надзора.

Заключение Советской Россией Брестского мира с Германией изменило расстановку сил в структуре Антанты, однако французское правительство не спешило возвращать русских солдат на Родину, а оставило их с определенной целью – для продолжения участия в Первой мировой войне в составе французской армии.

Французское военно-политическое командование после Куртинского восстания части солдат Русских Особых бригад нивелировало роль русских офицеров в принятии политических и стратегических решений: командование над русскими солдатами перешло к французским офицерам, а русские офицеры должны были перейти на службу в армию Французской республики. Русские солдаты должны были носить французскую военную форму, подчиняться французским воинским уставам и попадали под юрисдикцию французского правосудия.

Изменение отношения к русским солдатам, которые продолжили участие в Первой мировой войне в составе Русского легиона – от элитного соединения до колониальной части, – прослеживается по документам французского Генерального штаба: воины бывшей императорской армии изначально были приписаны к зуавам.

Особого внимания заслуживает позиция генерала А.Ж.М. Догана, который стремился сохранить русских офицеров и солдат в составе своей дивизии, несмотря на политические последствия выхода России из войны после заключения Брестского мира. В рапортах и письмах начальнику французского Генерального штаба командир Марокканской дивизии отмечал высокие боевые

качества военнослужащих Русского легиона, а также их переживания за судьбу Родины и близких, оставшихся в России. Однако эта оценка не изменила позиции французского Генерального штаба по отношению к бывшим военнослужащим Русской императорской армии: на уровне высшего командования сохранялось политическое недоверие к русским солдатам после революционных событий в России, Куртинского кризиса и выхода России из войны. Таким образом, французское верховное командование рассматривало солдат расформированных Особых бригад через призму политической ненадежности, тогда как их непосредственные командиры отмечали высокую боеспособность русских солдат и офицеров, проявленную в упорных боях 1918 г.

Ухудшение отношения к русским солдатам во Франции – от героев до предателей – подтверждается приказом французского Генерального штаба о создании комиссии по установлению инвалидности русских солдат: после демобилизации они получали недействительный на территории Советской России паспорт Временного правительства и единовременную выплату в размере 50 франков. В приказе подчеркивалось, что «русские солдаты не могли получать во Франции другие выплаты» и зачастую не считались ветеранами войны.

Процесс массового возвращения солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад был инициирован в конце 1918 г. французским Генеральным штабом и растянулся из-за нехватки кораблей для осуществления этой операции: даже раненые, которых должны были грузить на суда в первую очередь, ожидали отправки на Родину по несколько месяцев.

Глава 3. Послевоенная адаптация русских солдат и офицеров во Франции и России (1918 – середина 30-х гг. XX в.)

В этой главе на основе изучения личных документов военнослужащих и воспоминаний их потомков будет рассмотрен процесс адаптации русских солдат и офицеров во Франции и в России в послевоенный период.

Замалчивание во Франции подвига Русских Особых бригад привело к тому, что русские солдаты и офицеры в подавляющем большинстве случаев не делились своим опытом участия в Первой мировой войне, что затрудняет поиск материалов для изучения послевоенной жизни русских воинов.

В связи со столетним и столетилетним юбилеями начала Первой мировой войны и необходимостью переосмысления ее опыта и итогов, история этих людей вновь стала актуальной. В торжественных мемориальных мероприятиях стали принимать участие не только исследователи, но и потомки русских солдат и офицеров.

3.1. Адаптация части солдат и офицеров Русских Особых бригад к гражданской жизни во Франции

Оставшиеся во Франции солдаты и офицеры Русских Особых бригад стали вынужденными эмигрантами и начали новую жизнь во враждебной для себя обстановке, которая сложилась после Куртинского кризиса 1917 г. и выхода России из Первой мировой войны.

На основе личных документов и воспоминаний потомков, материалы которых публикуются нами впервые в авторском переводе на русский язык, мы проведем анализ процесса адаптации русских военнослужащих к гражданской жизни во Франции.

После новостей о Февральской революции в России личный состав Русских Особых бригад раскололся на приверженцев дальнейших революционных преобразований и оставшихся верными новому российскому правительству

офицеров и солдат. Так называемый Куртинский мятеж был подавлен в сентябре 1917 г., после чего французское правительство приняло решение расформировать Особые бригады. Отношение к русским солдатам во Франции резко ухудшилось, и их стали рассматривать как дезертиров.

3 марта 1918 г. в городе Брест-Литовске между представителями РСФСР и Центральных держав был заключен сепаратный мир. Выход России из войны был оценен во Франции как предательство. Таким образом, солдаты и офицеры Русских Особых бригад оказались во враждебно настроенной к ним стране.

При отсутствии официальной документации о послевоенной жизни солдат Русских Особых бригад процесс их адаптации к мирной жизни возможно рассмотреть на основе личных документов и воспоминаний их потомков.

Например, внучка Сергея Иванова, Клодин Симати, передала в 2022 г. французскому историку Р. Адаму документы деда, которые исследователь использовал для написания биографической статьи о нем⁴⁴⁰. Мы узнаем из этих материалов, что С. Иванов (1893–1947) до мобилизации в России занимался торговлей, а во время Первой мировой войны стал солдатом 12-й роты 1-го полка 1-й Русской Особой пехотной бригады. Во Франции он был ранен и госпитализирован накануне наступления Р.Ж. Нивеля 16 апреля 1917 г. После расформирования Русских Особых бригад Сергей женился на француженке в Витри-ле-Франсуа (департамент Марна), где устроился работать на фабрику по изготовлению глиняной посуды. На примере С. Иванова мы можем увидеть часто повторяющуюся судьбу русских солдат во Франции: мобилизация, отправка во Францию, участие в боевых действиях, Куртинский кризис, расформирование и прохождение через систему «триажа», знакомство с местными жителями, брак с иностранкой, работа на фабрике, получение французского гражданства.

Биография Егора Алексеевича Виноградова (1898–1959) соответствует описанной выше модели с той лишь разницей, что он прошел службу во французском Иностранном легионе.

⁴⁴⁰ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 2e partie de G à M. P. 23.

На основе его личных документов и воспоминаний его внучки, которая самостоятельно занималась архивными поисками, мы можем реконструировать его историю. Е.А. Виноградов был солдатом 2-й Особой пехотной бригады, которая вела бои на Салоникском фронте. 10 июня 1918 г., находясь в Эдессе на севере Греции, Е.А. Виноградов был зачислен в пулеметную роту 1-го полка Иностранного легиона. 6 сентября того же года в ходе боев под Суассоном он получил ранение. Помощь ему оказала французская сестра милосердия Элиза. За проявленное в бою мужество Е.А. Виноградов был произведен в капралы и награжден Военным крестом.

После демобилизации, состоявшейся 24 октября 1920 г., при содействии Элизы он устроился работать шофером. В 1923 г. они заключили брак. Французское гражданство Е.А. Виноградов получил 24 февраля 1927 г. как военнослужащий, «проливший кровь за Францию». Важно отметить, что французское правительство в послевоенный период поощряло русских солдат за службу в Иностранном легионе, но не учитывало их боевой опыт в составе Русских Особых бригад как государственную службу на благо Франции⁴⁴¹.

Показательно, что в карточке личности Е.А. Виноградов был записан как Жорж Виноградов. Это был характерный феномен для процесса адаптации русских солдат во Франции: в целях преодоления языкового барьера и облегчения повседневной коммуникации русские имена менялись на французские аналоги.

Внучка Е.А. Виноградова, Мишель Вагнер-Виноградова, рассказала в интервью: «Как и для многих русских солдат, оставшихся во Франции, главной заботой было устроиться в новой стране и обеспечить хорошее будущее детям. Уже позже я узнала, что дедушка называл своих сыновей и дочь "мои французские дети"»⁴⁴². Из этого фрагмента воспоминаний мы узнаем о том, что русские солдаты во Франции стремились создать семьи; забота о детях была для них приоритетной задачей и, вероятно, становилась одним из механизмов психологической адаптации в чужой стране. Неслучайно русский солдат

⁴⁴¹ Бочарова З.С., Голубева М.И. Указ. соч. С. 801.

⁴⁴² Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

использовал формулировку «мои французские дети», тем самым подчеркивая наличие семьи в России. Судя по воспоминаниям М. Вагнер-Виноградовой, ее дедушка в период с 1921 г. по 1959 г., то есть вплоть до своей смерти, поддерживал связь с семьей из России: «писал своим братьям и сестрам»⁴⁴³. Кроме того, он вспоминал о своей первой любви – девушке по имени Аня, «для которой он играл на балалайке и аккордеоне»⁴⁴⁴.

Служба в Иностранном легионе объединяет Е.А. Виноградова с уроженцем Иркутска Петром Горчаковым (1897–1942). П. Горчаков был мобилизован 20 мая 1916 г. Во Францию он отбыл 16 июля 1917 г. на борту корабля «Лотарингия», прибывшего в Брест. Из Бреста П. Горчаков по железной дороге проследовал в Марсель, где 4 августа вместе с другими русскими военными погрузился на пароход «Константин». 17 августа судно прибыло на Балканы.

П. Горчаков воевал на Салоникском фронте с 23 августа 1917 г. по 18 января 1918 г. Как и Е.А. Виноградов, Петр записался в Иностранный легион в Эдессе 13 июня 1918 г. В составе маршевого полка Иностранного легиона П. Горчаков сражался в Шампани. 23 февраля 1919 г. П. Горчаков был демобилизован.

В послевоенный период П. Горчаков поддерживал связи с бывшими сослуживцами и вместе с ними занимался журналистской подработкой. В 1923 г. он вступил в брак с итальянкой Ирэн Гризенди. В семье было 6 детей. Позднее они переехали в Марсель и поселились в квартале Эстак, где уже проживали другие бывшие русские военнослужащие вместе со своими семьями. В Марселе П. Горчакову удалось найти постоянную работу: он был принят шофером в местную «Электрификационную службу».

Отдельный интерес представляет сохранение П. Горчаковым личных связей, возникших еще до окончательного разрыва с прежней жизнью в России. Он продолжал переписку с Александрой, своей бывшей невестой, которая вышла замуж за австрийского военнопленного по фамилии Нентефель и переехала из

⁴⁴³ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁴⁴ Ibid.

Иркутска в Вену. Через Виктора Черемисова, сотрудника русского консульства, П. Горчаков получил из России балалайку, что свидетельствует о сохранении им личной и культурной связи с Родиной⁴⁴⁵.

Судьба Семена Дмитриевича Рыгачева (1891–1968) схожа с рассмотренными историями, но отличается тем, что его жена, Евгения Боннавантиор, происходившая из древнего графского рода, выйдя замуж за русского солдата, потеряла французское гражданство по Гражданскому кодексу Франции⁴⁴⁶.

Солдат 6-го полка 3-й Особой пехотной бригады Семен Дмитриевич Рыгачев после расформирования русских воинских частей был отправлен в Шампаньоль (департамент Юра, восток Франции) на лесозаготовки. Его перенаправили 21 мая 1919 г. в составе подразделения для сельскохозяйственных работ в деревню Ансье (департамент Верхняя Сона). С 1923 г. С.Д. Рыгачев работал на местном заводе. 30 июня 1925 г. он и его жена получили французское гражданство.

«Помню, как однажды нашел в сарае, – вспоминает из своего детства Ж.-П. Бульер, внук С.Д. Рыгачева, – в самом дальнем углу висевшие на гвозде солдатскую каску и штык. "Что это, дедушка?" – спросил я. Думаю, это был единственный раз, когда он сказал мне, что был солдатом во время Первой мировой войны. "Могу я взять их себе, дедушка?" – "Конечно, забирай". Через много лет я пообещал себе "сделать что-нибудь для тебя, дедушка"»⁴⁴⁷. В 2014 г. внук русского солдата посетил форт Помпель, где сражался и был ранен его дед. Несколько лет Ж.-П. Бульер собирал архивные материалы для книги о своем деде, которую опубликовал в 2019 г. Во введении внук привел такие слова о русском солдате, своем деде: «Это был хороший человек (С.Д. Рыгачев, дедушка автора. – П.П.). То, что он был русским (затем принял французское гражданство) и православным, увеличивало очарование, под которым я находился. Он нес в себе

⁴⁴⁵ Личные судьбы. URL: https://www.russkiebrigady.com/_a.htm (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁴⁶ Boulère J.-P. Op. cit. P. 227–230.

⁴⁴⁷ Ibid. P. 4.

тоску по родной земле, которую я смог назвать родной позже, намного позже»⁴⁴⁸. Из этих отрывков воспоминаний хорошо прослеживается тот факт, что русские солдаты избегали рассказов о своем прошлом даже в кругу семьи. Они не рассказывали не только о том, что служили в Русских Особых бригадах, но могли вообще не упоминать о своем участии в Первой мировой войне. Вероятно, в случае С.Д. Рыгачева на это также повлияло то, что его жена лишилась гражданства, выйдя за него замуж.

Табу на разговоры о службе в Русских Особых бригадах объединяет Семена Дмитриевича Рыгачева с Федором Николаевичем Мамонтовым, которому его жена Жанна запрещала рассказывать о его семье в России и встречаться с бывшими сослуживцами.

Солдат 3-й Особой пехотной бригады Федор Николаевич Мамонтов (1892–1977) в 1918 г. был зачислен в рабочую роту 4/2 и отправлен под Шартр (департамент Эр и Луар, центральная часть Франции). Иван и Мари Бельгу-Мамонтовы рассказали в интервью о своем дедушке, что французскому языку он научился в замке Увилль, где познакомился со своей будущей женой Жанной⁴⁴⁹.

Ф.Н. Мамонтов после демобилизации в 1919 г. уехал с Жанной в ее родной город Жевре-Шамбертен (департамент Кот-д'Ор, восток Франции). В апреле 1920 г. у них родилась Ольга, а в июне 1921 г. близнецы – Марсель и Режина; последняя впоследствии стала матерью Ивана и Мари Бельгу-Мамонтовых.

Семья Ф.Н. Мамонтова в 1922 г. переехала в Тиль-Шатель, где русский солдат, не говоривший по-французски, смог найти работу механиком на металлургическом заводе. «Жизнь не была легкой, – вспоминает в интервью рассказы матери М. Бельгу-Мамонтова, – они (семья Ф.Н. Мамонтова. – П.П.) имели мало средств к существованию. К тому же прибытие в маленькую деревеньку после войны русского вызывало любопытство и недоверие»⁴⁵⁰. По воспоминаниям матери Ивана и Мари Бельгу-Мамонтовых, им с сестрой было

⁴⁴⁸ Личные судьбы. URL: https://www.russkiebrigady.com/_a.htm (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁴⁹ Ibid.

⁴⁵⁰ Ibid.

психологически тяжело учиться во французской школе: «Нас называли "русскими", мы чувствовали себя не такими, как все»⁴⁵¹. Приведенный отрывок показывает, что слово «русские» могло использоваться в послевоенной Франции как ругательство, поэтому представляется вполне обоснованным, что солдаты Русских Особых бригад скрывали свое происхождение в целях собственной безопасности и безопасности своей семьи.

Ф.Н. Мамонтов выучил французский язык и открыл небольшое кафе. В карточке личности он был записан не как Федор, а как Теодор. Здесь мы, как и в случае с Егором-Жоржем Виноградовым, наблюдаем смену русского имени на французский аналог, что также являлось этапом адаптации к жизни в чужой стране.

Единственное, что запомнили о дедушке Иван и Мари Бельгу-Мамонтовы, — это его акцент, то, как он пел им «Калинку» и танцевал народные танцы. В 1994 г., спустя 17 лет после смерти Ф.Н. Мамонтова, Режина, мать Ивана и Мари Бельгу-Мамонтовых, отдала им чемодан с вещами деда. Потомки начали поиски в 1995 г. Значительных успехов им удалось достичь в 2014 г., когда в связи со столетием Первой мировой войны активизировались оцифровка архивных материалов, мемориальная деятельность и возрос исследовательский интерес к соответствующим фондам⁴⁵².

Схожие архивные поиски о судьбе своего прадеда с 2005 г. вела Моник Варакина, которая изучила фонды Национального архива Франции. Василий Варакин (1887–1932) был мобилизован в Русскую императорскую армию из села Верхняя Ахтуба (Астраханская губерния, ныне – Волгоградская область) и стал ефрейтором 8-го Московского гренадерского полка в августе 1914 г. (с 1905 г. он состоял в браке с Феодосией и на момент мобилизации уже был отцом двоих детей: Ивану исполнилось 8 лет, а Николаю – 6). В. Варакин был ранен в октябре 1914 г. во время боев на Юго-Западном фронте, после чего оказался в военном госпитале Орла. После выздоровления В. Варакин вернулся на фронт, где в ходе

⁴⁵¹ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁵² Ibid.

боевых действий оказался в плену. В 1916 г. он бежал из германского плена, а затем был отобран в Русские Особые бригады.

На Западном фронте В. Варакин снова попал в плен и был освобожден 22 ноября 1918 г. Из его личного дела, которое хранится в архиве города По (департамент Нижние Пиренеи, ныне – Атлантические Пиренеи), можно получить информацию, что после освобождения из плена он попал на Русскую базу в Лавале, а затем был определен в 18-й военный округ как солдат рабочей роты⁴⁵³.

В 18-м округе русские солдаты занимались сельскохозяйственными работами. 23 сентября 1919 г. В. Варакин был переведен в Бомарше (департамент Жер, юго-запад Франции), где познакомился с Михаилом Кононовым во время работы на виноградниках. М. Кононов происходил из деревни Лунино (Курская губерния, ныне – Курская область). В. Варакин и М. Кононов были демобилизованы 18 ноября 1919 г.

Благодаря содействию французского офицера, непосредственного начальника В. Варакина, семья русского солдата получила визу Международного Красного Креста и материальные средства на переезд во Францию в 1923 г. Из Царицына жена и сыновья русского солдата на поезде отправились в Ригу, где сели на корабль до французского порта Кале (департамент Па-де-Кале, север Франции).

Дочь М. Коконова пересказала в интервью рассказ отца о долгожданном воссоединении семьи Варакиных: «Феодосия посмотрела на Василия и сказала: "Я Вас не знаю!". Василий надел на встречу костюм. Элегантный мужчина с усами произвел на Феодосию огромное впечатление»⁴⁵⁴. Таким образом, русские солдаты в процессе адаптации к мирной жизни могли не только брать себе французские аналоги русских имен, но и копировать атрибуты внешнего вида французов.

Варакины проживали в городе По. Мужчины занимались низкооплачиваемым трудом: Василий и его старший сын Иван работали

⁴⁵³ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁵⁴ Ibid.

плотниками, а младший Николай – шофером. Единственное, что связывало их с Родиной, – посещение местной православной церкви.

Моник Варакина рассказала в интервью: «Однажды моя прабабушка Феодосия заплела мне волосы в одну красивую косу по русской традиции. В один из рождественских вечеров, когда мне было уже 14 лет, я решилась нарушить тишину. Получив в подарок глобус, я спросила Николая (сына Василия. – П.П.): "Дедушка, покажи мне, откуда ты родом!" Он взял в руки глобус и показал мне деревню в 30 километрах от Волгограда: "Я жил в избе, откуда открывался прекрасный вид на горизонт. Я купался в Волге, которая была неподалеку. Я не хотел покидать мой родной край. Наша мать продала все, что имела. В ходе нашего путешествия без возврата мы прибыли на московский вокзал, где царило болезненное беспокойство!». Особого внимания заслуживает фраза «нарушить тишину», использованная в приведенном отрывке: для русских солдат тема их службы в Русских Особых бригадах была табуированной и травматичной.

О своем участии в Первой мировой войне в составе Русских Особых бригад даже в кругу семьи не рассказывал и Архип Федорович Смирнов. Его внук вспоминал, что «однажды, перед смертью, дедушка попросил меня отвести его в церковь Нотр-Дам-дю-О в Роншампе (департамент Верхняя Сона). У дедушки было больное сердце, и я помогал ему карабкаться по дороге. Дедушке было нужно исповедаться и помолиться Богородице, которую он очень почитал. Когда мы вернулись домой, дедушка сделал мне неожиданный подарок: штык, револьвер и ружье, которые он прятал на протяжении десятилетий, и больше ничего мне не сказал»⁴⁵⁵. Это вдохновило потомка русского солдата начать собственные архивные поиски и совершить поездку в Россию, где он познакомился с проживающими в Смоленске русскими родственниками, которые сохранили личные документы их предка и поделились своими воспоминаниями о нем.

А.Ф. Смирнов (1897–1977) родился в уездном городе Варнавин (Костромская губерния, ныне – Нижегородская область). В 1915 г. он служил в

⁴⁵⁵ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

201-м запасном пехотном полку. Потомки не располагают информацией о том, как их предок попал в состав Русских Особых бригад, но сохранились документы о его участии в наступлении Р.Ж. Нивеля, в котором он был ранен в битве за Курси 16 апреля 1917 г.

А.Ф. Смирнов находился в госпитале в Бордо, когда часть личного состава Русских Особых бригад подняла восстание в Ля-Куртине. Из госпиталя он отправил своей жене Евдокии письмо, в котором сообщил, что «лишен свободы во Франции и что никогда уже не вернется в Россию»⁴⁵⁶. Несмотря на то что А.Ф. Смирнов не принимал участия в восстании нижних чинов, он, как и все русские солдаты, прошел через систему «триажа» и с конца 1917 г. по конец 1919 г. служил в рабочей роте 7/9 в Сален-ле-Бен (департамент Юра). А.Ф. Смирнов был уволен в «неоплачиваемый отпуск», не получал во Франции социальной помощи и не признавался ветераном войны.

Внуку русского солдата удалось выяснить, что А.Ф. Смирнов переписывался со своими родителями, Федором и Пелагеей, которые прекратили отвечать ему на письма в конце 1937 г. Солдат Русских Особых бригад «ни своему сыну, ни дочери, ни жене не рассказывал о войне и о той семье, которую оставил в России и не надеялся увидеть вновь»⁴⁵⁷, так как, вероятно, боялся поднимать тему своего происхождения и вынужденно покинутых им родственников.

Точно так же, как и А.Ф. Смирнов, другой русский солдат родом из Воронежской губернии Василий Гунин (1895–1966) втайне от своей французской семьи переписывался со своей матерью, которой он, как выяснили значительно позже его французские потомки, отправил фотографию своих детей. Переписка между сыном и матерью оборвалась в 1935 г., когда русский солдат перестал получать письма из России.

Ефрейтор 1-го Особого пехотного полка В. Гунин после Куртинского кризиса вступил в рабочую роту 3/1. Он был занят на восстановлении

⁴⁵⁶ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁵⁷ Ibid.

кафедрального собора в Руане (департамент Нижняя Сена, ныне – Приморская Сена). Затем работал над восстановлением Эба (департамент Арденны, северо-восток Франции), разрушенного германскими войсками в начале Первой мировой войны.

Во время пребывания в бельгийской деревне Уаньи вместе с другими русскими солдатами В. Гунин познакомился с Джулией, с которой вступил в брак в 1921 г. После свадьбы супруги переехали во Францию. В 1932 г. в семье родился первый ребенок. После этого В. Гунин получил французское гражданство. Всего в браке Василия и Джулии родилось восемь детей. В. Гунин устроился рабочим на завод в Фюмэ. В свободное время русский солдат занимался садом и работал в поле: пас коров, разводил кур и кроликов⁴⁵⁸.

На фоне ранее проанализированных историй выделяется судьба Жоржа Клере, предки которого эмигрировали из Франции в Россию в XIX в., а сам он вернулся на историческую Родину во время Первой мировой войны.

Прапорщик Ж. Клере исполнял обязанности переводчика при 1-й Особой пехотной бригаде. В 1916 г. он был переведен из 163-го запасного пехотного полка во 2-й Особый пехотный полк, входивший в состав 1-й Особой бригады под командованием генерала Н.А. Лохвицкого. Полком командовал полковник П.П. Дьяконов. Свободное владение Ж. Клере русским и французским языками послужило основанием для его назначения адъютантом командира полка.

Жена Жоржа, в девичестве Ольга Шляпина, приехала вслед за мужем во Францию на корабле через Дальний Восток. После войны они поселились в Аррасе (департамент Па-де-Кале), где у них родилось двое детей: Ольга и Ирина. В 1930 г. Ольга Шляпина и Жорж Клере развелись. Их внук, Алан Дотье, признался в интервью, что ему дорого все, связанное с Россией. Второе имя потомка офицера Русских Особых бригад выбрала бабушка – Павлик (именно такая форма русского имени была названа в проведенном интервью. – П.П.)⁴⁵⁹. Как видим, в данном случае внуку офицера Русских Особых бригад было дано

⁴⁵⁸ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

⁴⁵⁹ Ibid.

второе русское имя. Однако важно учитывать, что Ж. Клере имел французское происхождение, процесс его адаптации, вероятно, шел проще, чем аналогичный процесс у русских солдат. Кроме того, примечателен тот факт, что второе имя во французской культуре используется крайне редко в повседневной жизни.

Другим офицером Русских Особых бригад, который решил продолжить жить во Франции после Гражданской войны на его Родине, был Николай Александрович Лохвицкий (1867–1933). После перемирия 11 ноября 1918 г. он и его жена, Анна Николаевна Лохвицкая, переехали в дом 49 на улице Лемерсье, в 17-м округе Парижа. Оставив жену во Франции, Н.А. Лохвицкий отправился в Россию для того, чтобы принять участие в Гражданской войне на стороне белых сил.

Н.А. Лохвицкий присоединился к адмиралу А.В. Колчаку и получил командование корпусом на Урале. После поражения Белого движения на Востоке России и последующей службы в Дальневосточной армии генерал Н.А. Лохвицкий вернулся в Париж.

Несмотря на боевой опыт и престижные награды (Георгиевские ордена 3-й и 4-й степеней, Георгиевское оружие и степень командора Почетного легиона), генерал Н.А. Лохвицкий не получал во Франции пенсии как ветеран войны. Бывший командир 1-й Особой бригады был вынужден работать упаковщиком подарков в «Галери Лафайет» вплоть до своей смерти.

В 2013 г., в преддверии празднеств в честь столетия Первой мировой войны, посол России во Франции А.К. Орлов обратился к внуку генерала Н.А. Лохвицкого Бернару-Ноэлю Бидо с предложением поставить на могиле его деда памятник с текстом: «Герой России»⁴⁶⁰.

Солдаты и офицеры Русских Особых бригад не знали наверняка, ждут ли их на Родине. Но было известно, что в России бушует Гражданская война. Многие из них, пройдя через огонь мировой войны, мятеж и печальное расформирование, не хотели снова браться за оружие. Как справедливо отмечает Ж.-П. Бульер: «По религиозным или политическим причинам, например, влюбившись, они (русские

⁴⁶⁰ Личные судьбы. URL: <https://www.russkiebrigady.com/.a.htm> (дата обращения: 09.10.2025).

солдаты. – П.П.) остались во Франции, несмотря на незнание языка, создав здесь свои семьи»⁴⁶¹.

Для анализа послевоенной адаптации бывших военнослужащих важен тезис Е.С. Сениявской о «проблеме выхода из войны». Исследовательница подчеркивает, что возвращение к мирной жизни предполагает не только бытовое устройство, но и сложную психологическую перестройку: военнослужащий переносит в гражданскую среду фронтовые формы поведения, особые ценностные установки и ощущение принадлежности к военному поколению⁴⁶². Поэтому адаптация бывшего военнослужащего зависит не только от материального положения, трудоустройства или семейной жизни, но и от того, признает ли общество его военный опыт и предоставляет ли ему возможность встроить этот опыт в новую мирную идентичность. Для русских солдат во Франции этот процесс был осложнен тем, что французское общество не признавало их своей частью. В этих условиях одной из стратегий адаптации становился частичный отказ от публичного проявления российской идентичности. Это способствовало включению их детей во французское общество, хотя одновременно вело к ослаблению семейной памяти о военном опыте предков.

Объединение военнослужащих расформированных Русских Особых бригад во Франции происходило на основе православной веры и необходимости упокоения по православному обряду русских воинов, погибших во Франции. Других форм объединения русских солдат и офицеров во Франции выявлено не было.

Первые общества памяти расформированных Русских Особых бригад были созданы русскими офицерами, которые продолжили воинскую службу после сентября 1917 г. в составе Русского легиона. В 1923 г. во Франции было образовано «Общество бывших офицеров – участников войны на французском фронте». Целью общества было поддержание в должном состоянии православного храма и могильных плит на кладбище Сент-Илер-ле-Гран

⁴⁶¹ Boulère J.-P. Op. cit. P. 217.

⁴⁶² Сениявская Е. С. Психология войны в XX веке... С. 94–97.

(департамент Марна), куда с 1922 г. привозили останки солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад. Члены общества на собственные средства в 1934 г. купили этот участок земли.

В 1932 г. иеромонах Алексей с братьями Иосафом и Варлаамом на территории Сент-Илер основали Скит Всех Святых в Земле Русской просиявших, который стал одним из центров объединения солдат бывшей Русской императорской армии во Франции.

Композитор С.В. Рахманинов в 1936 г. пожертвовал 12 тыс. франков на строительство храма в Сент-Илер. Храм-памятник во имя Воскресения Христова по проекту А.А. Бенуа был заложен в том же году и освящен митрополитом Евлогием в 1937 г.⁴⁶³

В первой половине XX в. не существовало государственных программ по сохранению воинских захоронений военнослужащих Особых бригад. Русский эмигрант Н. Ряшенцев посетил место упокоения русских солдат в Зейтенлике (Греция) в 1919 г. и описал общее состояние кладбища: «Тяжело и грустно мне было, когда я увидел здесь слишком убогие русские могилки. Только и видно одни старые деревянные кресты с надписями умерших, да и то требуют обязательного ремонта. Тяжелее и обиднее становилось при мысли: неужели мы, русские, настолько бедны, что не имеем средств воздать должное своим товарищам, или, быть может, те, останки которых здесь похоронены, недостойны нашего уважения, братской любви или лаврового венка?»⁴⁶⁴.

И только в конце XX в., в 1998 году, на средства Министерства обороны Франции, в ведении которого находятся военные захоронения, была проведена реставрация надгробных памятников на кладбище Сент-Илер, где покоятся русские солдаты и офицеры, и были обновлены именные таблички⁴⁶⁵. М.К. Чиняков привел пример деятельности российского активиста С.В. Дыбова, который в 2015 г. обратился к Российскому военно-историческому обществу с

⁴⁶³ Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в. С. 107–109.

⁴⁶⁴ Там же. С. 120–121.

⁴⁶⁵ Там же. С. 109.

письмом, что на кладбище Сент-Илер с некоторых крестов пропала надпись: «Русский солдат». Эти слова на крестах были восстановлены⁴⁶⁶.

В 1990 г. после смерти последних русских воинов «Общество бывших офицеров» было переименовано в «Общество памяти Русского экспедиционного корпуса». Оно объединило всех неравнодушных к истории боевого пути русских солдат во Франции. Члены Общества поставили перед собой цель устанавливать памятники русским солдатам и офицерам как можно более близко к местам боев, в которых участвовали Особые бригады.

Анализ десяти судеб участников Русских Особых бригад, которые приняли решение остаться во Франции, позволил нам сделать следующие выводы: почти все они (9 из 10) работали на низкооплачиваемых должностях — шофер, рабочий, механик, упаковщик подарков. Почти все изученные биографии русских солдат и офицеров (8 из 10) показывают, что они женились во Франции на гражданках этой страны и создали новые семьи. Ни один из известных нам участников Особых бригад не получил во Франции социального обеспечения как ветеран Первой мировой войны. Судьбы подавляющего большинства рассмотренных нами бывших военнослужащих Русской императорской армии не отражены в исследовательской литературе, а восстановлены по личным документам и воспоминаниям потомков, впервые использованным нами в авторском переводе на русский язык. Последнее объясняется замалчиванием подвига русских солдат во Франции и их нежеланием делиться своей историей во враждебной для них атмосфере.

Сохранение памяти о русском воинском контингенте во Франции зависело от политического контекста. Первые общества памяти во Франции были созданы самими бывшими солдатами и офицерами Русских Особых бригад, которые заботились о захоронениях своих погибших товарищей в соответствии с православными ритуалами.

⁴⁶⁶ Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в. С. 106.

3.2. Возвращение части русских военнослужащих в Россию

В то время как одна часть русских солдат и офицеров после завершения Первой мировой войны приняла решение остаться во Франции, другая их часть вернулась в Россию. В 1924 г. между Францией и Советской Россией были установлены дипломатические отношения. Во Франции регистрация русских солдат, желавших вернуться в СССР, продолжалась до 12 декабря 1925 г.⁴⁶⁷

Как правило, вернувшиеся в Россию солдаты были сторонниками советской власти и во время Куртинского восстания 1917 г. поддержали противников Временного правительства. Это событие отрицательно сказалось на консолидации русских воинов в межвоенный период: они были разделены на восставших и лояльных Временному правительству военнослужащих. Тот же процесс Е.С. Сениявская отмечает у участников Гражданской войны в России, когда бывшие товарищи по оружию оказались в разных противоборствующих лагерях и стали врагами⁴⁶⁸.

Михаил Иванович Волков находился в лагере Ля-Куртин, где был арестован и отправлен на остров Экс. После возвращения в Россию он посетил Петроград, затем Москву и работал в «Обществе бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах»⁴⁶⁹.

Жизнь М.И. Волкова была во многом определена его участием в Куртинском кризисе, когда он поддержал восставших против Временного правительства солдат. После отбывания наказания во французской тюрьме он вернулся в Россию⁴⁷⁰.

В ряд описанных выше историй вписывается судьба Павла Федоровича Карева (1894–?), который был унтер-офицером в составе 2-го Особого пехотного

⁴⁶⁷ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 4. С. 75.

⁴⁶⁸ Сениявская Е.С. Человек на войне... С. 7–16.

⁴⁶⁹ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G.* P. 15.

⁴⁷⁰ Ibid.

полка 1-й Русской Особой бригады. Во время Куртинского кризиса он оказался на стороне восставших, а после подавления восстания отказался вступить в Русский легион и рабочие роты, за что был осужден к лишению свободы. После освобождения отправился в Россию, где был приглашен на личную встречу с В.И. Лениным. В 1937 г. опубликовал воспоминания «Нас не укротили»⁴⁷¹.

Рассмотренные выше биографии напоминают историю Афанасия Петровича Глобы (1892–1938). Сначала он воевал на Восточном фронте, а затем вступил в состав 1-й Русской Особой пехотной бригады. А.П. Глоба был выбран руководителем солдатского комитета в лагере Ля-Куртин. После завершения Куртинского кризиса он был отправлен французами в заключение в форт Льедо на острове Экс. После расформирования Русских Особых бригад вернулся на Родину⁴⁷².

Как и другие описанные в этом параграфе русские солдаты, Иван Иванович Балтайс был в числе восставших во время Куртинского кризиса 1917 г. Он был включен в состав 8-й роты 2-го Особого пехотного полка. Во время боев во Франции был тяжело ранен в ногу и получил Военный крест. До конца июля 1917 г. оставался в составе революционного комитета в Ля-Куртине: с некоторыми другими солдатами он агитировал сослуживцев требовать у офицеров возвращения на Родину. После подавления Куртинского мятежа в сентябре 1917 г. Балтайс был арестован и отправлен в тюрьму Лаботьер (департамент Жиронда). Позже был переведен в форт Льедо на острове Экс в феврале 1918 г., где оставался вплоть до своего возвращения в Россию⁴⁷³.

Заметную роль в солдатском движении 1-й Особой пехотной бригады во Франции играл Петр Кидяев. Весной 1917 г. П. Кидяев принимал активное участие в деятельности солдатских выборных органов. В ходе апрельского наступления Р.Ж. Нивеля 1917 г. он был ранен во время боев у деревни Курси и

⁴⁷¹ Карев П.Ф. Нас не укротили... С. 151–153.

⁴⁷² Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 2e partie de G à M. P. 22.

⁴⁷³ Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G. P. 14–15.

некоторое время находился на лечении во французском госпитале. После выздоровления П. Кидяев вернулся в лагерь Ля-Куртин, где стал одним из сторонников возвращения русских войск на Родину.

После пребывания во Франции П. Кидяев отправился в Россию. Его воспоминания о боевом пути русских военнослужащих во Франции были опубликованы под названием «В кровавых лапах "прекрасной" Франции» в сборнике «Октябрь за рубежом». В этом тексте Куртинское восстание было показано, прежде всего, как часть революционной борьбы русских солдат⁴⁷⁴.

Как и П. Кидяев, в мятеже в лагере Ля-Куртин участвовал Артем Вавилов. Его биография представляет особый интерес для изучения социальной адаптации нижних чинов, поскольку оставленные им воспоминания позволяют проследить путь военнослужащего от мобилизации и пребывания во Франции до возвращения в Россию.

А. Вавилов происходил из семьи бедных крестьян, ушедших на промысел в город; с детского возраста он был вынужден заниматься наемным трудом. Семья неоднократно меняла место жительства, переместившись сначала в район Кривого Рога (Херсонская губерния), затем в Семиречье (Семиреченская область). 15 мая 1915 г. А. Вавилов был призван на военную службу. В дальнейшем он был включен в состав 2-го Особого пехотного полка 1-й Особой пехотной бригады, отправленной во Францию⁴⁷⁵.

После Куртинского кризиса судьба А. Вавилова оказалась связана с примененными французскими властями мерами изоляции и трудового использования бывших военнослужащих русского воинского контингента. Он был арестован и находился в заключении в Бордо, после чего был привлечен к принудительным работам. В частности, А. Вавилов описывал тяжелые условия труда на каменоломне, где русским солдатам продолжительное время не выплачивали заработанные деньги⁴⁷⁶.

⁴⁷⁴ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 2e partie de G à M. P. 24.

⁴⁷⁵ Вавилов А. Указ. соч. С. 11–13, 25–26.

⁴⁷⁶ Там же. С. 52–59.

Стремление вернуться на Родину определило дальнейшую стратегию поведения А. Вавилова. Вместе с семьей товарищами он подготовил побег и в начале января 1918 г. пересек франко-швейцарскую границу. Оказавшись в Швейцарии, А. Вавилов не рассматривал эту страну как место постоянной эмиграции и последовательно добивался возможности возвращения в Россию. В конце июня 1918 г. группа бывших русских военнослужащих выехала из Швейцарии через Германию, а 3 июля 1918 г. была передана германскими властями представителям российской стороны⁴⁷⁷.

После возвращения на Родину А. Вавилов, по сведениям, приведенным в предисловии к опубликованным в 1927 г. воспоминаниям, проживал в Смоленске, работал в местной артели инвалидов и состоял в ВКП(б)⁴⁷⁸.

Таким образом, биография А. Вавилова позволяет выделить особую стратегию послевоенной адаптации части бывших военнослужащих Русских Особых бригад, которые стремились, преодолев множество преград, вернуться в Россию. В отличие от солдат, оставшихся во Франции и постепенно интегрировавшихся во французское общество, А. Вавилов сознательно отказался от перспективы постоянного проживания за границей. Возвращение на Родину являлось для него самостоятельной целью, для достижения которой он пошел на побег из-под французской системы контроля. В Советской России его адаптация проходила посредством включения в трудовую деятельность и новую политическую систему.

Другим показательным примером возвращения бывшего военнослужащего Русских Особых бригад является судьба Дмитрия Ульяновича Лисовенко – также непосредственного участника событий в лагере Ля-Куртин. Во время Куртинского кризиса он примкнул к солдатскому движению и входил в состав Совета солдатских депутатов лагеря⁴⁷⁹.

⁴⁷⁷ Вавилов А. Указ. соч. С. 56–63.

⁴⁷⁸ Там же. С. 3.

⁴⁷⁹ Лисовенко Д. У. Указ. соч. С. 144–145.

После подавления восстания Д.У. Лисовенко был арестован. 20 сентября 1917 г. вместе с А.П. Глобой и другими представителями выборных органов солдат он оказался в руках французских властей и впоследствии содержался в военной тюрьме в Бордо. В декабре 1917 г. группа из тридцати заключенных была отправлена на остров Экс, после чего Д.У. Лисовенко работал на принудительных работах в районе Безансона (департамент Ду, восток Франции)⁴⁸⁰.

Пребывание на работах не изменило его стремления вернуться в Россию. Вместе с членом полкового комитета Козловым Д.У. Лисовенко подготовил побег. В ночь с 17 на 18 января 1918 г. они пересекли французско-швейцарскую границу. Помощь в подготовке побега им оказал местный житель, предоставивший карту и компас. Бывший военнослужащий Русских Особых бригад подчеркивал, что не считал себя дезертиром и стремился как можно скорее вернуться на Родину⁴⁸¹.

Д.У. Лисовенко с февраля 1918 г. работал в долине Роны в швейцарском кантоне Вале⁴⁸². Тяжелые условия труда привели к конфликту рабочих со швейцарскими работодателями. Д.У. Лисовенко участвовал в организации протеста и был арестован как его руководитель, после чего оказался в тюремной колонии Бельшасс. Возможность возвращения на Родину появилась благодаря вмешательству советской дипломатической миссии. Летом 1918 г. Д.У. Лисовенко был освобожден, а в июле вернулся в Россию. В начале августа 1918 г. он вступил в 1-ю коммунистическую роту одного из формировавшихся в Воронеже полков Красной армии⁴⁸³.

Биография Д.У. Лисовенко демонстрирует иную модель адаптации, при которой возвращение русского солдата на Родину сразу сопровождалось его включением в новый вооруженный конфликт. Опыт Первой мировой войны, Куртинского кризиса, тюремного заключения и принудительного труда не привел его к отказу от военной службы: после возвращения он включился в Гражданскую

⁴⁸⁰ Лисовенко Д.У. Указ. соч. С. 289–291.

⁴⁸¹ Там же. С. 291–294.

⁴⁸² Там же. С. 295.

⁴⁸³ Там же. С. 297–298.

войну уже в составе Красной армии. В этом отношении его жизненный путь позволяет связать опыт Русских Особых бригад с последующим формированием кадров вооруженных сил Советской России.

Боевое участие в Гражданской войне в России сближает Д.У. Лисовенко с Родионом Яковлевичем Малиновским (1898–1967), будущим Маршалом Советского Союза и министром обороны СССР.

В начале 1916 г. Р.Я. Малиновский оказался в составе пулеметного расчета 2-го Особого пехотного полка 1-й Особой пехотной бригады, предназначенной для отправки на Западный фронт. Вместе с другими военнослужащими он совершил длительный путь через Сибирь и Дальний Восток, после чего русский воинский контингент был перевезен морем во Францию. В апреле 1916 г. 1-я Особая пехотная бригада прибыла в Марсель, где русским военнослужащим местными жителями была организована торжественная встреча⁴⁸⁴.

В лагере Майи Р.Я. Малиновский прошел дополнительную военную подготовку и освоил современное французское вооружение. В этот период происходило переформирование пулеметных подразделений⁴⁸⁵.

Фронтальная служба Р.Я. Малиновского во Франции началась летом 1916 г. После перехода через Шалон и Мурмелон (департамент Марна) русские подразделения заняли позиции в Шампани. В автобиографическом романе Р.Я. Малиновский подробно воспроизвел повседневность позиционной войны: устройство траншей и ходов сообщения, ночные дежурства, артиллерийские обстрелы, работа пулеметных расчетов, действия патрулей и взаимодействие русских подразделений с французской артиллерией. Р.Я. Малиновский как командир пулеметного расчета находился на выдвинутом вперед боевом посту и непосредственно участвовал в отражении действий противника. Во время одного из боев он получил контузию, однако после восстановления продолжил участие в боевых действиях⁴⁸⁶.

⁴⁸⁴ Малиновский Р.Я. Солдаты России. С. 168–184.

⁴⁸⁵ Там же. С. 192–204.

⁴⁸⁶ Там же. С. 211–232.

Р.Я. Малиновский подробно описал подготовку к наступательной операции на Западном фронте: артиллерийский обстрел, определение ориентиров, организация взаимодействия пехоты и пулеметчиков, а также продвижение атакующих непосредственно за подвижным артиллерийским огневым валом. Таким образом, можно изучить боевое участие Русских Особых бригад не только на оперативном уровне, но и через индивидуальный опыт командира пулеметного расчета⁴⁸⁷.

Наиболее тяжелым этапом службы Р.Я. Малиновского в составе 1-й Особой пехотной бригады стало апрельское наступление Р.Ж. Нивеля 1917 г. Его пулеметный расчет продвигался вслед за другими пехотинцами и переносил оружие на занятые рубежи, обеспечивая прикрытие атакующим подразделениям. Находясь под интенсивным пулеметным огнем противника, Р.Я. Малиновский получил тяжелое ранение в левую кисть. Несмотря на значительную кровопотерю, он передал командование другому военнослужащему и самостоятельно добрался до перевязочного пункта, где потерял сознание. Последующее лечение проходило в нескольких французских медицинских учреждениях. Первоначально существовала угроза ампутации поврежденной руки, однако конечность удалось сохранить⁴⁸⁸.

После продолжительного лечения Р.Я. Малиновский принял решение вернуться к боевой службе уже в составе французских войск. В начале 1918 г., находясь в Сен-Серване (департамент Иль и Вилен, запад Франции), он подписал контракт и оказался в составе Марокканской дивизии. Из-за последствий полученных ранее ранений первоначально ему поручили обслуживание транспорта, однако впоследствии он вновь стал пулеметчиком⁴⁸⁹.

Весной 1918 г. Марокканская дивизия участвовала в отражении германского наступления на Западном фронте. 24–26 апреля она была

⁴⁸⁷ Малиновский Р.Я. Солдаты России. С. 238–245.

⁴⁸⁸ Там же. С. 244–254.

⁴⁸⁹ Там же. С. 355–357.

переброшена в район Виллер-Бретонне (департамент Сомма), где должна была участвовать в ликвидации германской угрозы Амьену⁴⁹⁰.

В конце мая 1918 г., во время нового наступления германской армии в районе Суассона, Р.Я. Малиновский вновь был назначен командиром пулеметного расчета. 28 мая Марокканскую дивизию подняли по тревоге и направили в район Домьера, Шодена и Мисси-о-Буа (департамент Эна). В последовавших боях Р.Я. Малиновский лично управлял огнем пулемета, а после гибели наводчика занял его место и обстреливал наступавшую германскую пехоту. Этот эпизод свидетельствует о накопленном Р.Я. Малиновским к 1918 г. значительном опыте применения пулеметного вооружения в условиях оборонительного боя⁴⁹¹.

Следующий тяжелый бой произошел 12 июня 1918 г. в районе Амблени. Германская атака началась после интенсивной артиллерийской подготовки, сопровождавшейся применением химических боеприпасов. Пулеметный расчет Р.Я. Малиновского участвовал в отражении наступления, вел огонь по германской пехоте и поддерживал соседние подразделения в условиях нарушения связи и угрозы обхода занимаемых позиций. Описание этого боя особенно показательным с точки зрения приобретенного Р.Я. Малиновским практического опыта: выбор и маскировка пулеметной позиции, организация огня, обеспечение пулеметного расчета боеприпасами и взаимодействие с другими отрядами⁴⁹².

18 июля 1918 г. Р.Я. Малиновский участвовал в контрнаступлении союзников из района Виллер-Котре в направлении Суассона. Марокканская дивизия действовала в составе X французской армии. Наступление осуществлялось при поддержке танков, за которыми продвигались пехотные и пулеметные подразделения. Для Р.Я. Малиновского этот опыт был существенно иным по сравнению с позиционными боями 1916–1917 гг.: он непосредственно

⁴⁹⁰ Малиновский Р.Я. Солдаты России. С. 368–369.

⁴⁹¹ Там же. С. 372–374.

⁴⁹² Там же. С. 378–379.

наблюдал применение танков во взаимодействии с пехотой и пулеметными расчетами в условиях наступательной операции⁴⁹³.

Последним крупным этапом боевой службы Р.Я. Малиновского во Франции стали операции августа–сентября 1918 г. в районе Суассона и «линии Гинденбурга». В ночь с 1 на 2 сентября Марокканская дивизия сменила американские части и перешла в наступление. Р.Я. Малиновский участвовал в тяжелых боях в районе Терни-Сорни. В последующие дни Марокканская дивизия продолжила наступательные действия против укрепленных германских позиций. Р.Я. Малиновский выделил в боевой истории соединения военные действия 2, 4 и 14 сентября, в результате которых французские войска прорвали оборону противника. За участие в этой операции Р.Я. Малиновский получил Военный крест⁴⁹⁴. Таким образом, проходя службу в составе Русских Особых бригад и Иностранного легиона, будущий Маршал Советского Союза получил опыт применения современного вооружения в позиционной войне, а также впервые принял участие в оборонительных и наступательных операциях с применением танков.

По возвращении в Россию Р.Я. Малиновский принял решение вступить в Красную армию. Когда у него обнаружили французские военные награды, его посчитали шпионом и чуть не расстреляли. Однако будущий Маршал не растерялся и в разговоре с солдатами сумел доказать свою лояльность Советской Родине⁴⁹⁵.

После Гражданской войны в России Р.Я. Малиновский в 1923 г. был назначен на должность командира батальона 243-го стрелкового полка, а в 1927–1930 гг. проходил обучение в Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. В 1937–1938 гг. полковник Р.Я. Малиновский был отправлен в командировку в Испанию. С 1939 г. занимал должность старшего преподавателя кафедры службы штабов в Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе⁴⁹⁶.

⁴⁹³ Малиновский Р.Я. Солдаты России. С. 384–390.

⁴⁹⁴ Adam R. Histoire des soldats russes... P. 266.

⁴⁹⁵ Малиновский Р.Я. Первая память... С. 631–632.

⁴⁹⁶ Соколов Б.В. Указ. соч. С. 690–691.

Боевую славу и высокую оценку стратегических талантов Р.Я. Малиновский получил уже в ходе Великой Отечественной войны. Однако боевой опыт, полученный во Франции, стал одним из факторов его последующего профессионального роста. В 1957 г. Р.Я. Малиновский был назначен на пост министра обороны СССР, на котором находился до своей смерти⁴⁹⁷.

Не только солдаты, но и некоторые офицеры приняли решение вернуться в Россию. Полковник Павел Павлович Дьяконов (1878–1943), командир 2-го Особого пехотного полка, в 1917 г. был назначен Временным правительством на должность военного агента в Великобритании. Затем в период между мировыми войнами он стал секретным агентом советской внешней разведки⁴⁹⁸. Он собирал сведения о деятельности Русского общевойскового союза и передавал их в СССР, а также участвовал в похищении генерала А.П. Кутепова в Париже⁴⁹⁹.

Судьбу П.П. Дьяконова во многом повторил Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954), который с 1908 г. служил военным агентом в скандинавских странах, а в 1912 г. занял пост военного агента во Франции. Именно он занимался координацией между командованием Русских Особых бригад и военно-политическим руководством Франции. Одной из заслуг графа А.А. Игнатьева является согласование в 1915 г. с фирмой «Шнейдер» поставок современных артиллерийских снарядов в Россию⁵⁰⁰.

А.А. Игнатьев участвовал в подготовке условий для прибытия Русских Особых бригад во Францию. По его воспоминаниям, одной из важнейших организационных проблем стало обеспечение русских войск переводчиками. По инициативе военного агента осуществлялся поиск франкоязычных военнослужащих, владевших русским языком, а французские боевые уставы были переведены на русский язык и напечатаны для использования русскими частями.

⁴⁹⁷ Соколов Б.В. Указ. соч. С. 691–692.

⁴⁹⁸ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 1re partie de A à G. P. 17.

⁴⁹⁹ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой... С. 149–150.

⁵⁰⁰ Там же. С. 31.

А.А. Игнатьев также лично прибыл в Марсель для встречи 1-й Особой бригады⁵⁰¹.

После Февральской революции 1917 г. деятельность А.А. Игнатьева во Франции проходила в принципиально новых политических условиях. Он принес присягу Временному правительству и продолжил выполнять свои функции, прежде всего, в сфере снабжения войск. При этом революционные процессы непосредственно затронули находившиеся во Франции русские подразделения. В воспоминаниях А.А. Игнатьева отмечено стремление значительной части солдат вернуться на Родину, падение доверия к командному составу и рост числа жалоб нижних чинов. А.А. Игнатьев продолжал заниматься хозяйственными вопросами, в том числе добивался выплаты жалованья и оказания помощи раненым русским военнослужащим.

По оценке А.А. Игнатьева, именно наступление Р.Ж. Нивеля 1917 г. стало важным рубежом в истории Русских Особых бригад. Он отдельно отмечал участие 1-й и 3-й Особых бригад в апрельском наступлении и высоко оценивал роль русских солдат в этой операции. В то же время А.А. Игнатьев отмечал, что большие потери и отсутствие стратегического успеха окончательно подорвали веру военнослужащих в победу и усилили кризис дисциплины. После этого ему приходилось все чаще заниматься не только вопросами снабжения, но и многочисленными жалобами и материальными проблемами солдат⁵⁰².

В.Б. Прозорова считает, что А.А. Игнатьев также внес большой вклад в сдерживание Гражданской войны в России: он не финансировал ни красных, ни белых и затягивал с передачей французам артиллерии, снарядов и патронов для интервенции в Россию⁵⁰³. В 1937 г. Игнатьев вернулся в Россию, где служил в Красной армии и преподавал в военных учебных заведениях, а позже написал книгу воспоминаний «Пятьдесят лет в строю»⁵⁰⁴.

Некоторые русские офицеры, точное количество которых неизвестно, движимые, вероятно, патриотическими чувствами, вернулись на Родину, которая

⁵⁰¹ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 608–610.

⁵⁰² Там же. С. 635–640.

⁵⁰³ Прозорова В.Б. Указ. соч. С. 365.

⁵⁰⁴ Игнатьев А.А. Указ. соч.

была заинтересована в квалифицированных кадрах для военной и дипломатической службы.

С историей Русских Особых бригад во Франции в 1917 г. была связана и деятельность русского поэта Николая Степановича Гумилева (1886–1921). Направлявшийся к русским войскам на Салоникский фронт Н.С. Гумилев летом 1917 г. был оставлен в Париже в распоряжении генерал-майора М.И. Занкевича.

В июле 1917 г. Н.С. Гумилев был привлечен к работе при комиссаре Временного правительства Е.И. Раппе. С 24 июля 1917 г. он находился под его командованием и выполнял функции офицера для поручений. Это положение было официально закреплено приказом по русским войскам во Франции № 51 от 23 августа 1917 г., согласно которому прапорщик Н.С. Гумилев назначался в распоряжение комиссара Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов при русских войсках во Франции.

На службе при комиссаре Е.И. Раппе Н.С. Гумилев выполнял административные и организационные поручения, составлял служебные документы и вел переписку с представителями выборных органов русских военнослужащих. В частности, сохранилось его письмо председателю Отрядного комитета прапорщику Джинории от августа 1917 г. о передаче литературы для распространения среди солдат.

Служебная деятельность Н.С. Гумилева также оказалась непосредственно связана с Куртинским кризисом. Он участвовал в документировании процесса мятежа нижних чинов в Ля-Куртине. Подготовленные им материалы были использованы генерал-майором М.И. Занкевичем при составлении отчетов военному министру России. После подавления солдатского мятежа Н.С. Гумилев продолжал службу при Е.И. Раппе, а в 1918 г. вернулся в Россию, где в августе 1921 г. был расстрелян по постановлению органов ВЧК по обвинению в участии в «Петроградской боевой организации Таганцева», а 30 сентября 1991 г. решением Верховного суда СССР был реабилитирован посмертно⁵⁰⁵.

⁵⁰⁵ Adam R. *Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France*. 2e partie de G à M. P. 22.

Вернувшиеся в Россию военнослужащие Особых бригад испытывали потребность в сохранении связей с бывшими сослуживцами. Однако если во Франции русские солдаты и офицеры были вынуждены скрывать свое национальное происхождение, то на Родине их участие в боях на Западном и Салоникском фронтах могло оцениваться как признак политической неблагонадежности. Бывшие военнослужащие Русской императорской армии должны были переосмыслить собственный военный опыт и найти место в советском обществе.

Проводившаяся в СССР политика формирования памяти о Первой мировой войне стала причиной создания организации бывших военнослужащих Русских Особых бригад – «Общества бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах». Устав Общества был утвержден председателем Совета народных комиссаров СССР А.И. Рыковым 13 февраля 1925 г. В задачи Общества входили сбор, сохранение, изучение и публикация материалов о пребывании русских военнослужащих во Франции и на Балканах, в том числе сведений об их последующей отправке на принудительные работы в Северную Африку, а также увековечение памяти погибших. Общество имело право проводить съезды, совещания, конференции и вечера воспоминаний, создавать клубы и читальни, направлять своих представителей для сбора исторических материалов⁵⁰⁶.

Общество занималось также мемориальной деятельностью. В частности, 21 мая 1925 г. его члены обратились в Народный комиссариат иностранных дел СССР с предложением поставить перед французскими властями вопрос об увековечении памяти русских солдат, погибших во время восстания в лагере Ля-Куртин в 1917 г., а также военнослужащих, умерших в концентрационных лагерях Северной Африки⁵⁰⁷.

В 1927 г. в руководящих партийных структурах обсуждалось создание объединенного «Общества бывших участников и жертв империалистической

⁵⁰⁶ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 158.

⁵⁰⁷ Бочарова З.С. Указ. соч. С. 144–145.

войны». В число объединений, которые предполагалось включить в эту структуру, входило и «Общество бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах». Примечательно, что основной целью нового объединенного общества было «предотвращение возникновения империалистических войн». В 1930-е гг. деятельность подобных организаций была свернута, а часть их участников впоследствии подверглась репрессиям⁵⁰⁸.

Следующая волна создания обществ памяти пришла уже на начало XXI в., когда проводились посвященные юбилею окончания Первой мировой войны торжественные мероприятия. Например, с 16 по 18 мая 2019 г. в Москве в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына прошла Первая международная научная конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы», организованная Фондом «Общество памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)» и Центральным музеем Вооруженных Сил Российской Федерации⁵⁰⁹.

Анализ одиннадцати известных нам судеб участников Русских Особых бригад во Франции, которые решили вернуться в Россию, позволил сделать следующие выводы. Большинство из них (7 из 11) принимали участие в Куртинском кризисе на стороне восставших, а затем отбывали наказание во французских тюрьмах. Воспоминания о своем участии в событиях Первой мировой войны оставили шестеро из одиннадцати, причем пятеро из них в описании истории Русских Особых бригад делали акцент на насилии офицерского состава по отношению к нижним чинам. Сделать карьеру в Советской России удалось только трем из одиннадцати военнослужащих: Р.Я. Малиновскому, П.П. Дьяконову и А.А. Игнатьеву. Однако, несмотря на полученный ими во время Первой мировой войны опыт, повышение по службе не было связано напрямую с их участием в составе Русских Особых бригад: Р.Я. Малиновский принимал

⁵⁰⁸ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 159.

⁵⁰⁹ Далгат Э.М. Указ. соч. С. 301–304.

активное участие в Гражданской и Великой Отечественной войнах, а офицеры П.П. Дьяконов и А.А. Игнатьев занимали ранее должности военных агентов. Мы можем сделать вывод, что участие в Первой мировой войне в составе Русских Особых бригад не получило отдельного признания со стороны советской власти, которая большее внимание уделяла истории Гражданской войны в России.

Важно отметить, что в Советской России память о Русских Особых бригадах была встроена в политический нарратив об «империалистической» войне и революционном движении солдат. Активный период создания обществ памяти солдат и офицеров Русских Особых бригад пришелся на начало XXI в., когда неравнодушные потомки во Франции и России в условиях расширения доступа к архивным документам и торжественных мероприятий в честь юбилея окончания Первой мировой войны объединили усилия для реконструкции и увековечивания подвига своих предков. Таким образом, память о Русских Особых бригадах прошла путь от ветеранской и семейной коммеморации к поддерживаемому на государственном уровне общественно-историческому проекту восстановления забытого сюжета Первой мировой войны.

Крушение империй и новый мировой порядок напрямую отразились на судьбах солдат расформированных Русских Особых бригад: они оказались вдали от Родины и должны были приспособливаться к мирной жизни во враждебной к ним обстановке, не имея, как правило, ни языковой, ни культурной, ни социальной базы.

Процесс послевоенной адаптации к гражданской жизни во Франции военнослужащих расформированных Русских Особых бригад можно проследить по вводимым нами в научный оборот источникам семейных архивов потомков русских солдат и офицеров: паспорта, карточки комбатанта, путевые книжки военнослужащих Иностранного легиона, карточки личности, временные карточки работников, сертификаты Центра помощи беженцам и лицам без гражданства,

свидетельства о заключении брака, свидетельства о смерти.

Стратегия адаптации русских солдат и офицеров к гражданской жизни во Франции строилась по следующей схеме, которая могла незначительно меняться: прохождение системы «триажа», близкое знакомство с местными жителями (как правило, романтические связи с французскими гражданками, которые зачастую приводили к заключению браков и созданию семей с последующим рождением детей), трудоустройство (практически всегда это был низкооплачиваемый физический труд: например, в качестве рабочего или шофера), закрепление социального статуса (получение карточки личности с французским именем), а также сокрытие русского происхождения и военного прошлого как в кругу семьи, так и в целом в обществе.

Отношение правительства Французской республики к солдатам и офицерам бывшей императорской армии было негативным, так как после заключения Брест-Литовского мира их считали предателями, несмотря на то, что изначально они были подданными другого государства. Поэтому солдаты и офицеры расформированных Русских Особых бригад скрывали свое национальное происхождение, меняли свои русские имена на французские аналоги и не рассказывали о своем участии в Первой мировой войне. Дети и внуки замечали косвенные признаки принадлежности своих предков к русским солдатам и офицерам: исполнение последними русских народных песен и танцев (например, «Калинки»), игра на балалайке, соблюдение православных ритуалов.

Часть русских солдат и офицеров вернулась в Россию. Как правило, это были участники Куртинского восстания 1917 г., которые после освобождения из тюремного заключения во Франции смогли уехать на Родину, но не нашли себе места в Советской России, где чествованию событий Гражданской войны отдавалось предпочтение перед операциями Первой мировой войны. Кроме солдат, в Россию вернулась часть русских офицеров, которые хотели продолжить служить уже советской Родине в качестве военных и дипломатов.

Анализ послевоенных судеб как оставшихся во Франции, так и вернувшихся в Россию русских солдат и офицеров позволяет сделать вывод о том,

что стратегия умалчивания о своем участии в составе Русских Особых бригад была характерна для обеих групп. Во Франции бывшие солдаты Русской императорской армии рассматривались как подозрительные иностранцы, в то время как в России служба в составе французских экспедиционных сил считалась признаком политической неблагонадежности.

После Первой мировой войны русские офицеры хотели обеспечить надлежащий уход за могилами своих сослуживцев во Франции. Сохранение памяти о Русских Особых бригадах во Франции первоначально было не государственной задачей, а эмигрантской практикой: забота о могилах была способом восстановить историческую справедливость по отношению к погибшим сослуживцам, которые пожертвовали своими жизнями при исполнении воинского долга. Отношение к русским солдатам и офицерам после Куртинского кризиса и сепаратного выхода России из войны не позволило обществам памяти развернуть полноценную деятельность; она оставалась ограниченной до начала XXI в., когда официальные представители французского и российского политического руководства организовали торжественные открытия памятников русским солдатам и офицерам во Франции, а в Архиве исторической службы Министерства обороны был расширен доступ к документам по истории Русского экспедиционного корпуса. Потомки и исследователи получили возможность реконструировать историю Русских Особых бригад и послевоенную адаптацию их участников.

Заключение

В период Первой мировой войны в условиях крупномасштабных боевых действий, которые велись на нескольких континентах, получил широкое распространение феномен экспедиционных сил. Франция имела стратегические запасы вооружений при сравнительно небольших людских резервах и поэтому использовала на Западном и Салоникском фронтах экспедиционные контингенты, такие как Иностранный легион и Русские Особые бригады.

В обмен на новейшее французское вооружение и боевую технику во Францию был отправлен Русский экспедиционный корпус, численность которого, по сравнению с предварительным предложением французского правительства, была сокращена в 10 раз. В силу этого обстоятельства направление Русских Особых бригад за границу имело в большей степени пропагандистское значение – как зримая демонстрация крепких союзнических отношений между странами-участницами Антанты. Наличие русских солдат на Западном и Салоникском фронтах должно было показать Германии и ее союзникам эффективность военного взаимодействия России и Франции, а также воодушевить французские войска.

В ходе апрельского наступления Р.Ж. Нивеля в 1917 г. Русские Особые бригады выполнили поставленные французским военным командованием тактические задачи. Однако наступление захлебнулось, потому что французские части не поддерживали своих русских союзников. Таким образом, этот опыт использования Особых бригад показал, что они являются не просто символом франко-русского союза, но и имеют высокий боевой потенциал. В диссертации на основе новых архивных документов Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры (США) выявлен факт награждения отличившихся на Западном фронте русских офицеров Георгиевскими орденами и Георгиевским оружием.

Многие сложности, связанные с изучением Русских Особых бригад, возникают из-за недооценки исследователями феномена двойного подчинения.

Русский экспедиционный корпус в оперативно-тактическом отношении подчинялся французскому верховному командованию, а в военно-политическом – российскому правительству. Это специфическое положение негативно повлияло на судьбу русского воинского соединения: после тяжелого наступления Р.Ж. Нивеля 1917 г. и противоречивых известий о Февральской революции в России французское командование не приняло во внимание процесс распространения революционных идей среди нижних чинов, а Временное правительство России не смогло противодействовать росту антивоенных настроений среди русских солдат во Франции. После Куртинского кризиса французское правительство расформировало Особые бригады, военнослужащие которых были поставлены перед выбором: продолжить военную службу во французской армии, перейти в рабочие роты или быть отправленными в североафриканские концентрационные лагеря. До настоящего момента в историографии не была по достоинству оценена активная роль генерал-майора М.И. Занкевича в урегулировании кризиса, которая прослеживается по неопубликованным документам французского Генерального штаба, хранящимся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции.

Находившиеся во Франции после русских революций 1917 г. солдаты расформированных Русских Особых бригад разделились на сторонников и противников продолжения участия в Первой мировой войне. Они не стали частью Русского зарубежья, так как были разобщены, а ассимилировались во французском обществе. Этому в значительной степени способствовало то, что французский Генеральный штаб распределил их по разным военным округам. Одним из основных способов ассимиляции русских солдат во Франции были браки с француженками. Французские жены хотели, чтобы русские солдаты не стремились сохранить свою российскую идентичность, а их дети стали бы полноценными гражданами Французской республики. Первоочередной проблемой для солдат расформированных Русских Особых бригад было решение бытовых задач: устройство на работу, социализация во французском обществе и так далее. Они зачастую не получали социальной поддержки со стороны

французского правительства и не считались ветеранами войны; их заслуги перед Россией и Францией не были признаны. Поскольку французы негативно относились к русским солдатам, которых считали дезертирами и предателями после Куртинского кризиса и выхода России из Первой мировой войны, участники Русских Особых бригад старались скрыть свое происхождение. Это в дальнейшем привело к замалчиванию боевого подвига русских воинов во Франции. В Советском Союзе о солдатах Русских Особых бригад тоже было мало известно, так как изучению и мемориализации событий Гражданской войны отдавалось предпочтение перед событиями «империалистической» Первой мировой войны.

Архивные материалы по теме исследования, хранящиеся в архивах России, Франции и США, следует рассматривать в едином комплексе. Источники российских архивов представляют историю Русских Особых бригад в оценке военно-политического руководства России, в то время как документы французского Генерального штаба и находящиеся в США постановления Георгиевской Думы позволяют дополнить эту историю сведениями о реалиях боевого опыта русских солдат во Франции. Определить стратегии послевоенной адаптации солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад к мирной жизни во Франции дают возможность уникальные источники семейных архивов, изученные в ходе настоящего исследования. Эти материалы привлекли интерес потомков, а также исследователей в 2014–2018 гг. в связи со столетним юбилеем Первой мировой войны.

Сегодня в России и Франции признают подвиг солдат и офицеров Русских Особых бригад: в 2011 г. при участии премьер-министров обеих стран, В.В. Путина и Ф. Фийона, в Париже был торжественно открыт памятник воинам Русского экспедиционного корпуса работы скульптора В.А. Суровцева, а в 2019 г. в Москве Фонд «Общество памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)» и Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации провели Первую международную конференцию «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы». На современном

этапе перед исследователями еще стоят такие задачи, как создание полных списков отправившихся на Западный и Салоникский фронты, оставшихся во Франции и вернувшихся на Родину русских солдат и офицеров, а также реконструкция их послевоенных судеб. Представленное диссертационное исследование призвано способствовать решению этих задач.

Русский экспедиционный корпус занимает особое место среди экспедиционных сил Франции в период Первой мировой войны. Изучение его истории дает возможность сделать вывод, что экспедиционные силы были одновременно объектом межсоюзнических ожиданий, инструментом военной пропаганды и реальной боевой силой. Анализ послевоенных судеб русских солдат и офицеров демонстрирует то, как изменение внутривойсковой ситуации и международной обстановки может радикально изменить статус одного и того же воинского соединения: от символа союзнической солидарности до маргинальной группы.

В то же время исследование истории Русских Особых бригад не только расширяет представление об использовании экспедиционных сил в период Первой мировой войны, но и позволяет восстановить историческую справедливость по отношению к русским солдатам и офицерам, которые выполнили во Франции и на Балканах свой боевой долг, но не получили признания заслуг при жизни ни во Франции, ни на Родине. Одна их часть была вынуждена адаптироваться к жизни в эмиграции, тогда как другая вернулась в Россию, где столкнулась с необходимостью интеграции в новые политические и социальные реалии.

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6399. Штаб 2-й Особой пехотной бригады. Оп. 1. Д. 1.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Справка). Оп. 1. Д. 1215.
Ф. 15234. Представитель Временного правительства при французской Главной квартире. Оп. 1. Д. 46.
Ф. 15304. Управление русского военного агента во Франции (с 1918 г. – Русская военная миссия во Франции). Оп. 3. Д. 2.
Ф. 15304. Оп. 3. Д. 8.
Ф. 15304. Оп. 3. Д. 25.
Ф. 15304. Оп. 3. Д. 48.
3. Archives nationales de France (AN). 94AP174.
4. Service Historique de la Défense (SHD). 5N139.
5N539.
7N390.
7N609.
7N613.
7N2011.
7N2064.
12N3.
16N211.
16N1686.
17N647.
17N649.

17N677.

17N689.

24N2931.

5. Bakhmeteff Archive. Russian Expeditionary Forces in France and Macedonia Records, 1914–1930. Box 1.

6. Личный архив М. Бельгу-Мамонтовой.

Опубликованные источники

7. Алешин И. «Варварский» большевизм русских солдат во Франции и французская «демократическая» гуманность // Октябрь за рубежом / предисл. М.Н. Покровского. Москва: ГИЗ, 1924. С. 24–30.

8. Ардашев М.А. Фронт без окопов: рассказы. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1966. 104 с.

9. Вавилов А. Записки солдата Вавилова. Москва: Госиздат, 1927. 63 с.

10. Власов А.П. Незабываемые переживания (Воспоминания рядового солдата). Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2014. 151 с.

11. Восстание русских солдат во Франции // Красный архив. 1940. № 2 (99). С. 52–71.

12. Голос солдата. Петроград, 1917. 15 мая, 26 декабря.

13. Городисский Н.А. Лякуртинская трагедия. Владимир: Владимирское книжное издательство, 1963. 148 с.

14. Дюкло Ж. Октябрь 17-го года и Франция. Москва: Политиздат, 1967. 445 с.

15. Дюкло Ж. Мемуары. В 3 т. Т. 1. 1896–1945 / пер. с фр. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1985. 447 с.

16. Егерев М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–97.

17. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Москва: Воениздат, 1986. 752 с.

18. Карев П.Ф. Нас не укротили (Воспоминания об империалистической войне

- 1914–1917 гг. солдата русских войск во Франции). Иваново: Госиздательство Ивановской обл., 1937. 166 с.
19. Карев П.Ф. Экспедиционный корпус. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1941. 172 с.
 20. Карханин М.В. Русские войска во Франции. 1916–1918 // Военно-исторический вестник. 1956. № 7. С. 3–15.
 21. Кидяев П. В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом / предисл. М.Н. Покровского. Москва: ГИЗ, 1924. С. 31–47.
 22. Козлов А. Проданные за снаряды. Ленинград: Ленинградское областное издательство, 1931. 132 с.
 23. Лисовенко Д.У. Их хотели лишить Родины. Москва: Воениздат, 1960. 300 с.
 24. Лисовский Ю.И. Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) // Архив русской революции. 1993. Т. 17. С. 256–279.
 25. Малиновский Р.Я. Солдаты России. Москва: Воениздат, 1988. 455 с.
 26. Малиновский Р.Я. Первая память: автобиографический роман. Москва: Новый хронограф, 2016. 720 с.
 27. «Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник. 2000. № 1. С. 20–41.
 28. На службе Отечества / под ред. В.И. Шайдицкого. Сан-Франциско, 1963. 527 с.
 29. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Москва: Международные отношения, 1991. 336 с.
 30. Палицын Ф.Ф. Записки. В 2 т. Т. 2. Москва: издательство имени Сабашниковых, 2014. 704 с.
 31. Пуанкаре Р. На службе Франции: воспоминания за девять лет. В 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Ф. Капелюша. Москва: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 426 с.
 32. Рапорт прапорщика Н. Гумилева // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 36–38.
 33. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Москва: Госполитиздат, 1958. 352 с.
 34. Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну // Красный архив.

1931. № 1 (44). С. 152–161.
35. Русские солдаты во Франции / сост. А. Удов и др. Москва: Государственное издательство, 1919. 24 с.
36. Русский солдат-гражданин во Франции. Париж, 1917. 12 июля.
37. Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства иностранных дел. Вып. 1, декабрь 1917 г. / отв. ред. Н. Маркин. Петроград: Наркомат по иностранным делам, 1917. 42 с.
38. Степной Н.А. Белые рабы. Воспоминания о французском фронте. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1925. 48 с.
39. Чиняков М.К. Подавление Куртинского мятежа среди русских войск во Франции в сентябре 1917 года: из фонда Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) / публикация, перевод с французского, предисловие и комментарии М.К. Чинякова // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8 / отв. ред. П.П. Черкасов. Москва: Наука, 2008. С. 335–353.
40. Яковлев В.И. Виват, Франция! Прощай, Париж! Рязань: Русское слово, 2006. 238 с.
41. Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier (1914–1918). Paris: Ed. La Découverte, 2003. 564 p.
42. Gavrilenko S.I. Le journal de Stephane Ivanovitch Gavrilenko. Un soldat russe en France. Paris: Privat, 2014. 188 p.
43. Obey A. Camarades Rouski // Revue de Paris. 1920. № 23. P. 527–554.
44. Pernikoff O.A. Ma vie et ma chance. Paris: Julliard, 1953. 246 p.

Литература

45. Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 74–85.
46. Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

47. Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 399–425.
48. Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006: актуальные проблемы изучения. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 367–382.
49. Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.
50. Асташов А.Б. Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 33–46.
51. Байов А.К. Первая мировая война 1914–1918 гг. Москва: РИСИ, 2015. 408 с.
52. Бантке С.С. Революционное движение во французской армии в 1917 г. // Вопросы гражданской истории. 1935. Вып. 1. С. 160–196.
53. Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 4. С. 72–77.
54. Болтин Е.А., Вебер Ю.Г. Очерки мировой войны 1914–1918 гг. Москва: Воениздат, 1940. 148 с.
55. Бондаренко В.В. Герои Первой мировой войны. Москва: Молодая гвардия, 2013. 511 с.
56. Бочарова З.С. Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 125–150.
57. Бочарова З.С., Голубева М.И. Положение русских комбатантов во Франции после Первой мировой войны (по материалам солдатских писем) //

- Новейшая история России. 2025. Т. 15. № 4. С. 792–807.
58. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. Москва: Изографус, Эксмо, 2003. 464 с.
 59. Вержковский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. Москва: Воениздат, 1964. 306 с.
 60. Винок М. Жанна Д’Арк // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 225–259.
 61. Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатъев. Москва: Русская панорама, 2017. 480 с.
 62. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). В 2 т. Т. 2 / под ред. В.В. Герасимова. Москва: Мегapolis, 2014. 744 с.
 63. Галкина Ю.М. Создание французской информационно-пропагандистской системы в России (1915–1916) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 159, № 23 (1). С. 68–73.
 64. Гельтон Ф. Поиск сведений о Русских бригадах во французских военных архивах // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 27–38.
 65. Голденков М.А. Первая мировая война: 100 лет мифов. Минск: ФУАинформ, 2014. 288 с.
 66. Далгат Э.М. Конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в истории и памяти России и Европы», Москва, 16–18 мая 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. № 2. С. 301–304.
 67. Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж: Изд. Союза офицеров, участников войны на фр. фронте, 1933. 256 с.
 68. Деревенковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. 1951. Т. 38. С. 71–103.
 69. Емельянов А.В., Сильченко И.С. Русские войска во Франции и Февральская революция: трансформация системы взаимоотношений и

- революционизация чинов Русского экспедиционного корпуса весной 1917 г. // История и современное мировоззрение. 2023. № 4. С. 101–106.
70. Иоффе А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). Москва: Госполитиздат, 1958. 355 с.
71. Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. Т. 4. 1915–1917. Москва: Голос, 1994. 368 с.
72. Киган Дж. Великая война. 1914–1918 / пер. с англ. Ю. Гольдберга. Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
73. Клавинг В.В. Высшие офицеры белых армий. Санкт-Петербург: Искусство России, 2005. 360 с.
74. Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. Москва: Архив РАН; Древлехранилище, 2017. 334 с.
75. Комин В.В. Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны // Отечественная история: проблемы, поиски, суждения. 1992. № 2. С. 1–33.
76. Корниш Н. Русская армия 1914–1918 / пер. с англ. А. И. Дерябина. Москва: АСТ: Астрель, 2005. 69 с.
77. Кудрец А.С. «Не мы ли грудью отстояли и ваш Париж, и ваш Верден!». Мемориализация Русского экспедиционного корпуса во Франции // Военно-исторический журнал. 2019. № 6. С. 65–67.
78. Кузнецов Б.И. Кампания 1916 года на фронтах первой мировой империалистической войны. Москва: КАФ, 1941. 124 с.
79. Куличкин С.П. На фронтах Первой мировой. Москва: Вече, 2014. 368 с.
80. Лукашев М.Я. Из истории вооруженного восстания русских солдат во Франции в 1917 году // Сборник трудов Ленинградского института советской торговли имени Ф. Энгельса. 1967. Вып. 30. С. 168–179.
81. Медицинский персонал Русского экспедиционного корпуса и «Русского легиона чести» во Франции / В.Г. Абашин, П.А. Дулин, П.Е. Крайнюков, В.Б. Симоненко // Клиническая медицина. 2023. № 7–8. С. 416–424.
82. Методические рекомендации по публикации архивных документов в

- печатном виде / Росархив, ВНИИДАД. Москва: ВНИИДАД, 2023. 323 с.
83. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война / отв. ред. Г.Д. Шкундин. Москва: Наука, 2002. 686 с.
 84. Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 304 с.
 85. Наумов Н. Война 1914–1918 гг. 2-е изд. Москва: Госиздат РСФСР, 1930. 182 с.
 86. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
 87. Описание – важнейший архивный справочник (история и методика составления) / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2004. № 2. С. 98–101.
 88. Описание – важнейший архивный справочник (история и методика составления) / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2004. № 3. С. 99–103.
 89. Оськин М.В. Первая мировая война. Москва: Вече, 2010. 368 с.
 90. Павличенко П.П. Личные судьбы солдат и офицеров Русских Особых бригад по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2020. № 14. С. 81–90.
 91. Павличенко П.П. Возвращение солдат и офицеров расформированных Русских Особых бригад из Франции в Россию (1918–1920 гг.) по неопубликованным документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2021. № 17. С. 79–87.
 92. Павличенко П.П. Документы по Куртинскому кризису 1917 года в Архиве исторической службы Министерства вооруженных сил Франции // Вестник ВНИИДАД. 2021. № 6. С. 65–70.
 93. Павличенко П.П. Рабочие роты (1917–1920 гг.): по документам Архива

- исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 53–62.
94. Павличенко П.П. Русский легион по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 32–44.
95. Павличенко П.П. Источники по истории Русских Особых бригад из архивов Франции и США // Клио. 2026. № 4 (232). С. 62–66.
96. Павлов А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 1995. 310 с.
97. Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой: русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. Москва: Вече; Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2011. 224 с.
98. Павлов А.Ю. Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15. Санкт-Петербург, 2011. 297 с.
99. Покровский М.Н. Кровавая баня в Куртине (памяти Куртинского расстрела) // Империалистическая война. Москва: Соцэкгиз, 1934. С. 317–321.
100. Поршнева О.С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 153–167.
101. Прозорова В.Б. Русская военная администрация во Франции в годы Первой мировой и Гражданской войн. Москва: Кучково поле, 2022. 541 с.
102. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 502 с.
103. Репина Л.П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 18–19 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков и др. Чебоксары: Среда, 2019.

- С. 12–18.
104. Саджент Г.Х. Стратегия на Западном фронте (1914–1918) / пер. с англ. В. Ф. Новицкого. Москва: Высший военный редакционный совет, 1923. 152 с.
 105. Сенявская Е.С. Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16.
 106. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
 107. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. Очерки по военной антропологии. Москва: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
 108. Соколов Б.В. Маршал Малиновский. Москва: Новый хронограф, 2016. 712 с.
 109. Справочный аппарат к описи / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова, Г.А. Осичкина // Делопроизводство. 2005. № 1. С. 89–95.
 110. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. Москва: Воениздат, 1974. 616 с.
 111. Таленский Н.А. Первая мировая война 1914–1918 гг. // Страницы боевого прошлого: очерки военной истории России / отв. ред. Л.Г. Бескровный. Москва: Наука, 1968. С. 322–382.
 112. Тарусский Е. Легион Чести // Для Вас. 1939. № 17 (279)–18 (280). С. 3–10.
 113. Тригуб И.И. Русские Особые пехотные бригады на Балканах в период Первой мировой войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 4. С. 84–88.
 114. Уткин А.И. Первая мировая война. Москва: Алгоритм, 2001. 592 с.
 115. Хорхордина Т.И. Архивная эвристика: методы выявления архивных документов. Москва: Юрайт, 2024. 367 с.
 116. Чиняков М.К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918): формирование, командный состав, участие в боевых

- действиях, военный быт: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2006. 310 с.
117. Чиняков М.К. Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 11 / отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Москва: Весь Мир, 2014. С. 167–186.
 118. Чиняков М.К. Волонтеры французского Иностранного легиона в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 39–50.
 119. Чиняков М.К. Куртинский кризис (май–сентябрь 1917 г.): монография. Москва: Типография МПГУ, 2017. 308 с.
 120. Чиняков М.К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916–1918) в пространстве исторической памяти XX – начала XXI в. // Вестник РУДН. История России. 2019. № 1. С. 101–124.
 121. Чиняков М.К. Первые командиры Особых пехотных полков российской армии (1916–1917): опыт групповой социально-демографической и профессиональной характеристики // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. № 2. С. 39–49.
 122. Шунков В.Н. Русская императорская армия. Москва: Хранитель, 2008. 320 с.
 123. Adam R. Travail, luttres et consciences révolutionnaires des soldats-travailleurs russes en France 1918–1920. Grenoble: Université des Sciences Sociales, 1989. 320 p.
 124. Adam R. Histoire des soldats russes en France. 1915–1920. Les damnés de la guerre. Paris: L'Harmattan, 1996. 383 p.
 125. Adam R. 1917, La révolte des soldats russes en France. Paris: Les Bons Caractères, 2007. 283 p.
 126. Adam R. Les soldats russes de l'Île-d'Aix // Les cahiers de La Courtine 1917. 2007. № 5. P. 1–33.
 127. Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un

- rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 1re partie de A à G // Les cahiers de La Courtine 1917. 2022. № 12. P. 14–18.
128. Adam R. Éléments biographiques des principaux personnages ayant joué un rôle dans l'histoire du corps expéditionnaire russe en France. 2e partie de G à M // Les cahiers de La Courtine 1917. 2022. № 13. P. 22–26.
129. Bareige L. Le Camp de La Courtine pendant la Guerre // Mémoires de la Société des Sciences naturelles et archéologiques de la Creuse. 1928. T. 23. P. 459–468.
130. Boulère J.-P. Simon Rikatcheff, 1891–1968, un soldat du Corps Expéditionnaire russe en France en 1916 «Mon Pépère». Dijon: S'print, 2019. 284 p.
131. Cahen G. Le temps retrouvé du soldat Anissim I. Otmakhov. France (1916–1920). Paris: G. Cahen, 2013. 288 p.
132. Cockfield J.H. With snow on their boots: the tragic odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. New York: St. Martin's Press, 1998. 408 p.
133. Dauger G. La rébellion des régiments russes en 1917 (La Courtine – Felletin) // Violences en Limousin à travers les siècles. 1998. P. 289–309.
134. Fernandez-Récalatà D. «Le soldat est devenu un citoyen, camarades!» // Nouvelles Fondations. 2007. № 7–8. P. 266–274.
135. Feraru M. Le corps expéditionnaire russe // 14–18. 2010. № 50 (août–septembre–octobre). P. 12–33.
136. Giloux L.-Y. Le Corps Expéditionnaire Russe en France pendant la Première guerre mondiale et la mutinerie au camp de La Courtine // Mémoires de la Société des Sciences naturelles et archéologiques de la Creuse. 1984 (1er fasc.). T. XLII. P. 142–155.
137. Hennin E. La révolte des troupes russes en France // Almanach de Police Magazine. 1933. P. 44–52.
138. Petit P. Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914–1918). Nanterre: Académie européenne du livre, 1992.

31 p.

139. Plas P. Retour sur les mutineries de la Courtine (Creuse) en 1917 // Bulletin de la SHAL. 2009. T. CXXXVII. P. 179–205.
140. Poitevin P. La Mutinerie de La Courtine: Les régiments russes révoltés en 1917 au centre de la France. Paris: Payot, 1938. 199 p.
141. Poitevin P. Une bataille au centre de la France en 1917. Limoges: Société des Journaux et Publications, 1934. 63 p.
142. Ranvier A. 1917: Les mutineries du contingent russe en France // Le Peuple Français. 1975. № 17 (janvier–mars). P. 26–30.
143. Rolland D. Des Russes sur le Chemin des Dames // Chemin des Dames. Graines d'Histoire. 2003. № 18. P. 2–10.

Справочные и энциклопедические издания

144. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки (1769–1920). Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. Москва: Русский мир, 2004. 922 с.
145. Полная энциклопедия. Русская армия в Первой мировой войне (1914–1918) / сост. В.Н. Шунков, А.Г. Мерников, А.А. Спектор. Москва: АСТ, 2014. 240 с.

Список интернет-ресурсов

146. «Георгиевский статут» 1913 г. URL: <http://george-orden.narod.ru/statut1913s4.html> (дата обращения: 05.12.2025).
147. Русские бригады 16–18. URL: <https://www.russkiebrigady.com/> (дата обращения: 25.12.2025).

Приложения

Приложение 1. Описание коробок, содержащих документы по истории и боевому пути Русских Особых бригад, хранящихся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции⁵¹⁰

Номер коробки	Описание документов
Коробка 5N117	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о возвращении русских солдат в Россию через Великобританию в 1917 г. Рапорты французских офицеров, посвященные визиту Р. Пуанкаре в лагерь Майи в том же году. Письма посольства Франции министру иностранных дел о положении в России на 1917 г.
Коробка 5N120	Рапорты французских офицеров об участии Русских Особых бригад в боевых действиях на Западном фронте и ходе восстания в Ля-Куртине в 1917 г.
Коробка 5N139	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о создании Русских Особых бригад и

⁵¹⁰ Составлена автором.

	организации их перемещения из России во Францию.
Коробка 5N179	Переписка Министерства иностранных дел Франции с президентом Франции Р. Пуанкаре о положении дел в России в 1918 г. Донесения военной разведки Франции о содержании разговоров среди солдат расформированных Русских Особых бригад.
Коробка 5N264	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции об отправке русских солдат в Россию через Брест в 1917 г.
Коробка 5N267	Рапорты военной разведки Франции о настроениях солдат Русских Особых бригад в 1916–1917 гг.
Коробка 5N396	Революционные газеты, распространяемые среди солдат Русских Особых бригад в 1917 г.
Коробка 5N539	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о франко-русских переговорах по отправке Русских Особых бригад на Западный фронт. Приказы

	французского Генерального штаба об организации тылового снабжения русского воинского контингента во Франции в 1915 г.
Коробка 7N390	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о формировании Русских Особых бригад, организации их отправки на Западный и Салоникский фронты и ведении ими боевых действий во Франции 1915–1917 гг. Сведения о распределении затрат на содержание русских солдат во Франции между российским и французским правительствами. Письма генерала Н. де Кастельно в Генеральный штаб о падении боевого духа русских солдат после участия в наступлении Р.Ж. Нивеля. Рапорты французских офицеров о деятельности Русского легиона и ответные приказы французского Генерального штаба в 1917–1918 гг.
Коробка 7N609	Переписка французского Генерального штаба с военным

	министром о ходе франко-русских переговоров по поводу отправки во Францию солдат и офицеров Русских Особых бригад в обмен на поставки современного французского вооружения в 1915 г.
Коробка 7N610	Приказы французского Генерального штаба о размещении солдат и офицеров Русских Особых бригад в лагерях Ля-Куртин и Курно. Участие Русского легиона в боях на Западном фронте в 1918 г. План лагеря Ля-Куртин. Письмо от 8 декабря 1919 г. командования Американского экспедиционного корпуса во французский Генеральный штаб с просьбой прислать солдат рабочих рот.
Коробка 7N613	Приказы французского Генерального штаба о создании рабочих рот в 1917 г.
Коробка 7N632	Приказы и инструкции французского Генерального штаба о работе Русской базы в Лавале. Материалы военных судов. Источники о вербовке русских

	солдат в Иностранный легион. В документах нет разделения между солдатами расформированных Русских Особых бригад и освобожденными французской армией русскими военнослужащими, содержащимися на территории Германии в 1917–1924 гг.
Коробка 7N754	Переписка между французским Генеральным штабом и военным министром Франции о восстании в Ля-Куртине 1917 г.
Коробка 7N918	Рапорты французских офицеров о формировании, состоянии боевого духа и системе распределения солдат рабочих рот в 1917–1918 гг.
Коробка 7N1561	Рапорты французских офицеров об участии Русского легиона в боях в 1917–1918 гг.
Коробка 7N2011	Рапорты французского Генерального штаба о состоянии Русской императорской армии. Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о структуре Русских Особых бригад и их транспортировке во Францию в

	1915–1916 гг. Документы о подавлении Куртинского восстания. Рапорт командующего 12-м военным округом Л. Комби от 28 сентября 1917 г. военному министру Франции об итогах подавления восстания. Рапорты французских офицеров о подготовке лагерей для солдат расформированных Русских Особых бригад.
Коробка 7N2064	Переписка между французским Генеральным штабом и военным министром Франции об организации Русской базы в Лавале и о процессе решения во французских инстанциях вопроса о возвращении русских солдат и офицеров на Родину 1918–1925 гг.
Коробка 7N2178	Рапорты французского Генерального штаба о ходе плавания солдат и офицеров Русских Особых бригад во Францию в 1916 г.
Коробка 12N3	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о размещении солдат Русских Особых бригад во французских

	лагерях после Куртинского кризиса 1917 г. Рапорты французских офицеров о возвращении русских солдат (в том числе военнопленных) в Россию в 1918–1920 гг.
Коробка 16N210	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о солдатах рабочих рот и Русского легиона 1917–1918 гг.
Коробка 16N211	Рапорты французских офицеров об участии Русского легиона в боях на Западном фронте в 1918 г. Документы французского Генерального штаба об отправках русских солдат в Северную Африку.
Коробка 16N1537	Рапорты французского Генерального штаба о моральном состоянии солдат расформированных Русских Особых бригад во Франции в 1918–1919 гг.
Коробка 16N1681	Рапорты французского Генерального штаба с планами применения труда русских солдат во Франции в 1918–1919 гг.
Коробка 16N1686	Рапорты французских офицеров

	об участии Русских Особых бригад в боевых действиях на Западном фронте в 1916 г.
Коробка 16N2445	Рапорты французского Генерального штаба военному министру Франции о возможности использования труда солдат рабочих рот во Франции в 1917–1919 гг.
Коробки 16N2954, 16N2956, 16N2957, 16N2958, 16N2959	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции об организации отправки Русских Особых бригад из России во Францию в 1916 г.
Коробки 16N3014, 16N3015	Приказы французского Генерального штаба об организации и отправке Русских Особых бригад из России во Францию в 1915–1916 гг.
Коробка 16N3020	Приказы французского Генерального штаба о создании франко-русских и русско-французских словарей. Переписка между французскими инстанциями о возвращении русских солдат в Россию в 1917 г.
Коробка 16N3180	Переписка между французской военной миссией в Петрограде и

	французским Военным министерством об организации подкреплений из России для ведения боевых действий во Франции на Западном фронте в 1917 г.
Коробка 17N156	Приказы французского Генерального штаба о прикреплении солдат рабочих рот к Военно-строительному управлению Франции в 1918 г.
Коробка 17N570	Приказы французского Генерального штаба об отправке Русских Особых бригад из России во Францию в 1916 г. и их вооружении.
Коробка 17N647	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции об организации рабочих рот во Франции и оплате их труда в 1917 г.
Коробка 17N649	Рапорты французских офицеров об участии Русских Особых бригад в боях на Западном фронте 1916–1917 гг. Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о формировании рабочих рот в

	1917 г.
Коробка 17N650	Рапорты французских офицеров об использовании французской артиллерии и инженерных войск для поддержки Русских Особых бригад в боях на Западном фронте в 1916–1917 гг.
Коробка 17N654	Рапорты французских офицеров о функционировании Русской базы в Лавале в 1918–1920 гг.
Коробки 17N655, 17N656	Рапорты французских офицеров о личном составе солдат рабочих рот и Русского легиона с оценкой их морального состояния в 1918 г.
Коробки 17N657, 17N658	Рапорты французских офицеров об использовании Русского легиона и солдат рабочих рот на Западном фронте в 1918–1920 гг.
Коробки 17N660, 17N661, 17N662, 17N663, 17N664, 17N665, 17N666, 17N667	Рапорты французских офицеров об условиях работы и состоянии дисциплины в рабочих ротах в 1918–1920 гг.
Коробка 17N668	Приказы французского Генерального штаба о Русском легионе: организация, численность, потери, форма, участие в боевых действиях в 1918–1919 гг.
Коробка 17N669	Приказы французского

	Генерального штаба по Маршевой роте Русского легиона и русским военнослужащим на Русской базе в Лавале в 1918–1920 гг.
Коробка 17N674	Приказы Военного министерства Франции о выделении солдат рабочих рот для сельскохозяйственных работ по всей Франции 1918–1920 гг.
Коробка 17N675	Рапорты французских офицеров о деятельности Русской базы в Лавале в 1918–1920 гг.
Коробка 17N677	Приказы французского Генерального штаба о формировании рабочих рот. Документы об организации отправок русских солдат в Россию 1918–1920 гг.
Коробка 17N680	Рапорты офицеров Русских Особых бригад, отправленные во французский Генеральный штаб, о принятии на службу во французскую армию в 1918–1920 гг.
Коробка 17N681	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о роспуске Русского легиона. Рапорты русских офицеров во французский

	Генеральный штаб о службе во французской армии. Рапорты русских офицеров во французский Генеральный штаб об организации их отправки в Россию для участия в Гражданской войне на стороне Белых армий в 1918 г.
Коробка 17N682	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции об отправке русских офицеров в Россию для участия в Гражданской войне на стороне Белых армий в 1918–1919 гг.
Коробка 17N683	Списки солдат рабочих рот, которые решили вернуться в Россию в 1919–1920 гг.
Коробка 17N684	Письма русских солдат во французский Генеральный штаб о выдаче документов для возвращения в Россию 1919–1920 гг.
Коробки 17N685, 17N686	Рапорты французских офицеров о работе Русской базы в Лавале в 1918–1920 гг.
Коробка 17N688	Списки русских солдат, которые были награждены Военным крестом. Списки русских солдат,

	получивших тяжелые ранения. Списки солдат для отправки в Россию в 1919–1920 гг.
Коробка 17N689	Приказы французского Генерального штаба по Русской базе в Лавале в 1918–1919 гг. Рапорты французских офицеров о солдатах рабочих рот, которых уволили со службы в 1919 г.
Коробка 17N690	Рапорты французских офицеров об участии Русского легиона в боях в 1918 г.
Коробка 17N692	Рапорты французских офицеров о предоставлении солдатам рабочих рот отпусков в 1919–1920 гг.
Коробка 17N767	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции об организации возвращения русских солдат и офицеров на Родину после окончания Первой мировой войны 1918–1920 гг.
Коробка 18N386	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о солдатах рабочих рот во Франции 1918 г.
Коробка 18N387	Приказы французского Генерального штаба о награждении орденом Почетного

	легиона русских, польских и чехословацких солдат в 1918 г.
Коробка 18N388	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о солдатах рабочих рот в составе военно-строительных батальонов в 1917–1918 гг.
Коробка 18N390	Приказы французского Генерального штаба о предоставлении солдатам рабочих рот отпусков во Франции 1918 г.
Коробка 18N392	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о выплатах и снабжении солдат рабочих рот в 1917 г.
Коробка 19N919	Рапорты французских офицеров о сражении на р. Эн в 1917 г.
Коробка 19N1397	Приказы французского Генерального штаба о принятии офицеров расформированных Русских Особых бригад во французскую армию и в Русский легион в 1918 г.
Коробка 19N833	Переписка французского Генерального штаба с военным министром Франции о подготовке лагеря Майи для принятия солдат

	и офицеров Русских Особых бригад в 1916 г.
Коробка 22N436	Приказы французского Генерального штаба о перемещениях Русских Особых бригад по Франции с марта по апрель 1917 г.
Коробка 24N2931	Документы французского Генерального штаба по Русскому легиону 1917–1919 гг.: создание, организация, численность батальонов, описание сражений.
Коробка 26N169	Журналы военных действий французской армии 1917–1918 гг.

Приложение 2. Опись коробок, содержащих документы по истории Русских Особых бригад, хранящихся в Национальном архиве Франции⁵¹¹

Коробка	Описание содержимого
Коробка 94AP174	Переписка французского Генерального штаба и французского правительства об организации снабжения Русских Особых бригад в 1916 г. Отдельного внимания заслуживает письмо французского Генерального штаба военному министру Ж.С. Галлиени с предложением включить чехов в состав Русских Особых бригад. Ответ на письмо не был обнаружен.
Коробка 94AP181	Рапорты французских офицеров о моральном состоянии Русских Особых бригад в 1917 г. Список приданных Русским Особым бригадам французских артиллерийских частей на Западном фронте 1917 г.
Коробка 94AP186	Рапорты французских офицеров с описанием участия Русских Особых бригад в боевых действиях на Западном фронте в 1917 г.

⁵¹¹ Составлена автором.

Приложение 3. Опись коробок, содержащих документы по истории Русских Особых бригад, хранящихся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (США)⁵¹²

Номер коробки	Описание содержимого
Коробка 1	Приказ по 1-й Особой пехотной дивизии от 19 сентября 1917 г., включающий копии актов заседаний Георгиевской Думы о представлении офицеров к наградам за участие в наступлении Р.Ж. Нивеля. Поденные приказы русских войск во Франции и Русской базы в Лавале за 1918 г.
Коробка 2	Поденные приказы русских войск во Франции и Русской базы в Лавале за 1918 г.
Коробка 3	Финансовая документация о снабжении 1919–1920 гг.
Коробка 4	Рапорты офицерских судов чести 1919–1920 гг.
Коробка 5	Рапорты русских офицеров о Гражданской войне в России 1918–1919 гг.
Коробка 6–7	Рапорты, письма, приказы по Русским Особым бригадам. Списки солдат рабочих рот 1918–1919 гг. Отчеты солдатских комитетов в 1917 г.
Коробка 8–17	Сведения о численности 1-й и 2-й

⁵¹² Составлена автором.

	Особых дивизий за 1916–1919 гг.
Коробка 18–55	Послужные списки солдат и офицеров Русских Особых бригад 1916–1917 гг.
Дополнительная коробка 1	Переписка русских офицеров с французским Генеральным штабом о численности Русского легиона. Приказы по Русским Особым бригадам и Русскому легиону 1916–1918 гг.
Дополнительная коробка 2	Приказы по Русскому легиону, Русской базе в Лавале за 1918–1919 гг.
Дополнительная коробка 3	Документы 5-го Особого пехотного полка (приказы по полку, рапорты заседаний судов чести, сведения о тяжелораненых солдатах и офицерах) 1916–1917 гг.
Дополнительная коробка 4	Поденные приказы Русского легиона за 1918 г. Сведения о численности офицеров. Рапорты русских офицеров о дезертирстве нижних чинов за тот же год.
Дополнительная коробка 5	Рапорты русских офицеров об участии Русского легиона в боях на Западном фронте в 1918 г.
Дополнительная коробка 6	Рапорты русских офицеров о Русском легионе и Русской базе в Лавале за 1918 г.

Приложение 4. Шифрограмма военного министра П. Пенлеве генералу Л. Комби, командующему 12-м военным округом, с поручением передать генералу Ж. Видалону приказ военного министерства России об отправке русских войск из Франции в Россию⁵¹³

Генеральный штаб армии
10 СЕНТ[ЯБРЯ] 1917
Военный министр
г. Генералу Командующему 12 Округом
в ЛИМОЖ

ЗАШИФРОВАНО И ОТПРАВЛЕНО

10 Сент 16 ч 45

под номером 877 3/11

Просьба передать Генералу Видалону по его прибытии в Лимож текст следующей телеграммы, которую я получил:

ОБУССОН 10 сентября 1917 – 10 Ч. 55

Генерал ЗАНКЕВИЧ Военному министру в Париж

Получил по телеграфу приказ Военного министра отправить обратно в Россию все русские войска из Франции подробности в письме.

Военному министру и по его приказу,

Генерал, Начальник Генерального штаба (подпись)

⁵¹³ Архив исторической службы Министерства обороны Франции. Перевод автора.

Приложение 5. Письмо военного министра Франции П. Пенлеве от 23 сентября 1917 г. министру иностранных дел Франции А. Рибо об итогах подавления мятежа в Ля-Куртине; подписано начальником Генерального штаба Ф. Фошем по поручению военного министра⁵¹⁴

Французская республика.

Военное министерство

Письмо

23 СЕНТ[ЯБРЯ] 1917

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Направление политических и торговых дел. Европа.

Имею честь сообщить Вам, что подчинение мятежных русских войск является делом завершенным. Это было достигнуто Генералом ЗАНКЕВИЧЕМ в ходе следующих действий:

Генерал ЗАНКЕВИЧ собрал вокруг Лагеря ЛЯ-КУРТИН 4 батальона пехоты и 2 роты пулеметчиков из состава 3-й Бригады из Лагеря КУРНО, а также артиллерийскую часть, взятую из войск, которые направлялись через Францию на Салоникский фронт.

14 сентября в 15 часов Генерал отправил мятежникам ультиматум, в котором предписывалось сложить оружие до 10 часов утра 16 сентября; в то же время русские войска в первой линии, французские части во второй образовали полную блокаду Лагеря, перерезав пути снабжения.

Мятежники не подчинились, по истечении срока ультиматума пушки открыли огонь с продолжительными интервалами, начиная с 10 часов утра 16 сентября; в результате к утру 17 сентября в плен сдались более 8.000 мятежников.

Последняя группа сопротивленцев, которая продолжала удерживать часть Лагеря, достаточно легко сдалась днем 19 сентября.

В ходе операции Генерал ЗАНКЕВИЧ использовал исключительно русские

⁵¹⁴ Архив исторической службы Министерства обороны Франции. Перевод автора.

войска, собранные вокруг Лагеря; французские части, которые располагались позади в целях пресечения любых происшествий, задействованы не были.

Добавляю, что мятежники потеряли 9 убитых и 46 раненых, большая часть этих потерь была причинена не лояльными войсками, а другими мятежниками, которые открыли огонь из пулеметов по своим же товарищам, когда те пошли сдаваться.

Я сообщил вышеприведенные факты нашему Военному представителю в ПЕТРОГРАДЕ шифрограммой.

Оставляю на Ваше усмотрение вопрос, нужно ли сообщить эти сведения нашему Послу в ПЕТРОГРАДЕ, чтобы он мог пресекать неверную трактовку произошедшего и искажение фактов, которые могут получить распространение в России.

Для Министра и по его приказу,

Генерал, Начальник Генерального штаба

Подпись Фош (подпись)